

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSEE RUSSE

№164/11-12 (5035)

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ 2024

На русском
и английском языках

Журнал основан

в 1880 году

www.RussianMind.com



ЯЛТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1945 год



9 770757 223144



4 191898 007502

UK£4.00
Germany, Austria, Italy,
Luxembourg, Portugal, Estonia ...€5.50
Belgium, Greece€5.50
France, Spain€5.60
Switzerland5.60 CHF
Hungary2290 HUF
Poland26.90 PLN



СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «РУССКАЯ МЫСЛЬ» НА 12 МЕСЯЦЕВ

На территории Великобритании – 65 GBP **ГОДОВАЯ**
По странам Евросоюза – 70 EUR **электронная подписка –**
Остальные страны – 88 EUR **30 EUR**

ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОДПИСКИ ВЫ МОЖЕТЕ:

1. Оплатить подписку на сайте журнала «Русская мысль»: russianmind.com/payment/
2. Оплата через платформу **Isubscribe:**



ВАЖНО:

После осуществления оплаты Вам нужно отправить подтверждение оплаты и Ваш домашний адрес на электронную почту subscription@russianmind.com с пометкой «Подписка»

СЛОВО РЕДАКТОРА

ИНТЕРЕСЫ И ИДЕИ



Известный испанский политик и писатель XIX столетия Эмилио Кастелар считал, что история человечества есть непрерывная борьба между идеями и интересами, где на мгновение побеждают интересы, а надолго – идеи. Ялтинская конференция союзных держав, которой посвящен новый выпуск «Русской мысли», – прекрасная иллюстрация этого утверждения. Верховный главнокомандующий ВС СССР Иосиф Сталин, президент США Франклин Рузвельт и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль собрались 4–11 февраля 1945 года в освобожденном от гитлеровских оккупантов Крыму, чтобы провести новые государственные границы на территории Европы, еще недавно занятой Третьим рейхом, и создать глобальный механизм, гарантирующий неизменность проведенных на карте мира разграничительных линий.

Первой позицией на повестке дня мировых грандов было воплощение послевоенных интересов их держав, а второй – реализация идеи об универсальной структуре для решения кардинальных вопросов сохранения мира на Земле, для обеспечения взаимопонимания и плодотворного

сотрудничества государств. Так через несколько месяцев в Сан-Франциско возникла Организация Объединенных Наций...

Большая игра интересов и идей успешно завершилась сотворением нового мира, который просуществовал почти столетие. О различных аспектах Ялтинского саммита мы публикуем материалы историков, политологов, писателей. Эхо Ялты-45 хотя порой и глушится некоторыми сегодняшними зарубежными «доброжелателями» России, но все равно звучит до сих пор повсеместно. Никто в наши дни не решится оспаривать того, что планета нуждается в поиске новых согласованных решений руководителей различных стран, если мы хотим сохранить мир на Земле, такой ранимой и хрупкой в атомный век. ООН, может, и не является самой совершенной современной международной структурой, однако другого универсального инструмента по разрешению межгосударственных конфликтов человечество пока не придумало.

Вторая условная «тетрадь» выпуска отдана нашим традиционным темам. Читатели продолжают знакомство с настоящей сагой об истории Российской империи, ознакомятся с юбилейными материалами: мы отметим 295-летие со дня рождения Александра Суворова, 225-летие Карла Брюллова и, конечно же, 200-летие создания Александром Грибоедовым замечательной комедии «Горе от ума». В общем, как говорил Александр Чацкий, главный герой этого бессмертного произведения: «И дым Отечества нам сладок и приятен...» Слово в иллюстрацию сего постулата мы публикуем и «Православный вестник», и продолжение книги Евгения Ефремова о князе Григории Трубецком, и многое другое.

Кирилл Привалов

РУССКАЯ МЫСЛЬ
№164/11–12(5035)
НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ 2024

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Анатолий Адамишин
Митрополит Антоний
Ренэ Терра
Александр Трубецкой
Дмитрий Шаховской
Петр Шереметев
Сергей Ястржембский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Кирилл Привалов
kp@russianmind.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Карина Энфенджян
karina@russianmind.com

РЕДАКТОР ОТДЕЛА ПОЛИТИКИ

Вячеслав Катамидзе

ДИРЕКТОР ПО РАЗВИТИЮ

Александр Машкин
am@russianmind.com

КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР

Василий Григорьев
crp@russianmind.com

ДИЗАЙН

Роман Малофеев
design@russianmind.com

ПЕРЕВОДЧИКИ

Лилия Сергеева, Дмитрий Лапа

ПО ВОПРОСАМ

РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ:
sales@russianmind.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

distribution@russianmind.com

ПОДПИСКА:

subscription@russianmind.com

ОБЛОЖКА:

В дни Ялтинской конференции.
Фото: ТАСС



ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА БЫЛИ ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ИСТОЧНИКИ:

historyrussia.org, wikireading.ru, en.wikipedia.org,
griboedovlit-info.ru, bakhrushinmuseum.ru;
фото: wikimedia.org/wiki/wikipedia/commons,
commons.wikimedia.org, ozone.ru, unsplash.com

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в сообщениях информационных агентств, рекламных материалах и объявлениях. Редакция не имеет возможности вступать в переписку и не возвращает рукописи и иллюстрации. Редакция не предоставляет справочной информации. Перепечатка материалов из журнала «Русская мысль» – только по согласованию с редакцией. О случаях отсутствия в продаже журнала «Русская мысль», нарушениях сроков доставки и других недостатках в нашей работе сообщайте по номеру +44 (0) 203 205 0041 или пишите на e-mail: rmoffice@russianmind.com
ТИРАЖ: 7000 экз.

ТЕМА НОМЕРА

6 ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, ЯЛТА



Событие, состоявшееся 4–11 февраля 1945 года в Крыму, позволило человечеству почти полвека существовать без угрозы новой мировой войны.

ИСТОРИЯ

12 «ЯЛТИНСКАЯ СИСТЕМА» И СОЗДАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ



Государствам-учредителям ООН, несущим главную ответственность за судьбы мира, необходимо действовать по принципу «Не навреди».

22 ПРОТОКОЛ РАБОТЫ КРЫМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Архивный материал.

26 ВСПОМИНАЯ «БОЛЬШУЮ ТРОЙКУ»



Многие решения Ялтинской конференции готовились задолго до февраля 1945 года.

30 ЯЛТУ ВЗЯЛИ В КОЛЬЦО



Вокруг трех резиденций, где остановились высокопоставленные гости, образовали кольца охраны.

33 МЕЧ СТАЛИНГРАДА

Дар короля Великобритании Георга VI.

34 ПЕРЕСТРОЙКА ЭПОХ



Решения Венского конгресса спровоцировали целую серию освободительных войн и революций.

40 РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX ВЕКА

Усилившаяся конкуренция между капиталистическими странами и новые потребности в сырье и рынках сбыта подталкивали державы к активизации колониальной политики.

52 ПЕРВЫЙ ГЕНЕРАЛИССИМУС В ИСТОРИИ РОССИИ



К 295-летию со дня рождения Александра Суворова.

НАШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

60 ТИХИЕ ВОДЫ ГЛУБОКИ

Юрий Ключников: «В сердечной книге не желать страницам...»

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЕСТНИК

68 ВДОХНОВЕНИЕ СВЯТЫХ

Дмитриевская родительская суббота всегда приходится на последнюю субботу перед 8 ноября – днем памяти святого великомученика Димитрия Солунского.

КУЛЬТУРА

74 НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ МАСТЕР РУССКОГО КЛАССИЦИЗМА



К 225-летию со дня рождения Карла Брюллова.

ЛИТЕРАТУРА

80 «А СУДЬИ КТО?..»



Бессмертной комедии Александра Грибоедова «Горе от ума» – 200 лет.

88 КРАЙ ОЛЕАНДРОВ И МАГНОЛИЙ



Ялта как паломничество к счастью.

90 ПОЛУОСТРОВОВ СОКРОВИЩ СЕН-ЖАН-КАП-ФЕРРА



Глава из книги Алисы Даншох «Истории из пропавшего чемодана» (начало в № 163, сентябрь/октябрь).

ОЧЕРК

98 ХУДОЖНИК, ТВОРИВШИЙ СВОЙ ЗРИМЫЙ И НЕВИДИМЫЙ МИР



Алексей Комаров: «Я думал, что Пески будут моей последней и тихой пристанью, но мы пережили в Песках войну...»

ТОЛЬКО У НАС

102 ОДИНОКИЙ «ЮНКЕРС»

Мы продолжаем публикацию повести Валерия Поволяева.

СОБЫТИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

110 ВЫСТАВКА



«Галина Уланова: “Душа движения – движение души”».

ЧИТАЙТЕ В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, ЯЛТА

Событие, состоявшееся 4–11 февраля 1945 года в Крыму, позволило человечеству почти полвека существовать без угрозы новой мировой войны

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ



Памятник «Большой тройке» в Ялте

«История – это политика, которую уже нельзя исправить. Политика – это история, которую еще можно исправить», – утверждал в прошлом столетии мудрый немец Зигмунд Графф, известный писатель. Ялтинская конференция глав СССР, США и Великобритании – это политика в чистом виде, вполне ставшая историей. Той самой большой Историей, которая пишется только с прописной буквы и которая учит нас не совершать ошибок. И все попытки, предпринимаемые порой некоторыми политиками и историками как-то иначе оценить произошедшее вчера или уменьшить его значение сегодня, совершенно напрасны. Ибо событие, состоявшееся 4–11 февраля 1945 года в Крыму, позволило человечеству почти полвека существовать без угрозы новой мировой войны.

Предшествование

Есть вехи в истории, которые обозначают ход цивилизации. Я говорю не о Всемирном потопе и не о Великом обледенении, а о делах человеческих, можно сказать рукотворных. То есть о том, что непосредственно зависит от нас, простых людей. Не только от всемогущих правителей и амбициозных политиков с хитромудрыми дипломатами, а от всех людей, изнуренных войнами и не желающих их повторения.

«Искусство внешней политики – направить неизбежное в нужное русло», – утверждал американский госсекретарь Генри Киссинджер. А пожалуй, «неизбежное» в мире самой «внешней» из политик – то, что рано или поздно все войны кончаются. Конечно, таков весьма скудный позитив на фоне бед, постигающих миллионы людей в годину бедствий, и тем не менее...

Вестфальский мир после страшной Тридцатилетней войны, Венский – после наполеоновской агрессии, предпринятой против, без преувеличения, всей Европы... Ялтинский мир после Второй мировой стоит в ряду этих ключевых событий Истории с большой буквы.

Вестфалия, Вена, Ялта – три «мировые системы». Первые две, сформированные после двух глобальных войн, долго оставались эффективными, пока им на смену не пришла новая система – ялтинская. И тоже – после обширной, поистине вездесущей войны. Как и когда, при каких обстоятельствах происходил слом мирового порядка? Почему он состоялся?.. У каждой из этих систем – свои характеристики выживания и свои причины падения. И каждая из этих систем – Вестфальская и Венская – потом становилась этапом того эпохального дипломатического восхождения, которое имело место быть в советской, едва освобожденной от фашистских оккупантов Ялте.

Некоторые специалисты в исторической науке считают Тридцатилетнюю войну чуть ли не первой из мировых. С этим суждением можно соглашаться или нет. Однако практически все страны Европы в той или иной степени оказались затронутыми военными действиями и их последствиями (под окончательным мирным договором стоит подпись и русского царя Алексея Михайловича). Не говоря уже о немцах, чьи земли оказались в эпицентре большинства сражений. Население Священной Римской империи германской нации уменьшилось с 16 миллионов до четырех. В 1650 году в Нюрнберге даже был принят закон: «Так как нужды Священной Римской империи требуют восстановления населения, уничтоженного мечом, болезнями и голодом, то каждому мужчине в течение ближайших десяти лет разрешается вступить

в брак с двумя женами». Возможно ли такое?! Официальная полигамия в самом центре христианского континента!

Вестфальский мир, подписанный в 1648 году, положил начало новому порядку в многоконфессиональной Европе, провозгласившей принцип веротерпимости и уравнившей в правах католиков и протестантов, – порядку, отменившему принцип *cuius regio, eius religio* (чье право, того и религия) и основанному теперь на концепции государственного суверенитета. По нормам, установленным Вестфальским миром, главная роль в международных отношениях, ранее принадлежавшая монархам, перешла к суверенным государствам. Можно долго перечислять итоги встречи политиков в городах Мюнстер и Оснабрюк. Главное же в них то, что пал старый иерархический порядок международных отношений. К тому же это событие в немецких землях, ставшее первым современным дипломатическим конгрессом, явилось на протяжении последующих столетий началом череды многонациональных конференций политиков, определявших на разных этапах судьбы Европы, да и всего мира.

Вестфальская система просуществовала полтора века. Согласитесь, немало. И была сломлена французской буржуазной революцией 1789 года и последовавшими за ней пертурбациями, включая прежде всего наполеоновские войны.

Новая система международных отношений родилась в Вене, на конгрессе 1814–1815 годов, где появилось понятие «концерта наций». «Концертная идеология», демонстративно ссылавшаяся на политическую философию так называемой «гармонии мироздания», модную в ту пору утопическую теорию еще пифагорейского толка, касалась не только изобильных музыкальных развлечений в Вене монархов и сиятельных чиновников, но и их



На одном из заседаний Ялтинской (Крымской) конференции союзных держав

Фото: РИА Новости

политических отношений. В перерывах между суаре под трофейное шампанское и шумными балами с венскими вальсами победители Наполеона восторженно делили его империю и договаривались о восстановлении того *status quo*, который некогда существовал после Вестфальского мира.

«Они ничего не поняли и ничему не научились», – заявил о Бурбонах, возвратившихся из эмиграции в Лувр, Шарль Морис де Талейран-Перигор, записной французский интриган от большой политики. Любопытно, что такой же, бурбонской, ностальгией по годам, казалось бы, безвозвратно минувшим, были обуреваемы и все основные участники конгресса. Увы, нельзя

не признать, что той же самой страстью нередко болеют многие политики, включая современных.

Это, впрочем, являлось лишь видимой частью европейского дипломатического «айсберга». Главной же задачей «концертмейстеров» в Вене было договориться о новой мировой «системе» и установить отличные от вестфальских правила отношений между странами. Ведь на арене начала XIX века появились иные ведущие игроки, страны-победительницы Наполеона: Россия, Пруссия, Австрия и Великобритания. Все решения Венского конгресса были собраны в Заключительном акте. В нем сообщалось и о создании Священного союза европейских государств,

который должен был гарантировать незыблемость европейских монархий. Впервые была обговорена задача «упреждения агрессора». Иначе говоря, печальный конец Наполеона, посягнувшего на священное право «помазанников Божьих» на престол, должен был стать уроком для потенциальных узурпаторов всех мастей... Только стал ли? Достаточно вспомнить племянника Наполеона Луи Бонапарта, устранившего в той же самой Франции в 1851 году учредительную власть с помощью штыков.

Что ж, ровно на столетие глобальной континентальной катастрофы удалось избежать. «Концерт наций» превратился в обширную аристократическую семью особ

с «голубой» кровью, где все монархи Европы (за исключением турецкого султана, естественно) оказались связанными родственными узами. Подобного династического благолепия в стиле рафинированного Готского альманаха Старый континент еще никогда не испытывал. Казалось бы, еще чуть-чуть – и вот наступит долгожданный, воспетый в мифах Золотой век без кровопролития и аннексий территорий! Но все карты вразг смешала развязанная Германией и Австрией Первая мировая война.

Высокая игра

Помнится, однажды мой парижский друг решил показать мне в пригородном леске под Парижем «вагон перемирия» – так французы называют железнодорожный вагон, в котором в 1918 году было подписано Первое комьпенское перемирие, то есть капитуляция Германии. Любопытно, что о Втором комьпенском перемирии (иначе говоря, о капитуляции на этот раз Франции в 1940 году) мой товарищ из Пятой республики почему-то ничего мне тогда не сказал. С унижительной для немцев церемонии в Комьпене начался после Первой мировой новый международный порядок, названный большинством историков Версальским.

«Политика гораздо сложнее, чем физика», – признался однажды Альберт Эйнштейн. Создатель общей теории относительности знал, о чем говорил, ибо оказался современником событий, постигших мир после Первой мировой войны. Тогда мировая система безопасности создавалась исключительно в интересах стран-победительниц: Великобритании, Франции, США и Японии. Интересы побежденных и вновь возникших на обломках империй стран откровенно игнорировались. О какой сбалансированной

системе можно было говорить в таком контексте, когда США сразу отказались от функционирования в ней? Когда антигерманская направленность структуры и проводимая ею в жизнь демонстративная изоляция Советской России отнюдь не способствовали обеспечению стабильности в мире? Естественно, ни о какой универсальности сложившейся системы не могло быть и речи. Напротив – образовался так называемый «блок оскорбленных» (Германия, Россия, Австрия), и потенциал возможного мирового конфликта вырос как на дрожжах.

Созданная на «версальской» волне Лига наций претендовала на создание нового инструмента международного порядка, но организация, где тон задавали Великобритания и Франция, оказалась малопредставительной и неэффективной, более того – беспомощной. Европоцентризм исчерпал себя, мир нуждался в поистине глобальной системе. И она обрела свое рождение в Ялте.

Конференция никогда бы не случилась в Крыму, если бы не настойчивость Иосифа Сталина. Он не любил летать на самолетах. Попробовал один раз, когда прибыл по воздуху на саммит в Тегеран – и хватит, довольно... Поэтому, когда американский президент Франклин Рузвельт в июле 1944 года официально предложил лидеру СССР устроить новую встречу на высшем уровне, встал болезненный вопрос о месте проведения конференции. Союзники поначалу предложили встретиться в Шотландии, вроде бы, примерно на равном расстоянии от США и СССР. Символика в англо-саксонском стиле, однако... Сталину это не понравилось, и он придумал отговорку в духе поистине кавказского джигита: сказал, что не хочет ехать к «мужчинам в юбках». Конечно, это прозвучало как очередная своеобразная шутка «отца

народов». На самом деле Москва отклонила эту идею, видя активность боевых действий на фронте: Красная армия громила нацистов. Сталин решил выиграть время, чтобы потом разговаривать с союзниками с более убедительными аргументами – по итогам победоносной военной кампании 1944 года.

Тогда Рузвельт, не скрывавший раздражения, предложил провести конференцию в Риме, Александрии, Иерусалиме, Афинах или, наконец, на Мальте, непотопляемом «британском авианосце». Сталин от всего отказался: дескать, совершать столь далекие поездки ему не рекомендуют врачи, а вот Рузвельт, передвигающийся только в инвалидной коляске, мог бы найти благоприятный для его хрупкого здоровья климат в Крыму. Услышав о предложении Сталина, Уинстон Черчилль впал в ярость, заявил, что худшего места, чем Крым, не нашли бы, «даже если бы искали десять лет». Советский вождь, однако, стоял на своем и пустил в ход самые разные ухищрения. Так, пообещал Черчиллю посещение могилы его деда герцога Мальборо, убитого во время Крымской войны под Балаклавой. А в конце декабря взял и предложил послать вместо себя на саммит Вячеслава Молотова, народного комиссара иностранных дел, заместителя председателя Государственного комитета обороны СССР. Понижать таким образом уровень конференции союзники никак не могли, и за несколько дней вопрос о Ялте был решен.

«Председательствовал на конференции Рузвельт, который вел все заседания, но неформальным лидером в Ялте оставался, конечно же, Сталин, чьи войска к тому времени стояли уже в полусотне километров от Берлина, – рассказывал мне журналист и историк Анри Амуру, член Французской академии (он печатался в издательстве “Робер Лаффон”, в котором вышла в свет



Советские, американские и британские дипломаты во время Ялтинской конференции

моя первая французская книга, и мы нередко встречались на площади Сен-Сюльпис, где в ту пору располагалось издательство). – Характерно, что в Ялте, как ранее и на встрече в Тегеране, где три мировых лидера впервые сошлись, не было повестки дня. Общение оставалось неформальным, каждый из участников поднимал тот вопрос, который ему казался наиболее злободневным. Согласитесь, редчайший случай для саммитов такого рода... Жесткого регламента

не было, несмотря на то что делегации, конечно, к этому на всякий случай готовились. Мне удалось поработать в британских архивах, и я увидел ялтинские документы команды Черчилля. Сохранились и его персональные заметки, сделанные почему-то пронзительно зелеными чернилами. Этой же ручкой Бульдог – таково прозвище Черчилля – расчерчивал и карту Европы, разделенной со Сталиным на сферы влияния... Про такую дипломатию обычно говорят, что она остается

“в галстуках”, но при “расстегнутых пиджаках”. Судьбы планеты решались на личных отношениях суперлидеров».

Сталин умел очаровывать. Для Рузвельта была приготовлена комната с учетом его пристрастий. Так, американец обожал голубой цвет, и все в апартаментах – шторы, плитка на полу, даже телефонный аппарат – было выполнено в небесных тонах, столь сочетающихся с видом из окон на Черное море. Чтобы добиться нужного эффекта, ванную

комнату перекрашивали семь раз! Были учтены и гурманские вкусы Рузвельта. Его покорила коллекция подвалов Массандры, столь опрометчиво оставленных гитлеровцами едва тронутыми. Сталин даже подарил Рузвельту при прощании черенки крымских виноградных лоз. Отсюда потом появилась легенда, будто знаменитые калифорнийские вина – это на самом деле «потомки» массандровских ростков... И вообще, с хорошими отношениями Сталина и Рузвельта,

возникшими в Ялте, связано немало легенд. Согласно одной из них, План Маршалла, задуманный Рузвельтом, изначально рассчитывался как проект экономического восстановления СССР, пострадавшего от войны. Именно поэтому, дескать, таким внушительным и обширным было его финансирование. Только смерть Рузвельта в 1945 году и последовавшее за ней президентство Гарри Трумэна, яркого антисоветчика, поменяли все перспективы, и миллионы долларов в пору холодной войны пошли на другие цели – для закабаления Европы.

Дипломатия, политика и история в одном флаконе! Занимательно рассматривать фотографии «Большой тройки». Рузвельт непременно в центре позирующих. Сталин хитро сделал: американский президент, размещенный в Ливадийском дворце, где проходила конференция, выступал как бы в роли хозяина, поэтому он и в центре. Но тональность высокой игры в Ялте все равно диктовал советский лидер. Сталин тонко давал это понять своим именитым партнерам. То он не явился на аэродром в Саках встречать Черчилля и Рузвельта, которые вылетели с Мальты разными самолетами, то нарушил протокол, опоздав на открытие конференции (на упрек партнеров Сталин съязвил: «Разве может опоздание на пятнадцать минут сравниться с двумя годами задержки открытия союзниками второго фронта!»), то демонстративно собрался покинуть переговоры, когда узнал, что американцы называют его между собой «дядей Джо»...

Черчилля Сталин знал лучше, он неоднократно с англичанином раньше общался, но и контакты с ним строились сложнее. Правда, помог армянский коньяк, который британский премьер, большой любитель крепких напитков, так высоко оценил в Ялте, что даже увез в своем самолете

небольшой бочонок, подаренный Сталиным. Тем не менее это не отменяло страстей, кипевших в ходе дискуссий. При обсуждении размеров репараций хозяин Кремля стал настаивать на получении от Германии 10 миллиардов долларов. Услышав это, Черчилль возмутился и аж вскочил со своего кресла. Однако Сталин быстро поставил британца на место – прикрикнул на него, как на нашкодившего мальчишку и попросил впредь не забываться: он говорит со страной-победительницей! Смешавшемуся Черчиллю оставалось только притихнуть... Впрочем, этот казус не испортил премьеру настроения. Он задержался в Крыму дольше всех и, улетая 14 февраля, заявил на прощание: «Покидая воскрешенный Крым, очищенный от гуннов благодаря русской доблести, выражаю всем благодарность и восхищение доблестным народом и его армией».

Контуры будущей Европы были расписаны в Ялте и оставались таковыми на протяжении почти полувека. В «биполярном мире» правила игры диктовали СССР и США.

Руководители трех союзных держав договорились и о созыве 25 апреля 1945 года в американском Сан-Франциско конференции Объединенных Наций. Насколько успешным оказался этот проект? Можно долго обсуждать сей предмет. Однако никто не решится оспаривать жизнеспособность ООН. Именно в Ялте были заложены основы такого универсального форума с его уникальной легитимностью, несущей конструкции международной системы коллективной безопасности. Пока что это действует и по сей день. Ялта показала государствам по обе стороны Атлантики, как надо жить в мире системного противостояния, и наложила свою мощную проекцию на будущее. Включая и наши дни.

«ЯЛТИНСКАЯ СИСТЕМА» И СОЗДАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Государствам-учредителям ООН, несущим главную ответственность за судьбы мира, необходимо действовать по принципу «Не навреди»

ЛИДИЯ ГРИШАЕВА,

доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова



Большой Ливадийский дворец, в котором 4–11 февраля 1945 года проходила Ялтинская конференция

На Ялтинской конференции «Большой тройки», проходившей в Крыму с 4 по 11 февраля 1945 года, были согласованы основные подходы союзников по антигитлеровской коалиции к послевоенному устройству мира, определены пути и средства достижения устойчивого мира и обеспечения всеобщей международной безопасности и выработаны основополагающие принципы новой послевоенной системы международной безопасности с учетом причин, вызвавших Вторую мировую войну

и приведших к краху предвоенной Версальской системы, не обеспечившей всеобщую безопасность.

Развязавшие Вторую мировую войну Германия и Япония были выведены из числа великих держав: баланс сил в мире изменился коренным образом, и они вынуждены были подчиниться диктату победителей – СССР, США и Великобритании – при создании новой архитектуры международных отношений. Центральным институтом по предотвращению новой мировой войны и обеспечению всеобщей международной безопасности стала созданная по итогам Ялтинской конференции Организация Объединенных Наций.

Творцами ООН явились государства-победители: СССР, США и Великобритания. Основы ООН были заложены на Ялтинской конференции «Большой тройки». Подписание Устава ООН по решению, принятому в Ялте, состоялось 26 июня 1945 года на конференции в Сан-Франциско. Это особая веха, которая, с одной стороны, ознаменовала итог долгой подготовительной работы, а с другой – начало нового рубежа, связанного с ратификацией Устава ООН как главной основы международного права и единственного международного договора, определяющего четкие обязательства всех государств мира в послевоенный период и являющегося своеобразным фундаментом нового мирового правопорядка.

У истоков создания ООН

В феврале 1945 года в Ливадийском дворце близ Ялты собралась «Большая тройка»: председатель СНК СССР Иосиф Виссарионович Сталин, президент США Франклин Делано Рузвельт и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль. Еще шли жестокие бои в Европе и Азии,

а лидеры антигитлеровской коалиции определяли план послевоенного устройства мира. Именно в Ялте были заложены основы так называемой ялтинской системы мироустройства.

Сейчас итоги конференции оценивают неоднозначно, особенно в странах Восточной Европы. Каждый из лидеров «Большой тройки» желал достичь послевоенных условий мира, выгодных прежде всего для своей собственной страны, но при этом приходилось принимать во внимание и интересы партнеров-соперников. В такой ситуации все прочие интересы могли являться второстепенными в переговорах «Большой тройки».

Вместе с тем осознание того, что интересы Сталина относительно Восточной Европы придется учитывать, было совершенно очевидно и для Рузвельта, и для Черчилля, который воспринимал это куда болезненней. Но он тоже понимал: против очевидного факта роста влияния и авторитета СССР не поспоришь. А ему надо было сохранить то, что осталось от распадающейся Британской империи.

Впрочем, и Сталин был готов к достижению разумного компромисса. Позднее Госсекретарь США Эдвард Стеттиниус констатировал: «В целом Ялтинские соглашения явились дипломатическим триумфом Соединенных Штатов и Англии». Потому что в Ялте советские представители сделали больше уступок, чем западные партнеры, хотя последние нуждались в Сталине больше, чем он в них.

В свою очередь, А. А. Громыко, выдающийся советский дипломат, посол в США, подписавший Устав ООН, ведущую роль в успехе ялтинских соглашений справедливо отводил Советскому Союзу при содействии Соединенных Штатов Америки, поскольку в победу над фашизмом СССР внес решающий вклад, а мысли Сталина и Рузвельта



Международная конференция в Сан-Франциско, проходившая с 25 апреля по 26 июня 1945 года

о глобальном устройстве мира во многом совпадали.

На Ялтинской конференции Рузвельт и Черчилль фактически являлись просителями, имея в виду, что только Советский Союз способен обеспечить войскам западных союзников победу в Европе и Азии. В «Памятке» и документах, подготовленных министерствами США для президента и государственного секретаря, выезжавших в Ялту, подчеркивалось: «Мы должны иметь поддержку Советского Союза для разгрома Германии. Мы отчаянно нуждаемся в Советском Союзе для войны с Японией по завершении войны в Европе». Не менее важным для понимания позиции американской делегации в Ялте является следующая мысль в «Памятке»: «Судя по современной обстановке, все народы Европы охвачены «левыми» настроениями и весьма сильно выступают за далеко идущие экономические и социальные реформы».

Соединенные Штаты имели достаточно реалистичное представление о советской мощи и создаваемой Советским Союзом собственной сферы влияния, отдавая должное потребностям Сталина в обеспечении безопасности страны.

Политические оценки Сталина сложившихся обстоятельств в мировых делах были совершенно реалистичными, прагматичными и рациональными. Сферы влияния не были предметом произвольного выбора, а являлись основными принципами формирования новой системы международных отношений на основе взаимного компромисса. Совершенно очевидно, что Рузвельту приходилось говорить со Сталиным на языке политического реализма. После впечатляющих побед Красной армии под Сталинградом и на Курской дуге Рузвельт все больше убеждался в том, что СССР является решающим фактором поражения держав

«оси» в Европе и что необходимо активное сотрудничество с ним в послевоенном мире.

За столом переговоров собрались представители стран, принадлежавших к различным политическим и социально-экономическим системам, имевших разные цели в послевоенном мире, и что особенно важно, вносящих разный вклад в разгром гитлеровской Германии. Основная тяжесть военных действий даже после открытия второго фронта продолжала лежать на Красной армии. И союз-

ники явно опасались, что СССР вполне может освободить всю Европу без их участия и окончательно закрепить в ней свое военнополитическое влияние. Именно поэтому они вынуждены были искать компромисс, чтобы не дать СССР единолично одержать победу над общим врагом – гитлеровской Германией – и утвердить свое господство в Европе на обломках поверженной Германской империи.

Серьезные опасения союзников относительно решающей роли СССР во Второй мировой войне наиболее откровенно выразил британский премьер-министр Черчилль. Он ясно предвидел опасность для европейского населения «при гигантском продвижении москвитов в центр Европы» и мотивировал это тем, что в будущем, после переброски американских войск из Европы, «широкая полоса оккупированной русскими территории протяжением во много

сот миль отрезет нас от Польши». Черчилль отчетливо понимал, что в условиях, когда Германия будет окончательно повержена, «в весьма скором времени перед русскими откроется дорога, если им это будет угодно, к водам Северного моря и Атлантического океана».

Премьер-министр Великобритании был уверен, что именно от СССР исходила главная угроза международной безопасности и стабильности. Он уже в то время фактически излагал ставшую известной позднее мысль о необходимости изблечения «не имеющих границ экспансионистских устремлений Советского Союза», стремления Советского Союза к «безграничному распространению своей силы и своих доктрин», «бесконечно наращивать свою мощь с одновременной экспансией своей идеологии». Ясно, что Черчилля беспокоила даже не столько военная мощь СССР, сколько явно возросшие устремления, подкрепленные советской военной силой, освобождавшей народы Европы, распространить в мире ненавистную Черчиллю коммунистическую идеологию. Вместе с тем он прекрасно понимал, что в то время вступать с СССР, своим союзником по антигитлеровской коалиции, в открытое военное противостояние было опасно и весьма опрометчиво, поскольку подобной военной силы на европейском континенте у Англии не было, а также ввиду того, что роль ее как великой морской и колониальной державы явно и последовательно уменьшалась. Более того, предстоял еще разгром милитаристской Японии в Азии, а без Красной армии с ней справиться было просто невозможно.

Таким образом, создание будущей Организации Объединенных Наций – главной организации всеобщей безопасности по поддержанию мира – проходило в сложной политической борьбе. Советскому

Союзу приходилось прилагать огромные усилия для отстаивания своих основополагающих интересов, своей роли в победе во Второй мировой войне и своего места в послевоенном мире.

Распад СССР

Ялтинские договоренности по созданию ООН постоянно подвергаются серьезным испытаниям. Особенно явственно это проявилось после распада СССР. Юридически Россия является страной-учредителем ООН с 24 октября 1945 года (сначала через посредство СССР), вместе с другими первоначальными членами Организации – США, Великобританией, Францией, Китаем, а также Украинской ССР и Белорусской ССР, получившими в ООН отдельное членство с момента создания Организации. Законные права России как правопреемника СССР перешли к ней не автоматически, а в сложной политической борьбе. Отдельного места в ООН у России до распада СССР не было. Возражая против получения Россией всех привилегий великой державы-основателя ООН и препятствуя передаче ей места постоянного члена Совета Безопасности, оппоненты в своем неприятии России ссылались именно на те принципы, которые первоначально были выработаны и заложены в Устав ООН – основу международного права – при решающем участии СССР (России). Тем самым они старались оттеснить Россию на второстепенные роли в решении ключевых проблем развития мировых процессов, воспользовавшись ее временными трудностями. Более того, они хотели лишить Россию статуса государства-учредителя ООН. Однако понимание Западом того, что Россия унаследовала статус основной ядерной державы, решило исход дела: России в 1991 году

не пришлось заново вступать в ООН, и она по праву сохранила место одного из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Объекты ялтинского спора

Конкретные противоречия, возникшие между СССР и США на завершающем этапе создания ООН, были успешно разрешены. Среди спорных проблем – первоначальное членство в ООН. Апогеем развернувшихся споров стала Ялта, где и были достигнуты принципиальные договоренности.

Государства-учредители ООН – СССР, США и Великобритания – обладали рядом преимуществ, поскольку они изначально участвовали в выработке основ Организации, ее принципов, полномочий и компетенций, что нашло свое отражение в Уставе ООН. Они также имели право формировать состав Организации, что определяло соотношение сил при принятии решений, важных для всех государств. Статус постоянного члена Совета Безопасности имеет значительный вес на мировой арене: только постоянные члены Совета принимают окончательное обязательное для выполнения решение по важнейшим вопросам международной безопасности, от них зависит стабильность международных отношений. Было очевидно, что в будущей ООН большинство голосов объективно принадлежало бы ангlosаксам, и Сталин совершенно справедливо добивался более справедливого баланса сил в создаваемой Организации.

При обсуждении проблемы первоначального членства (*primary membership*) объектами спора стали четыре страны: Польша, Аргентина и две советские республики – УССР и БССР. На начальных этапах все было согласны, что страны, подписавшие Декларацию Объединенных



Сталин и Рузвельт в Ливадийском дворце в дни Ялтинской конференции. 1945

Наций от 1 января 1942 года, должны вступить в ООН. Однако СССР также настаивал на том, чтобы все тогдашние 16 союзных республик должны стать учредителями новой Организации. (В. М. Молотов позднее предлагал уже включить 2–3 республики – Украину, Белоруссию и Литву, мотивируя это тем, что Британское Содружество представлено в подготавливаемых учредительных документах в полном составе). Когда западные великие державы наметили на несостоятельность данного предложения, СССР остановился на варианте принятия хотя бы двух

республик – Украины и Белоруссии, аргументируя это тем, что они внесли неоценимый вклад в дело борьбы с фашизмом. Предложение СССР о членстве советских республик в будущей ООН в целом было принято, но их число было ограничено двумя. Благодаря дополнительным голосам этих республик СССР стремился упрочить свое положение в будущей Организации и преодолеть численное большинство голосов Запада при голосовании, создав противовес включению в состав Организации, например, английских доминионов. Характерно, что вопрос о самостоятельном

членстве России даже не ставился, так как РСФСР полностью идентифицировала себя с СССР.

Присутствие Украинской ССР и Белорусской ССР в списке первоначальных членов ООН выглядит совершенно естественно с точки зрения международного права 1940-х годов. Эти республики, как и все прочие союзные республики, согласно Конституции СССР 1936 года (согласно редакции 1944 г.), имели ограниченный суверенитет (ст. 15); собственную Конституцию (ст. 16); право свободного выхода из состава СССР (ст. 17); право на внешнеполитическую

деятельность, включая заключение международных договоров и обмен дипломатическими миссиями с другими государствами (ст. 18-а от 1 февраля 1944 г.); право на собственные войсковые формирования (ст. 18-б от 1 февраля 1944 г.). Таким образом, союзные республики в СССР, как отмечалось в ходе подготовки создания ООН, формально были близки по своему статусу к доминионам Великобритании или протекторатам США, хотя фактически имели с ними очень мало общего из-за декларативности и неисполнения своих «конституционных прав». Однако именно эти республики, равно как и СССР в целом, внесли огромный вклад в победу над фашистской Германией, что явилось главным аргументом при включении их в состав первоначальных членов-учредителей ООН.

Великобритания на момент подписания Устава ООН была колониальной империей и включала в себя более 40 территорий – доминионов и колоний, – ставших впоследствии независимыми государствами, пять из которых являются первоначальными членами ООН – Австралия, Британская Индия (включая входившие в нее современные Пакистан, Бирму, Бангладеш), Канада, Новая Зеландия и Южно-Африканский Союз. А Филиппины, также ставшие первоначальным членом ООН, были в то время самоуправляющейся территорией под протекторатом США. Отметим, что место Китая в ООН и Совете Безопасности первоначально (до 1971 г.) занимал Тайвань (Гоминьдан).

Таким образом, в число первоначальных членов ООН входило восемь территорий, не обладавших формальной независимостью: УССР, БССР, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз, Британская Индия и Филиппины. Сейчас, когда в ООН входят только

независимые государства, это выглядит парадоксальной ситуацией, однако в 1945 году, до распада колониальных империй, международное устройство было гораздо более сложным из-за существования множества форм независимых государств без формального юридически оформленного статуса независимости, но обладавших самоуправлением и международным признанием.

Яблоком раздора стала Польша. Именно с Польши началась Вторая мировая война, правительство Польши находилось в эмиграции, будущие границы Польского государства еще не были определены. Без всякого энтузиазма участники Ялтинской конференции взялись обсуждать польский вопрос. К этому времени вся территория Польши контролировалась советскими войсками – убрать их оттуда не смогли бы ни союзники, ни враги. Рузвельт, поддержанный Черчиллем, предложил, чтобы СССР вернул Польше Львов, хотя сам понимал абсурдность такого предложения. Напротив, Сталин предложил «наградить» Польшу за счет германских земель, которых Рузвельту и так было совсем не жалко. Возмущался, правда, Черчилль, взывая к «праву» и «гуманизму». В итоге Сталин пообещал реорганизовать временное польское правительство на «широкой демократической основе», а стороны подтвердили прежнее решение Антанты относительно польской границы на Востоке: по линии Керзона с небольшими поправками. Западная же граница Польши должна была пройти по германским землям. Фактически решениями по польскому вопросу в Ялте было подтверждено, что Восточная Европа остается в советской, а Западная Европа и Средиземноморье – в англо-американской сфере влияния.

В апреле – мае 1945 года вопрос о действующем правительстве

Польши не был решен. Поддерживаемый США и Великобританией кабинет Станислава Миколайчика находился в эмиграции в Лондоне, а просоветский режим Болеслава Берута, установленный в июле 1944 года в городе Люблине, не устраивал западные державы. Сформировать общее правительство Польши, которое устраивало бы всех, также не получалось из-за упорства сторон. Участие Польши в ООН откладывалось до создания правительства, устраивающего все стороны. Неспособность польского эмиграционного правительства договариваться так не понравилась Рузвельту, что на Ялтинской конференции он предоставил СССР полное право на подавление всякого вооруженного сопротивления в тылах Красной армии. Вместе с тем при активном посредничестве Черчилля в переговорах с эмигрантским польским правительством в Лондоне и главным образом под давлением СССР Польша была включена в список подписывающих Устав ООН стран, а 5 июля 1945 года Великобритания и США признали Временное правительство Польши в качестве законного, «под гарантии СССР» о включении в его состав «не только коммунистов». Это привело к согласию великих держав по «польскому вопросу» и позволило Польше после урегулирования всех разногласий, в том числе и по поводу ее территориальных границ, войти в состав стран-учредителей ООН. В итоге Польша, хотя и не присутствовала на учредительной конференции ООН, Устав ООН подписала, причем в самый последний момент до истечения срока подачи ратификационных грамот, и стала таким образом 51-м первоначальным членом ООН.

Что касается Аргентины, то она очень долго оставалась последней в Латинской Америке страной, поддерживающей страны фашистской



Президент Франклин Рузвельт и премьер-министр Уинстон Черчилль обсуждают в Ливадийском дворце реорганизацию Европы

«оси». Разумеется, возник вопрос о правомерности ее членства в Организации. Советская делегация при обсуждении вопроса о членстве предложила также предусмотреть, что «фашистские государства и государства фашистского типа, как не соответствующие вышеприведенным основным принципам, не могут быть членами организации». Прежде всего имелась в виду Аргентина, где 4 июня 1943 года к власти пришло прогермански ориентированное правительство, не получившее международного признания.

История Аргентины во время Второй мировой войны – сложный

и противоречивый период аргентинской истории с момента начала войны в Европе и до капитуляции милитаристской Японии. Аргентина, бывшая тесным торговым партнером Германии, после начала войны объявила о нейтралитете. С одной стороны, в аргентинской экономике традиционно были сильны позиции Великобритании, с другой – все увеличивающееся немецкое население способствовало тесным контактам Аргентины с гитлеровской Германией, а нерешенный вопрос о принадлежности Фолклендских островов местные националисты использовали для пропаганды важной роли

Германии в военно-политическом противостоянии с Великобританией. Немецкая община Аргентины была одной из крупнейших в Южной Америке. В Аргентине имелись собственные многочисленные профашистские военные группировки, самая многочисленная немецкая диаспора, переселившаяся туда еще до прихода Гитлера к власти, придерживавшаяся в основном нацистских взглядов. Под сильным давлением США, а также предвидя скорое поражение стран «оси», Аргентина 27 марта 1945 года одной из последних объявила войну фашистской Германии и милитаристской

Японии. Непосредственно в боевых действиях страна не участвовала, но аргентинские добровольцы воевали по обе стороны фронта.

Остальные латиноамериканские страны выступали в поддержку Аргентины. США также не были против кандидатуры Аргентины. Однако Советский Союз не желал видеть эту страну в составе ООН до тех пор, пока не был решен вопрос о членстве УССР и БССР. В ответ латиноамериканские страны заявили, что будут голосовать против участия Украины и Белоруссии. Американская пресса очень долго возмущалась по поводу сомнительного характера процедуры отбора членов в новую организацию и явной предвзятости представлений некоторых участников процесса относительно стран-кандидатов. Особое удивление вызывало выдвижение Аргентины в качестве претендента на вступление в Организацию. Журналистам и общественному мнению вообще было непонятно, как может идти речь о вступлении в ООН Аргентины, еще совсем недавно лояльно настроенной по отношению к Гитлеру, в то время как любые переговоры об участии Польши, несправедливо пострадавшей в начале Второй мировой войны, сразу зашли в тупик. Компромисс относительно Польши был найден позднее, когда Э. Стеттиниус, А. Иден и В. Молотов договорились о формировании коалиционного правительства, куда должны войти представители различных политических кругов Польши, причем переговоры начались немедленно с приездом лидера польского правительства в изгнании в Лондоне С. Миколайчика в Москву. Что касается Аргентины и советских республик, было решено, что и Аргентина, и Белоруссия с Украиной примут участие в учредительной конференции ООН.

Самым важным для американцев и англичан явилось то, что в Ялте Сталин подтвердил: Советский

Союз вступит в войну на их стороне против Японии через три месяца после победы над Германией. Сталин лишь выдвинул следующие условия: сохранение статуса Монголии, возвращение России Южного Сахалина и прилегающих островов, интернационализация порта Далянь (Дальний), возвращение СССР ранее принадлежавшей России военно-морской базы в Порт-Артуре, совместное советско-китайское владение КВЖД и ЮМЖД, передача СССР Курильских островов. Рузвельт охотно согласился, да и Черчилль не стал перечить. Напротив, оба были приятно изумлены видимой скромностью сталинских запросов. Таким образом, в 1945 году под давлением союзников и на условиях передачи ему прав на Сахалин и Курильские острова СССР вступает в войну с Японией. Юридически острова переходят СССР через год. Как известно, Япония до сих пор считает, что российские Курильские острова Кунашир, Хабомаи, Шикотан и Итуруп принадлежат ей, и именует их своими «северными территориями». Япония односторонне и исключительно в свою пользу трактует, а значит, фактически игнорирует международный договор, по которому Курильские острова совершенно справедливо отошли Советскому Союзу.

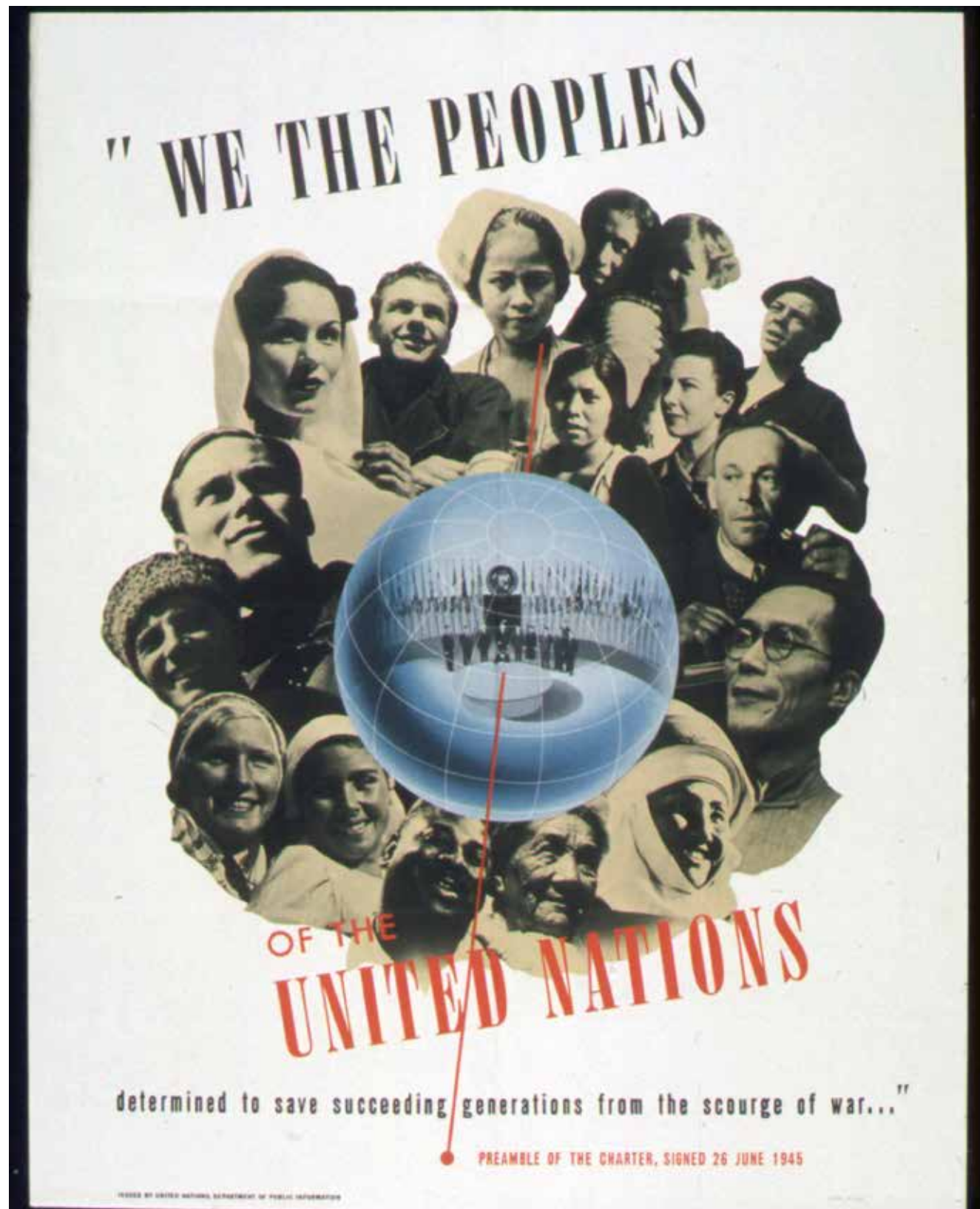
В Ялте было решено провести учредительную конференцию ООН в США в апреле 1945 года. Советская сторона согласилась с американским предложением, согласно которому постоянный член Совета Безопасности не мог принимать участие в голосовании в том случае, если вопрос касался страны-члена Совета Безопасности. Рузвельт воспринял советскую уступку с воодушевлением. Президент США выступал с идеей создания Организации Объединенных Наций. Сталин поддержал эту идею сразу, а вот Черчилль разглядел

в ней антибританский подвох. Действительно, по мнению Рузвельта, Великобритания была империалистической державой, а ликвидацию колониальной системы Рузвельт считал одним из приоритетов послевоенного урегулирования. Поэтому он предлагал установить опеку ООН над всеми колониальными территориями.

Когда американцы представили соответствующий документ, Черчилль возмущенно объявил, что не допустит вмешательства в дела Британской империи. Как, вопрошал Черчилль, апеллируя к СССР, отнесся бы Сталин к предложению интернационализировать Крым? Когда был поднят вопрос о колониях, выявились расхождения между США и Великобританией. Предложение США относительно создания международного механизма, который занимался бы подопечными и зависимыми территориями, «взорвало» Черчилля, который заявил, что он «не намерен присутствовать на похоронах Британской империи».

На Ялтинской конференции главы трех правительств – «Большой тройки» – договорились о созыве в Сан-Франциско в апреле 1945 года конференции Объединенных Наций, чтобы окончательно подготовить к подписанию Устав Организации и, таким образом, завершить создание ООН.

Конечно, Рузвельт вовсе не был наивен, и меньше всего его волновали страдания народов под «ярмом колониализма». Он вел хитрую дипломатическую игру. С одной стороны, Великобритания продолжала оставаться ближайшим союзником Соединенных Штатов, и «атомный проект» США осуществлялся с ведома Великобритании, но втайне от Советского Союза. Но, с другой стороны, советско-американское сотрудничество позволяло осуществить глобальное регулирование системы



Препамбула Устава ООН. «Мы, народы объединенных наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны», 26 июня 1945

международных отношений. Уже тогда американцы контролировали глобальную финансовую систему, большую часть мировой экономики и торговли. В 1943 году ими был разработан план для того, чтобы поставить под свой контроль важнейшие нефтяные и урановые месторождения в мире. В 1944 году США через посредство Бреттон-Вудской валютно-финансовой системы, созданной при их главенствующей роли, подчинили доллару все валюты «свободного мира». А традиционные колониальные империи препятствовали глобальным американским планам. Так что антиколониальные планы Рузвельта раздражали Черчилля не меньше, чем установленное Сталиным в Польше «демократическое правительство». К тому же Сталин в качестве своеобразной компенсации предоставил англичанам карт-бланш в Греции: расправиться с тамошними коммунистическими партизанами и посадить там пробританское правительство. (Раздел сфер влияния на Балканах был подтвержден позднее в так называемом «процентном соглашении» Черчилля и Сталина). Кроме того, Сталин не оспаривал право британо-американского контроля над Италией, где все еще шли бои и где коммунистические партизаны были весомой силой.

Объективные возможности и международные реалии

Создание ООН – это долгий и сложный путь поиска компромисса в ходе конференций «Большой тройки». Надо было найти рациональные решения, которые сделали бы новую организацию безопасности более эффективной, чем Лига наций. И первая фраза Устава ООН говорит о главном

предназначении ООН – избежать новой мировой войны. При создании ООН государства-основатели заложили ее основополагающие принципы: стремление к стабильному и безопасному миру, приверженность идее прав человека, построение справедливого миропорядка.

«Большая тройка», или «Великий альянс», как называл ее Черчилль, была уникальным явлением в истории мировой политики. Лидеры трех держав вели переговорный процесс по всему кругу основных проблем совместного ведения войны и послевоенного мироустройства. Ялтинская конференция «Большой тройки» определила будущую историю на десятилетия вперед.

Главный итог Второй мировой войны – это создание новой системы международной безопасности в условиях ядерной эпохи, воплощением которой является ООН, способствующая предотвращению новой войны на основе принципа «ядерного сдерживания».

Деятельность ООН – результат неуклонного следования Уставу ООН. Его игнорирование, нарушение основных принципов, определяющих компетенцию главных органов и порядок деятельности Организации, неизменно приводили к плачевным результатам. ООН на основе положений и принципов Устава твердо противостоит угрозе развязывания новой мировой войны, глобального конфликта. Однако для решения региональных международных конфликтов механизм ООН слабо приспособлен. Существует опасность того, что в процессе реформирования ООН будут затронуты основополагающие принципы, зафиксированные в Уставе, а именно принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности, то есть право «вето». Этого нельзя допустить, поскольку в результате система

международной безопасности может разрушиться и под ее обломками в глобальной войне погибнет весь мир.

Принципы Устава ООН универсальны, и с точки зрения предотвращения новой мировой войны в ядерную эпоху они не потеряли значимость до сих пор. Надо просто следовать им неукоснительно.

Созданный в Ялте биполярный мир и жесткий раздел Европы на Восток и Запад сохранялись в неизменном виде полвека, до распада Советского Союза, что говорит об устойчивости этой системы. Однако нельзя сказать, чтобы нынешнее мироустройство стало лучше и справедливее. Тем не менее ялтинская система существует до сих пор. Она является рудиментом прежней, давно ушедшей в прошлое эпохи, которая до сих пор порождает бесконечные региональные международные конфликты, преодолеть которые она просто не в состоянии. Между тем в Ялте договорились не о переделе границ, а о принципах нового мироустройства: неприменение силы в международных отношениях. Принципы Ялты в этом смысле неизменны.

Ялтинская система обладает устойчивостью, способностью к видоизменениям и созданию новых государственных форм и объединений на национально-этнической и религиозной почве, но радикальных изменений быть не должно. Государствам-учредителям ООН, несущим главную ответственность за судьбы мира, необходимо действовать по принципу «Не навреди».

Универсальная компетенция и широкий состав ООН, а также право «вето» постоянных членов Совета Безопасности ООН в вопросе определения всеобщей угрозы миру, позволяют найти разумный компромисс в решении самых сложных международных проблем. Другого пути нет!

ПРОТОКОЛ РАБОТЫ КРЫМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ*

Происходившая 4–11 февраля в Крыму Конференция Глав Правительств Соединенных Штатов Америки, Великобритании и СССР пришла к следующим заключениям:

I. ВСЕМИРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Было решено:

1) что конференция Объединенных Наций по вопросу о предлагаемой всемирной организации должна быть созвана в среду 25 апреля 1945 года и должна быть проведена в Соединенных Штатах Америки;

2) что на эту конференцию должны быть приглашены следующие государства:

а) Объединенные Нации по составу на 8 февраля 1945 г.;

б) те из присоединившихся наций, которые объявили войну общему врагу к 1 марта 1945 г. (В данном случае под термином «присоединившиеся нации» имеется в виду 8 присоединившихся наций и Турция.) Когда будет происходить конференция о всемирной организации, делегаты Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки поддержат предложение о допуске к первоначальному членству двух Советских Социалистических Республик, а именно Украину и Белоруссию;

3) что Правительство Соединенных Штатов от имени трех держав проконсультируется с Правительством Китая и с Французским Временным Правительством по решениям, принятым на настоящей конференции, относительно предлагаемой всемирной организации;

4) что текст приглашений, которые будут разосланы всем государствам, принимающим участие в Конференции, должен быть следующий:

Приглашение

Правительство Соединенных Штатов Америки от своего имени и от имени Правительств Соединенного Королевства, Союза Советских Социалистических Республик и Республики Китая, а также от имени Временного Правительства Французской Республики приглашает Правительство направить представителей на Конференцию Объединенных Наций, которая должна состояться 25 апреля 1945 года или вскоре после этой даты в Сан-Франциско, в Соединенных Штатах Америки, для подготовки Устава Всеобщей Международной Организации для поддержания международного мира и безопасности.

Вышепоименованные Правительства предлагают, чтобы Конференция рассмотрела как базу для такого Устава предложения по учреждению Всеобщей Международной Организации, которые были опубликованы в октябре прошлого года в результате Конференции в Думбартон-Оксе и которые были дополнены следующими условиями для раздела С главы VI:

«С. Голосование

1. Каждый член Совета Безопасности имеет один голос.

2. Решения Совета Безопасности по вопросам процедуры принимаются большинством в семь голосов членов.

3. Решения Совета Безопасности по всем другим вопросам принимаются большинством в семь голосов членов, включая совпадающие голоса постоянных членов, причем сторона, участвующая в споре, воздерживается от голосования при принятии решений согласно разделу А главы VIII и согласно второй фразе абзаца 1 раздела С главы VIII».

Дополнительная информация о соответствующих мероприятиях будет сообщена в дальнейшем.

В случае, если Правительство желает заранее до Конференции высказать мнения и замечания, касающиеся предложений, то Правительство Соединенных Штатов Америки будет радо передать такие мнения и замечания другим участвующим правительствам.

Территориальная опека

Было решено, что пять государств, которые будут иметь постоянные места в Совете Безопасности, должны проконсультироваться между собой до Конференции Объединенных Наций по вопросу о территориальной опеке.

Эта рекомендация была принята при условии, что территориальная опека будет применяться только: а) к существующим мандатам Лиги Наций; б) к территориям, отторгнутым от вражеских государств в результате настоящей войны; с) к любой другой территории, которая может быть добровольно поставлена под опеку, и d) никаких дискуссий о конкретных территориях на предстоящей Конференции Объединенных Наций или во время предварительных консультаций

не предполагается, и решение вопроса о том, какие территории, относящиеся к указанным выше категориям, будут поставлены под попечительство, явится предметом позднейшего соглашения.

II. ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОСВОБОЖДЕННОЙ ЕВРОПЕ

Была принята следующая Декларация:

«Премьер Союза Советских Социалистических Республик, Премьер-Министр Соединенного Королевства и Президент Соединенных Штатов Америки консультировались между собой в общих интересах народов своих стран и народов освобожденной Европы. Они совместно заявляют о том, что они договорились между собой согласовывать в течение периода временной неустойчивости в освобожденной Европе политику своих Трех Правительств в деле помощи народам, освобожденным от господства нацистской Германии, и народам бывших государств – сателлитов оси в Европе при разрешении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем.

Установление порядка в Европе и переустройство национальной экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору. В соответствии с принципом Атлантической Хартии о праве всех народов избирать форму правительства, при котором они будут жить, должно быть обеспечено восстановление суверенных прав и самоуправления для тех народов, которые были лишены этого агрессивными нациями путем насилия.

Для улучшения условий, при которых освобожденные народы

могли бы осуществлять эти права, Три Правительства будут совместно помогать народам в любом освобожденном европейском государстве или в бывшем государстве – сателлите оси в Европе, где, по их мнению, обстоятельства этого потребуют: а) создавать условия внутреннего мира; б) проводить неотложные мероприятия по оказанию помощи нуждающимся народам; с) создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа, и d) способствовать, где это окажется необходимым, проведению таких выборов.

Три Правительства будут консультироваться с другими Объединенными Нациями и с временными властями или с другими правительствами в Европе, когда будут рассматриваться вопросы, в которых они прямо заинтересованы.

Когда, по мнению Трех Правительств, условия в любом европейском освобожденном государстве или в любом из бывших государств – сателлитов оси в Европе сделают такие действия необходимыми, они будут немедленно консультироваться между собой о мерах по осуществлению совместной ответственности, установленной в настоящей Декларации.

Этой Декларацией мы снова подтверждаем нашу веру в принципы Атлантической Хартии, нашу верность Декларации Объединенных Наций и нашу решимость создать, в сотрудничестве с другими миролюбивыми нациями, построенный на принципах права международный порядок, посвященный миру, безопасности, свободе и всеобщему благосостоянию человечества.

Издавая настоящую Декларацию, три державы выражают надежду, что Временное Правительство

Французской Республики может присоединиться к ним в предложенной процедуре».

III. РАСЧЛЕНЕНИЕ ГЕРМАНИИ

Было решено, что ст. 12 (а) условий капитуляции Германии должна быть изменена и должна гласить следующее:

«Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки и Союз Советских Социалистических Республик будут обладать по отношению к Германии верховной властью. При осуществлении этой власти они примут такие меры, включая полное разоружение, демилитаризацию и расчленение Германии, которые они признают необходимыми для будущего мира и безопасности».

Изучение процедуры расчленения Германии было передано Комиссии, состоящей из г-на Идена (председатель), г-на Вайнанта и г-на Гусева. Этот орган рассматривает вопрос о том, желательно ли присоединение к нему представителя Франции.

IV. ЗОНА ОККУПАЦИИ ДЛЯ ФРАНЦУЗОВ И КОНТРОЛЬНЫЙ СОВЕТ ДЛЯ ГЕРМАНИИ

Было решено, что Франции должна быть предоставлена в Германии зона, подлежащая оккупации французскими войсками. Эта зона будет образована из британской и американской зон, и ее размеры будут установлены англичанами и американцами в консультации с Французским Временным Правительством.

Было также решено, что Французское Временное Правительство должно быть приглашено войти в качестве члена в Контрольный Совет по Германии.

V. РЕПАРАЦИИ

Был подписан следующий протокол:

Протокол о переговорах между Главами Трех Правительств на Крымской конференции по вопросу о репарациях натурой с Германии

Главы Трех Правительств условились о следующем:

1. Германия обязана возместить в натуре ущерб, причиненный ею в ходе войны союзным нациям.

Репарации должны получаться в первую очередь теми странами, которые вынесли главную тяжесть войны, понесли наибольшие потери и организовали победу над врагом.

2. Репарации должны взиматься с Германии в трех формах:

а) единовременные изъятия в течение двух лет по капитуляции Германии или прекращении организованного сопротивления из национального богатства Германии, находящегося как на территории самой Германии, так и вне ее (оборудование, станки, суда, подвижной состав, германские вложения за границей, акции промышленных, транспортных, судоходных и других предприятий Германии и т. д.), причем эти изъятия должны быть проведены главным образом с целью уничтожения военного потенциала Германии;

б) ежегодные товарные поставки из текущей продукции в течение периода, длительность которого должна быть установлена;

в) использование германского труда.

3. Для выработки на основе вышеизложенных принципов подробного репарационного плана в Москве учреждается Межсоюзная Комиссия по Репарациям в составе представителей от СССР, США и Великобритании.

4. В отношении определения общей суммы репараций, а также ее распределения между пострадавшими после германской агрессии странами советская и американская делегации согласились о следующем: «Московская Комиссия по репарациям в первоначальной стадии своей работы примет в качестве базы для обсуждения предложение Советского Правительства о том, что общая сумма репараций в соответствии с пунктами «а» и «б» статьи 2-й должна составлять 20 миллиардов долларов и что 50% этой суммы идет Советскому Союзу. Британская делегация считала, что впредь до рассмотрения вопроса о репарациях Московской Комиссией по репарациям не могут быть названы никакие цифры репараций.

Вышеприведенное советско-американское предложение передано Московской Комиссии по репарациям в качестве одного из предложений, подлежащих ее рассмотрению.

VI. ГЛАВНЫЕ ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ

Конференция решила, что вопрос о главных преступниках войны должен после закрытия конференции подлежать рассмотрению тремя Министрами Иностранных Дел для доклада в надлежащее время.

VII. ПОЛЬША

Конференцией была принята следующая Декларация о Польше.

«Новое положение создалось в Польше в результате полного освобождения ее Красной Армией. Это требует создания Временного Польского Правительства, которое имело бы более широкую базу, чем это было возможно раньше, до недавнего освобождения Западной

части Польши. Действующее ныне в Польше Временное Правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это новое правительство должно затем называться Польским Временным Правительством Национального Единства.

В. М. Молотов, г-н Гарриман и сэр Арчибальд Кларк Керр уполномочиваются как Комиссия проконсультиваться в Москве в первую очередь с членами теперешнего Временного Правительства и с другими польскими демократическими лидерами как из самой Польши, так и из-за границы, имея в виду реорганизацию теперешнего Правительства на указанных выше основах. Это Польское Временное Правительство Национального Единства должно принять обязательство провести свободные и ничем не воспрепятствованные выборы как можно скорее на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании. В этих выборах все антинацистские и демократические партии должны иметь право принимать участие и выставлять кандидатов.

Когда Польское Временное Правительство Национального Единства будет сформировано должным образом в соответствии с вышеуказанным, Правительство СССР, которое поддерживает в настоящее время дипломатические отношения с нынешним Временным Правительством Польши, Правительство Соединенного Королевства и Правительство США установят дипломатические отношения с новым Польским Временным Правительством Национального Единства и обменяются послами, по докладам которых соответствующие правительства будут осведомлены о положении в Польше.

Главы Трех Правительств считают, что Восточная граница

Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши. Главы Трех Правительств признают, что Польша должна получить существенные приращения территории на Севере и на Западе. Они считают, что по вопросу о размере этих приращений в надлежащее время будет спрошено мнение нового Польского Временного Правительства Национального Единства и что вслед за тем окончательное определение Западной границы Польши будет отложено до мирной конференции».

VIII. ЮГОСЛАВИЯ

Было решено рекомендовать Маршалу Тито и д-ру Шубашичу:

а) чтобы соглашение Тито – Шубашич было немедленно приведено в действие и было создано новое правительство на основе этого соглашения;

б) что как только новое правительство будет создано, оно должно объявить:

(1) что Антифашистское Вече Национального Освобождения Югославии будет расширено путем включения членов последней Югославской Скупщины, которые не скомпрометировали себя сотрудничеством с врагом, и, таким образом, образует орган, который будет известен как Временный Парламент, и

(2) что законодательные акты, принятые Антифашистским Вече Национального Освобождения Югославии, подлежат последующей ратификации Учредительным Собранием.

Настоящее заявление должно быть опубликовано в коммюнике о конференции.

* Орфография и пунктуация документа сохранены.

IX. ИТАЛО-ЮГОСЛАВСКАЯ ГРАНИЦА. АВСТРО-ЮГОСЛАВСКАЯ ГРАНИЦА

По этим вопросам были представлены ноты британской делегации, а американская и советская делегации согласились рассмотреть эти ноты и изложить свои взгляды позднее.

X. ЮГОСЛАВско-БОЛГАРСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

Состоялся обмен мнениями между министрами иностранных дел по вопросу о желательности югославно-болгарского договора о союзе. Был поставлен вопрос о том, можно ли разрешить государству, все еще находящемуся под режимом перемирия, заключать договор с другим государством. Г-н Иден предложил информировать болгарское и югославское правительства о том, что это не может быть одобрено. Г-н Стеттиниус предложил, чтобы британский и американский послы продолжили обсуждение этого вопроса с В. М. Молотовым в Москве. В. М. Молотов согласился с предложением г-на Стеттиниуса.

XI. ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Британская делегация вручила своим коллегам ноты по следующим вопросам:

а) Контрольная Комиссия в Болгарии.

б) Греческие претензии к Болгарии, в частности в отношении репараций.

с) Нефтяное оборудование в Румынии.

XII. ПЕРСИЯ

Состоялся обмен мнениями между г-ном Иденом, г-ном Стеттиниусом и В. М. Молотовым о положении в Иране. Было решено продолжить обсуждение этого предмета в дипломатическом порядке.

XIII. СОВЕЩАНИЯ ТРЕХ МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Конференция пришла к соглашению в отношении того, что должен быть создан постоянный механизм для консультаций между тремя министрами иностранных дел; они должны встречаться так часто, как это окажется необходимым, вероятно каждые три или четыре месяца.

Эти совещания будут иметь место поочередно в трех столицах, причем первое совещание состоится в Лондоне.

XIV. КОНВЕНЦИЯ В МОНТРЕ И ПРОЛИВЫ

Было достигнуто соглашение о том, что три министра иностранных дел на своем ближайшем совещании в Лондоне обсудят предложения Советского Правительства в отношении Конвенции в Монте и сделают доклад своим правительствам.

Турецкое правительство будет информировано об этом в надлежащий момент.

Вышеизложенный Протокол был одобрен и подписан тремя Министрами Иностранных Дел на Крымской Конференции 11 февраля 1945 года.

Э. Р. Стеттиниус
В. Молотов
Антони Иден

ВСПОМИНАЯ «БОЛЬШУЮ ТРОЙКУ»

Многие решения Ялтинской конференции готовились задолго до февраля 1945 года

ЕВГЕНИЙ СПИЦЫН



В работе Ялтинской конференции, пленарные заседания которой проходили в Ливадийском дворце, приняли участие делегации трех Великих держав Антигитлеровской коалиции, в состав которых входили: от Советского Союза – председатель Совета народных комиссаров СССР, маршал И. В. Сталин, нарком иностранных дел В. М. Молотов, нарком Военно-морского флота, адмирал Н. Г. Кузнецов, первый заместитель

начальника Генерального штаба РККА, генерал армии А. И. Антонов, послы в Великобритании и США Ф. Т. Гусев и А. А. Громыко; от Великобритании – премьер-министр У. Черчилль, министр иностранных дел А. Иден и начальник Имперского Генерального штаба, генерал А. Брук; от США – президент Ф. Д. Рузвельт, госсекретарь Э. Стеттиниус и глава Объединенного Комитета начальников штабов генерал Дж. Маршалл.

В центре обсуждения лидеров «Большой тройки» был обширный перечень проблем и вопросов – от текущих и «бытовых» до поистине глобальных. Остановимся только на двух темах, имеющих актуальное значение. Это «германский вопрос», который был ключом к новому территориальному переустройству Европы, и создание реальных институтов и механизмов предотвращения новой мировой войны.

Надо сказать, что не только в широком общественном сознании, но даже среди профессиональных историков существует устойчивый миф, что именно на этой конференции одной из главных тем стал «германский вопрос». Однако это далеко не так. Сейчас уже не секрет, что будущее Третьего рейха обсуждалось в тиши высоких кабинетов уже в ноябре – декабре 1941 года, в том числе и в беседах советского полпреда в Лондоне Ивана Майского с Уинстоном Черчиллем, в ходе которых британский премьер впервые открыто поставил вопрос о расчленении Германии, сделав особый акцент на отделении Пруссии от других германских земель.

Чуть позже, в январе 1942 года, по указанию президента Рузвельта была создана специальная Консультативная комиссия по послевоенным проблемам, которая вскоре представила ему несколько планов послевоенного раздела Германии на три, пять и даже семь частей.

Аналогичные планы, судя по архивным документам, разрабатывались и советским руководством, хотя его официальная позиция по германскому вопросу, впервые определенная Сталиным в Приказе наркома обороны СССР № 55 в феврале 1942 года, звучала так: «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается».

Впервые вопрос о будущем Германии был публично обсужден на проходившей в октябре 1943 года Московской конференции министров иностранных дел, во время которой К. Хэлл и А. Иден заявили о неизбежности расчленения Германии.

Правда, Вячеслав Молотов уклонился от выражения советской позиции, заявив, что данный «вопрос находится в процессе изучения». Действительно, он тогда тщательно изучался и недавно рассекреченные документы показывают, что за месяц до начала конференции три сотрудника Института мирового хозяйства и мировой политики – В. А. Карра, С. М. Вишнев и А. М. Гуревич – представили на суд высшего руководства записку «Варианты расчленения Германии и их экономические и военные последствия», где предложили три варианта ее расчленения на три, четыре или семь государств.

Таким образом, к моменту первой встречи лидеров «Большой тройки» в Тегеране, германский вопрос уже находился в стадии детальной проработки.

На самой же Тегеранской конференции, проходившей в ноябре – декабре 1943 года, конкретная дискуссия по германскому вопросу состоялась в последний день ее работы, когда Рузвельт предложил план расчленения Германии на пять государств, с «максимально

ослабленной и уменьшенной в своих размерах» Пруссией. Черчилль, поддержав эту идею, все же предложил все южные германские земли, прежде всего Баварию, включить в состав Дунайской конфедерации. Однако Сталин, отвергнув «дунайские мечтания» британского премьера и отчасти поддержав американского коллегу, вновь уклонился от изложения советских планов, находившихся в его «портфеле».

В итоге, не добившись единства по германскому вопросу, лидеры «Большой тройки» решили передать его изучение в Европейскую консультативную комиссию (ЕКК), созданную в октябре того же года.

В 1944 году союзники продолжили работу по проектам капитуляции Германии и планам ее послевоенного устройства, среди которых особую известность получил «План Моргентау» – многолетнего министра финансов США Генри Моргентау, который предусматривал «пасторализацию» Третьего рейха, то есть превращение Германии в «страну пастбищ и полей», передачу Франции Саарской области, превращение Рурского бассейна, Рейнской области и района Кильского канала в международную зону, расчленение всей остальной Германии на два автономных государства, уничтожение ее крупной промышленности и т.д.

Кроме того, по рассекреченным архивным документам удалось установить, что одновременно такая работа велась рабочими группами К. В. Ворошилова, А. Я. Вышинского, В. Г. Деканозова, М. М. Литвинова и Я. З. Сурица, которые были ненамного мягче того же «Плана Моргентау». Например, в январе 1945 года Комиссия Литвинова представила в Политбюро план, где предлагалось раздробить Германию на Пруссию, Ганновер, Вестфалию, Вюртемберг, Баден, Баварию и Саксонию.

Более того, аналогичные планы разрабатывались и в иных высоких кабинетах – в частности, генерала Шарля де Голля, который в начале июля 1944 года возглавил Временное правительство Франции. Он энергично выступал за расчленение Германии и передачу Франции Саарского района, Рейнской области и Рурского бассейна или в крайнем случае установления международного контроля над ними.

Таким образом, решение германского вопроса, несмотря на все разногласия, к началу февраля 1945 года, когда лидеры «Большой тройки» прибыли в Ялту, предполагало: полный военный разгром Германии и ее безоговорочную капитуляцию; ликвидацию гитлеровского режима; оккупацию территории Германии на неопределенный срок; изменение германских границ в пользу СССР и Польши; расчленение Германии во имя безопасности ее ближайших соседей и для недопущения угрозы очередной агрессии с германской стороны и т.д.

Выработкой всех рекомендаций по решению германского вопроса занималась ЕЕК в Лондоне, в руководство которой входили советский и американский послы Федор Гусев и Джон Вайнант, глава Центрально-Европейского департамента британского МИДа Уильям Стрэнг и комиссар по иностранным делам Французского комитета по делам национального освобождения Рене Массильи.

К началу конференции было подготовлено несколько вариантов акта «О безоговорочной капитуляции Германии», «Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти союзными державами», «Соглашение о зонах оккупации» и другие документы.

Вопреки утверждению ряда современных авторов, ни один из лидеров «Большой тройки» тогда не выступал против планов расчленения Германии, и вся дальнейшая



Иосиф Сталин и Уинстон Черчилль на борту военного корабля во время конференции в Ялте

дискуссия в принципе свелась к тому, «как об этом сообщить немцам». Причем для изучения процедуры расчленения Германии была создана Специальная комиссия в составе Идена (председатель), Вайнанта и Гусева.

Таким образом, еще за три месяца до капитуляции Германии союзники были полностью готовы применить для решения германского вопроса самые суровые меры, вплоть до расчленения страны.

Однако, когда в марте 1945 года Комиссия по расчленению начала

конкретную работу, советский представитель неожиданно передал Идену официальное письмо, где говорилось, что советское правительство трактует решение Ялтинской конференции о расчленении Германии «не как обязательный план», а как возможное средство «для нажима» на нее, и в итоге вопрос о расчленении Германии был де-факто снят с повестки дня.

Более того, уже в апреле положение о расчленении разбитого противника было изъято из акта «О безоговорочной капитуляции

Германии» и из «Декларации о поражении Германии». И новая официальная позиция советского руководства по этому вопросу прозвучала из уст Сталина уже 9 мая в его «Обращении к советскому народу по случаю окончания войны», где он прямо заявил, что «Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию».

Причина столь радикальной смены позиции Москвы по данному вопросу – до сих пор предмет спора историков. Однако, на наш взгляд,

ответ лежит на поверхности, о чем зримо говорят все шаги советского руководства вплоть до ратификации западными державами Парижских соглашений 1954 года о демилитаризации ФРГ, включения ее в НАТО и создания Организации Варшавского договора. К моменту окончания войны Сталин осознал, что расчленение Германии не отвечает коренным интересам СССР. Москве было крайне важно превратить ее территорию в единую демилитаризованную зону, которая стала бы центром «второго пояса безопасности» СССР в центральной и северной Европе, состоящего из нейтральных государств: Германии, Австрии и Финляндии.

Понятно, что этот сталинский замысел абсолютно не отвечал интересам вчерашних союзников, прежде всего – Вашингтона, о чем новый госсекретарь Джеймс Бирнс открыто заявил еще в сентябре 1946 года во время выступления в Штутгарте. Тогда он особо подчеркнул, что отныне американские войска никогда не покинут территорию Германии, даже если ее покинут советские войска. Поэтому американцы сознательно пошли на раскол Германии, который де-юре завершился в мае 1949 года созданием на базе трех западных оккупационных зон (так называемой «Тризонии») ФРГ.

Понятно, что все эти шаги заложили основу перманентных кризисов в центре Европы, конец которым положила только «новая восточная политика» канцлера Вилли Брандта. Итогом этого курса стало подписание в августе 1970 – декабре 1973 года Московского договора с СССР, который полностью урегулировал острый пограничный вопрос, аналогичных соглашений Бонна с ПНР, ГДР и ЧССР, а также четырехстороннего соглашения по Берлину.

Именно эти соглашения резко продвинули «общеевропейский

процесс», создав необходимую правовую базу для подписания Хельсинского заключительного акта 1975 года. Только через тридцать лет после создания Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений он де-юре закрепил все послевоенные границы в Европе.

Однако политика Горбачева, итогом которой в 1989–1991 годах стал крах ГДР и ее поглощение ФРГ, распад единой Югославии и гибель Советского Союза, де-факто положили конец Ялтинско-Потсдамской системе, что никак не соглашались признать все ее создатели. До недавнего времени главные страны-участники ялтинско-потсдамских соглашений 1945 года делали вид, что эта система жива и по-прежнему функционирует... Самообман? В любом случае вопрос о новой Ялте рано или поздно неизбежно встанет на повестке дня.

И произойдет это не только потому, что неизбежно придется узаконивать новые границы в нынешней послевоенной Европе, но и потому, что с крахом Ялтинско-Потсдамской системы зримо обозначится кризис главного института этой системы – Организации Объединенных Наций. По замыслам ее отцов-основателей, ООН должна была стать реальным инструментом политического регулирования нового мирового порядка, так как процедура принятия решений в ООН была двухступенчатой. Нижнее звено этой организации Генеральная Ассамблея, объединявшая всех стран-участниц, имела право принимать только рекомендательные решения. А верхнее звено ООН – Совет Безопасности (СБ) – имел значительно более широкие полномочия и обладал исключительным правом решать все международные вопросы, в том числе о применении санкций (включая силовые) против всех государств, грубо нарушающих общепринятые

нормы еще существовавшего тогда «международного права».

Правда, принятие подобных решений было сильно затруднено, так как определяющую роль в СБ ООН играли только пять ядерных держав – СССР, США, Великобритания, Франция и Китай, получившие место его постоянного и неменяемого члена. Кроме того, все решения принимались не большинством голосов из числа 15 членов СБ, а только методом консенсуса – при обязательном согласии всех его постоянных членов. То есть каждый из них получал «право абсолютного вето» на любые решения, даже если за них голосовали все остальные 14 членов СБ.

Таким образом, отношения двух супердержав – СССР и США, – по сути дела, были инкорпорированы внутрь многосторонней международной структуры, которая теперь становилась главной трибуной их диалога.

Более того, эта структура оказалась единственным политико-правовым механизмом их сотрудничества по вопросам мировой политики. Однако так как практически сразу ООН столкнулась с невозможностью как-то обеспечить совместимость интересов своих ведущих членов, то, по мнению многих ученых, основной и главной функцией этой организации стало не совершенствование системы международных отношений, а предупреждение военного конфликта между СССР и США, устойчивость взаимодействия между которыми была главным условием сохранения международного миропорядка.

Теперь эта роль ООН, как и ее Совбеза, к сожалению, окончательно ушла в прошлое. И введение в состав Совета безопасности других государств, скажем Индии или Германии, вряд ли спасет ситуацию. Это означает только одно: мир движется к «Ялте-2».

ЯЛТУ ВЗЯЛИ В КОЛЬЦО

Вокруг трех резиденций, где остановились высокопоставленные гости, образовали кольца охраны

НИКОЛАЙ ДОЛГОПОЛОВ

Крым только что освобожден от немцев. И почти сразу в феврале 1945-го – Ялтинская конференция. Событие для Советского Союза по политическому (не военному) масштабу за годы войны одно из важнейших.

И уж если пригласили в Ялту «Большую тройку», извольте ее охранять. Да, был определенный опыт. В 1943 году в Тегеране впервые собрались руководители стран-союзниц. Тогда наша разведка и сорвала план Гитлера одним махом покончить со Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем. Операция «Длинный прыжок», во время которой немецкие разведчики во главе с любимцем фюрера Отто Скорцени должны были похитить или уничтожить троих лидеров, не состоялась. Немецкая группа парашютистов, уже добравшаяся до Тегерана, была арестована.



В Ялте советской стороне предстояло выступить в роли хозяев. Груз ответственности больше. Как и риск. Десятки тысяч наших бойцов, сотрудников «Смерша», тысячи единиц техники были приведены в полную боевую готовность. Ведь на фронтах

по-прежнему шли ожесточенные бои. Крым был в пределах досягаемости вражеской авиации. И поэтому было решено вступить в радиоигру с противником. Надо сказать, что к 1945 году чекисты провели немало таких удачных операций. Одна из них – ялтинская. Немцам давали возможность перехватывать хорошо подготовленную разведкой дезинформацию о погоде. Якобы метеосводки неутешительные: погода нелетная и военные аэропорты закрыты. И дезе поверили, количество вылетов немцы свели к минимуму. После первых нескольких дней конференции

стало ясно, что угрозы постоянных бомбежек больше не существует. Радиоигра удалась.

Полагали также, что в окрестностях города, да и по всему Крыму, немцы оставили небольшие отряды диверсантов, обнаружить которые подчас бывало очень сложно.

Поэтому в Ялту отправили четыре полка войск НКВД. В них служили бойцы, прошедшие специальную подготовку.

Особенно тщательно обеспечивали безопасность глав трех государств. К ним были прикреплены 50 опытных офицеров, которым помогали 1200 (!) оперативников. На всякий случай в распоряжении «прикрепленных» передали отряд из десяти мотоциклистов.

Особенно пеклись о безопасности Сталина. За вождя головой отвечал начальник его личной охраны генерал-лейтенант Николай Власик. Под его начало поступила сотня чекистов и 500 лучших и проверенных бойцов из полка НКВД. Они и образовали два кольца охраны вокруг трех резиденций, где остановились высокопоставленные гости. Но и это не все. Вечерами выставлялось еще и третье кольцо: на посты заступали кинологи с собаками. Поначалу думали, что это может беспокоить участников конференции, однако опасения оказались напрасны: псы были вымуштрованы и своим лаем никого не беспокоили.

Сталин, который не любил летать на самолетах, прибыл в Крым на поезде, к которому была приставлена специальная охрана.

Верховный главнокомандующий остановился в Юсуповском дворце. К его приезду успели подготовить бомбогазоубежище. Глубина – пять метров. Железобетонный защитный слой – два метра, слой песка один метр. Трехкомнатное убежище площадью более 60 квадратных метров выдержало бы даже прямое попадание бомбы весом в полтонны.

Все дороги к Ялте находились под тотальным контролем 1800 пограничников плюс внутренних войск НКВД. Помимо них за порядком следили 783 чекиста и 600 регулировщиков особого батальона дорожных войск. Десять переводчиков дежурили

на контрольно-пропускном пункте. Пришлось бы вступить в диалог с иностранными гостями, они были бы тут как тут.

К счастью, ничего чрезвычайного в дни конференции не произошло. Да и откуда взяться опасности, если во всех прилегающих к Ялте городках и поселках, в портах и на вокзалах была проведена тотальная зачистка... Выявляли так называемых неблагонадежных элементов. Как значится в недавно рассекреченном докладе органов госбезопасности, проверили около 74 тысяч человек. И тут уж шутить никто не собирался. 835 из них были арестованы.

Свидетельство очевидца

Автору этой статьи повезло. В свое время встречался с полковником разведки Юрием Сергеевичем Соколовым. Человек интеллигентнейший, прошедший большой жизненный путь, он рассказал мне и о Ялтинской конференции, где ему, молоденькому лейтенанту, довелось поработать.

– Вспоминаю начало 1945-го, Ялтинскую конференцию. Послали туда меня, юного оперативного работника, под прикрытием Министерства иностранных дел. Сначала в пресс-службу, а затем быстренько в Протокольный отдел. На Крымской конференции в определенной степени решалась судьба мира, и мы это в полной мере понимали, ощущали. Считали себя причастными. Не буду вас мистифицировать: на конференции, проходившей в Ялте, не пришлось побывать ни разу. Работал я, как мы говорим, на объекте Воронцовский замок. В нем – резиденция премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля. И там имел я возможность встречаться с самыми различными людьми, наблюдать их. Понятно, больше и чаще

всего общался с англичанами. Хотя и с американцами тоже.

– И с самим Черчиллем?

– Да, с самим. Он ежедневно проходил мимо меня: моего стола, стоявшего при входе во дворец, ему было никак не миновать. Иногда обращался с просьбами – формулировал их точно, коротко, исключительно сжато. Занят страшно, весь в делах, но никогда не забывал обратиться с приветствием: «Как, молодой человек, себя чувствуете? Как дела?»

– Ей-богу, не вяжется с образом грозного премьера, вскоре произнесшего речь в Фултоне, которая, как у нас считают, и положила начало холодной войне.

– Но из Алупки, из Воронцовского дворца, до Фултона было еще далеко. Однажды Черчилль вдруг завел какой-то общий разговор – о конференции, о погоде, о молодых людях типа меня, знающих английский. Остановился около нас, куря сигару. Слышать, признаюсь, было лестно, особенно о молодых, на английском говорящих. Знаете, тогда я по одному его виду мог судить, как проходит конференция и доволен ли ею премьер. Бывало, возвращался с заседаний хмурый, походка быстрая, кивок холодный. Проходил, как-то сгорбившись, к себе в апартаменты. Но чаще – в хорошем настроении – значит, на конференции все нормально.

– Правда, что Черчилль постоянно курил сигару?

– Не все время, но частенько. И во дворец входил, как правило, с только начатой сигарой, недокуренной. Один раз оставил сигару у меня в пепельнице. Такой сувенир ценился окружающими и расхватывался мгновенно.

– Хранится в вашей коллекции?

– Должен признаться, что сигару я взял, долгие годы она хранилась у меня дома. Но потом было столько поездок, переездов. Жаль, но не дожила до наших дней.



Президент США Франклин Рузвельт и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль в дни Ялтинской конференции

– А окружение Черчилля – они догадывались, что вы не совсем из Протокольного отдела?

– Что вы, нет, конечно. Мы старались – я, к примеру, даже очень. Был примерным работником Протокола.

– Без формы?

– Какая форма, господь с вами. На конференции мне приходилось встречать и провожать некоторых высокопоставленных людей из английской делегации. Однажды встретил и привез в Воронцовский дворец дочь Черчилля Сару. В другой раз – дочь Аверелла Гарримана. Был такой посол США в России, потом достиг в Штатах высоких постов, был очень близок к Рузвельту, стал его ушами и глазами.

Когда вез я Сару из Ялты в Алупку, она, любознательная, всем интересовалась, расспрашивала. Мы были неплохо подкованы, я отвечал

на все вопросы и удостоился комплимента от дочки премьера. Она мне запомнилась моложавой миловидной дамой, приятной в общении. И никакого высокомерия. Когда ехал ее встречать, немножко волновался. Но знаете, мы были готовы тут же всем гостям помочь, быстренько все устроить.

Оперативной работы, как таковой, практически никакой не было – у меня уж точно. Но плотное общение, контакт, обеспечение безопасности – 100-процентное. Ялта – это вам не Тегеран 1943-го, когда на тех же руководителях трех держав-союзниц немцы во главе с Отто Скорцени пытались устроить покушение. Но вдруг и в Крыму могли быть диверсанты какие, недобитки, оставленные немцами, или просто неосторожность, разгильдяйство... И мы были начеку.

– Юрий Сергеевич, а какие-то ЧП все-таки происходили?

– Бог миловал – ни разу ничего похожего. Время от времени подходили ко мне члены английской делегации – были среди них и военные в высоких чинах – и просили: «А нельзя ли посмотреть Алупку?» И мы обязательно устраивали экскурсию. Я как-то даже возил британского генерала, который потом меня долго благодарил. Но разговоры шли только о местных красотах. Все так наедались конференцией, решавшей послевоенную судьбу Европы и определившей зоны оккупации Германии союзными войсками, что о делах старались хотя бы на короткое время забыть, отвлечься. Ну, и просьбы поступали соответствующие, проходили протокольные мероприятия... Я о той работе вспоминаю с удовольствием.

МЕЧ СТАЛИНГРАДА

Дар короля Великобритании Георга VI

ВЯЧЕСЛАВ КАТАМИДЗЕ



Вручение британской делегацией «Меча Сталинграда» советскому руководству в ходе Тегеранской конференции

Первая конференция «Большой тройки», проходившая в Тегеране с 28 ноября по 1 декабря 1943 года, сыграла исключительно важную роль в истории Второй мировой войны. В частности, на ней был окончательно решен вопрос об открытии союзниками СССР второго фронта в 1944 году, а также ряд других вопросов международного значения.

Наш рассказ пойдет об одном событии, произошедшем на второй день Тегеранской конференции.

29 ноября 1943 года Уинстон Черчилль вручил Иосифу Сталину

«Меч Сталинграда». Идея создания наградного меча появилась еще до окончания Сталинградской битвы, а именно в сентябре 1942 года, когда на Даунинг-стрит пришла корреспонденция на имя Черчилля с предложением наградить Сталинград за его мужество независимо от исхода сражения. Победа в Сталинградской битве произвела впечатление на всех жителей Туманного Альбиона. Среди тех, кто восхищался советскими воинами, был и король Великобритании Георг VI. Меч был выкован по его специальному

указу в знак восхищения британского народа мужеством, проявленным советскими защитниками Сталинграда во время битвы за город.

Меч был выкован потомственным оружейником Томом Бизли в «Сабельной компании Вилкинсона», известной своей сталью для производства бритв. Кстати, к тому времени Бизли исполнилось 83 года. Вот что он сказал о своей работе: «Все, чему я учился, начав работать с восьмилетнего возраста, я вложил в создание этого меча – дара жителям Сталинграда, сердца которых поистине из стали».

На обеих сторонах меча была выгравирована на русском и ан-

глийском языках надпись: «Гражданам Сталинграда, крепким, как сталь, от короля Георга VI в знак глубокого уважения британского народа».

Спустя несколько месяцев, 2 февраля 1944 года, в годовщину разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, в Кремле состоялась торжественная передача меча делегации, прибывшей из Сталинграда.

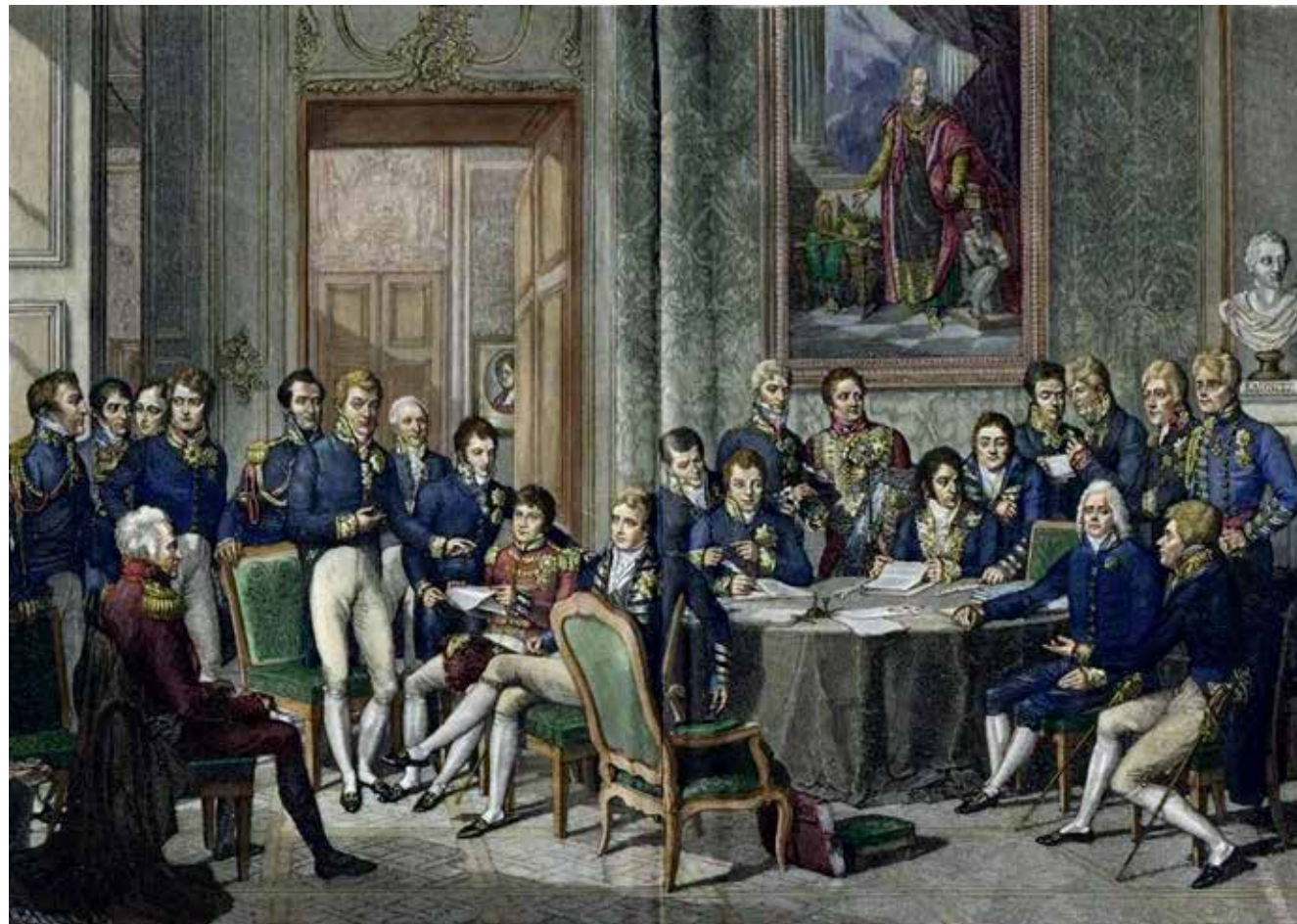
Меч считается шедевром кузнечного оружейного ремесла и является сегодня одним из самых ценных экспонатов в музее Сталинградской битвы в Волгограде.

ПЕРЕСТРОЙКА ЭПОХ

Решения Венского конгресса спровоцировали целую серию освободительных войн и революций. В результате конгресса сложилась Венская система международных отношений, и был создан Священный союз европейских государств, имевший целью обеспечение незыблемости европейских монархий.

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ,

историк, писатель, доктор философских наук, профессор



Жан-Батист Изабе. «Венский конгресс 1814–1815 годов»

Неторопливый Венский конгресс был не просто дипломатическим съездом: в конгрессе непосредственно участвовали монархи – российский император Александр I и австрийский император Франц I. В Вену съехались представители всех европейских государств.

Почти все дипломаты – представители высшей европейской знати. От Британии – Артур Уэлсли, герцог Веллингтон, и Роберт Стюарт Каслри, маркиз Лондондерри. От Пруссии – князь Карл Август фон Гарденберг. От Португалии – представитель одной из древнейших землевладельческих семей

Педру де Соуза Гольштейн де Палмела. От Швеции – граф Карл Аксель Левенхельм. От Испании – Педро Гомес, маркиз де Лабрадор. Предки Карла Вильгельма фон Гумбольдта не известны со Средних веков, но этот знаменитый реформатор университетов Германии, старший брат знаменитого

путешественника Александра фон Гумбольдта входил в число лиц самых приближенных к прусскому королевскому двору. Очень доверенный, очень влиятельный человек в аристократических кругах.

Интересно, что из России прибыла высшая знать, но поголовно иностранного происхождения. Барон Иоганн фон Анстедт – родом из Эльзаса. Граф Густав Оттонович фон Штакельберг – из Германии. Граф Шарль-Андре Поццо ди Борго – корсиканец, кровный враг Наполеона. Граф Иоанн Каподистрия – греческий аристократ, перешедший на русскую службу уже в пору Наполеоновских войн. Граф Карл Васильевич Нессельроде и граф Андрей Кириллович Разумовский из новой знати. С графскими титулами, но отнюдь не представители древних родов.

Францию представлял Шарль Морис де Талейран-Перигор, князь Беневенто, чье имя уже при жизни стало нарицательным для обозначения ловкости, хитрости, но главное – редчайшей подлости и беспринципности. Случалось, пойманного шулера вслух называли «талейраном». «Да ты, брат, прямо Талейран!» – сказал как-то Михаил Илларионович Кутузов поставщику: тот хотел продать армии лошадей – старых беззубых кляч, и бешено расхваливал «товар». Для купчика все кончилось плохо: Кутузов его просто выгнал.

Шарль Морис оказался единственным французом, с кем победители готовы были иметь дело. Провести бы плебисцит! Спросить бы, кого хотят французы во власть, кто будет ими править... Что вы?! Как можно! Сама такая идея – чистой воды вольнодумство и якобинство. Решают не народы, решают короли. Ну, еще высшая знать.

Подлого и хитрого мастера многоступенчатой интриги пришлось видеть представителем

побежденной, некогда великой Франции. Кстати, и Шарль Морис де Талейран – из высшей знати, его предки известны с X века.

В любом случае съехалась высшая знать Европы. Она решала судьбы Европы и всего мира. Той Европы, к которой эта знать принадлежала, которую хотела сохранить во что бы то ни стало. Для участников Конгресса и посланных их монарших дворов было очевидно: цель Конгресса – вернуться в XVIII век. В «блаженный» век, когда простолюдины знали свое место, монархии стояли незыблемые, как горы, а все вопросы решались именно так – сговором крупнейших землевладельцев, придворных аристократов.

Конгресс собрался и проходил под лозунгом легитимизма, то есть законности. Сначала революция во Франции, потом империя узурпатора Наполеона разрушили старую, добрую, феодальную легитимность. Нужно вернуться в прошлое!

Вся дворянская Европа искренне считала Венский конгресс вершиной дипломатии, собранием блестящих и образованных людей. Алексей Константинович Толстой в своем рассказе «Семья вурдалака» высказал то, в чем никто и не сомневался: «В 1815 году в Вене собрался цвет европейской образованности, дипломатических дарований, всего того, что блистало в тогдашнем обществе».

Возможно, люди и впрямь были блестящие... Жаль, что они не поняли главного: что начало XIX века не похоже и не может быть похоже не только на середину – даже на самый конец XVIII столетия.

С сентября 1814 по июнь 1815 высшая знать соперничала ясно и тайно, интриговала и пакостила. Знать задавала обеды и ужины, на которых красочно льстила друг другу, и тут же вела тайные переговоры. Знать заполнила Вену,

привела с собой толпы слуг, чиновников, дипломатов помельче. Стоимость чашечки знаменитого венского кофе выросла в полтора раза.

В глазах современников Венский конгресс стал блестящим и великолепным местом, где сошлись люди, представлявшие Европу XVIII столетия: Европу дворцов, королевских резиденций, изящества, хороших манер, галантности и лицемерия. «Хорошее общество» того времени было убеждено, что для участников Конгресса главное проявлять хорошие манеры, демонстрировать принадлежность к высшему обществу, разгонять скуку друг друга.

При этом они, конечно, охотно топтали слабейшего. Пока шла война, о священных правах испанских монархов, о мужестве испанцев не говорил разве что ленивый. Война кончилась – сразу стихли разговоры о героизме народной герильи: слишком много чести хутородным. Что же до «священных прав»... Испанский двор очень хотел добиться признания своих прав на страны Латинской Америки, то есть на всю Южную Америку и треть Северной. Но банки и торговцы Британии имели в Латинской Америке свои, только свои интересы. Аппетиты испанских королей никто не собирался удовлетворять, а британский посол Каслри заявлял, что маркиз де Лабрадор – самый глупый человек, которого он когда-либо встречал.

Что характерно для Конгресса: никто ни слова не сказал о законном праве Мексики и Аргентины строить собственную государственность. Но вот испанского посланника де Лабрадора участники конгресса сурово осуждали за то, что был он «мало любезным, немногим или совсем без обедов и встреч». Более того! «Он даже не фигурировал как главный герой в каком-либо из многих любовных



Император Александр I. Работа неизвестного художника. Начало XIX

приключений!» Вена ведь город флиртов разной степени серьезности... Мало того – испанский посол не пил с другими дипломатами... Он даже не бегал по прекрасным дамам! Дипломат называется... Фантастика: альковные романы де Лабрадора казались важнее судебных миллионов. Да и кто они, эти «миллионы»? Какие-то дикие полуиндейцы в неведомой Южной Америке.

Участники Конгресса справедливо полагали, что подводили черту под целой эпохой. Вопрос, как именно они это делали.

Мир старой Европы был взорван в 1789 году. Началось все знаменитой клятвой в зале для игры в мяч, а затем шло только от плохого к худшему.

В самой несчастной Франции было совершено невероятное количество нелепостей, ошибок, дичайших решений, даже прямых преступлений. Погибло до миллиона человек из 20 миллионов жителей страны. Средний рост новобранцев всего за одно поколение уменьшился на пять сантиметров. Погибли тысячи талантливых, умных, обучаемых людей. Десятки

тысяч были вынуждены бежать. «Революционная Франция» плеснула кипятком во всю остальную Европу. Наполеон провозглашал прогресс и свободу – в реальной жизни армии Наполеона несли грабеж, порабощение, террор. Серия наполеоновских войн закончилась только в июне 1815 года, на поле Ватерлоо.

Участники Конгресса помнили, сколько страшных, трагических событий произошло за эти 26 лет. В России в образованном слое сложилось примерно такое же отношение к наполеоновским войнам, как в XX веке у всего народа – к мировым войнам. В мировых войнах участвовали миллионы, и они называли войны Отечественными. Срамом было уклонение от участия в такой войне, великой честью – участие. Гибель старались сделать политическим бессмертием, да где же упомнишь миллионы?! Тысячи тысяч имен, записанных мелким шрифтом на мраморных досках...

В 1805-м, в 1812-м годах на войну шли 5%, максимум 10% всего мужского населения. Никаких линий фронтов в тысячи километров! Война двигалась узкой полосой. В 100 км от этой полосы она могла быть совершенно незаметна. Русские крестьяне в Воронежской или Вологодской губерниях могли жить почти так же, как если бы вообще не было ни Наполеона, ни «нашествия двенадцати языков». Но образованный слой, люди, связанные с государством, воевали почти поголовно. Дворянские семьи прекратились на треть: погибли все наследники по прямой мужской линии. Имена и титулы переходили дальним родственникам или зятям; фамилии сдваивались, передавались, исчезали. Хотелось всех запомнить – появилась галерея 1812 года в Эрмитаже.

К сожалению, дипломаты желали не идти вперед, а вернуться

к тому, что было до кошмара, начавшегося в 1789-м. «Конгрессмены» 1815 года не учитывали: за эти 26 лет не только произошло множество событий, но главное – и много изменений. Вернуться во вчерашний день не мог никто – в том числе и «цвет европейской образованности, дипломатических дарований». «Конгрессмены» искренне хотели, чтобы битва при Ватерлоо стала последней в истории. Но буквально каждое их решение вело к скорой будущей войне. Они хотели видеть революцию 1789 года последней в истории, однако решения Венского конгресса спровоцировали целую серию освободительных войн и революций.

Конгресс постановил включить в состав нового Королевства Нидерланды территорию Австрийских Нидерландов. Сегодня это Бельгия. Она образовалась после революции 23 сентября 1830 года, а 4 июня 1831 года Национальный конгресс избрал Леопольда Саксен-Кобургского королем Бельгии. Венский конгресс не предусматривал ни появления Бельгии, ни новой правящей династии... Все свершилось через каких-то 16 лет.

Все бывшие владения Австрии возвращались под власть Габсбургов: Тернополь, Тироль, Иллирийские провинции, Ломбардия и Венеция. В итальянских герцогствах Тоскана, Модена и Парма тоже опять появились Габсбурги. А в 1848 году придется сделать Австрийскую империю «двойной»: Австро-Венгерской. Ее прозовут «лоскутной», брожение и распад в ней будут продолжаться до Первой мировой войны, в ходе которой Австро-Венгрия вообще развалится.

Ни о чем подобном «конгрессмены» не могли и подумать. Как и о том, что в итальянских владениях Габсбургов революционеры-карбонарии будут ходить чуть ли



Портрет императора Австрии Франца I кисти Йозефа Крейцингера. Ок.1806

не толпами. В Вене вполне консервативно восстановили отнятую Наполеоном власть династии Бурбонов над королевством обеих Сицилий. Сложность в том, что жители этого королевства не хотели быть подданными Бурбонов и не считали решения Венского конгресса законными. И вообще Италия хотела стать независимой.

Венский конгресс отнял у Дании Норвегию: Дания была союзницей Наполеона – ее следовало наказывать. Норвегию передали Швеции, совершенно не спросив норвежцев, хотят ли они «передаваться». Почти сто лет прошли в непрерывных пиханиях и толканиях, пока в 1905 году Норвегия не стала независимой конституционной монархией.



Генрих Оливье. «Священный союз». 1815. Аллегорическое изображение императора России Александра I (слева), императора Австрии Франца I (в центре) и прусского короля Фридриха Вильгельма III (справа), облаченных в рыцарские доспехи

Наполеон создал в Польше герцогство Варшавское, а королем назначил саксонского короля Фридриха Августа I. Венский конгресс вернулся к границам раздела Польши 1795 года. Возникло Царство Польское с Александром I в роли царя.

Пруссии отошли западные пределы исторической Польши с Познанью-Позеном и Бреслау-Врацлавом, польское Поморье, да еще куски Саксонии, Вестфалии, Рейнской области. Историческую

столицу Польши, Краков, объявили «вольным независимым и строго нейтральным городом» под покровительством Пруссии, Австрии и Российской империи.

В Российской империи поляки восстали в 1831 году и потом в 1863-м. Если в Пруссии бунтовали меньше, то только по одной причине: там режим был куда более жесткий. Но и в бывших прусских владениях в 1920 году шла жестокая война: поляки претендовали на изрядную часть Германии. Вольный

город Краков восстал в 1846 году, после чего был присоединен к Австрии.

Наполеон «прикрыл» Священную Римскую империю германской нации. Восстановить ее? Но императором уже провозгласили себя правители Австрии... Многовато развелось императоров. «Пришлось» образовать Германский союз независимых германских государств и вольных городов. Этот союз прожил чуть дольше Вольного Кракова, но и его поглотила Пруссия в 1860–1870 годы.

В Вене 1815 года старички в ярких камзолах улыбались друг другу, раскланивались и говорили приятности; но все, что они пытались протащить в новое столетие, так это атрибуты XVIII века. К чему эти политики прошлого стремились? Обеспечить незыблемость европейских монархий. Вернуть монархию туда, где ее свергли. Возможно, они искренне верили, что Франции лучше быть монархией, но сама Франция думала иначе. Уже была Первая республика в 1792–1804 годах. Наполеон ее уничтожил. Он был узурпатор, его власть незаконна, его свергли. Все в порядке, на престоле опять Бурбоны! Но вскоре грянула Вторая республика! Она продержалась недолго – с 1848 по 1852 год.

Так ведь и сменившая ее Вторая империя 1852–1870 годов не была под скипетром Бурбонов. На престоле этой империи сидел племянник проклятого «Буонапарте» – Луи Наполеон Бонапарт. Сплошное нарушение принципа легитимизма. После нового Наполеона уже надолго установилась Третья республика 1870–1940 годов.

Чехарда монархий и республик – какая уж тут политическая незыблемость и монархическая неизменность! Мало того, с 1870 года четырем монархиям Европы уже постоянно приходилось иметь дело с самой настоящей республикой – Французской.

Еще важнее то, что Франция и в 1820-х годах, под скипетром Бурбонов, жила совершенно по другим правилам, чем в 1780-е. Король клялся вернуть дворянам законную собственность. И вернул – тем, кто мог предъявить на нее документы. А документы были в лучшем случае у пятой части собственников! У кого-то их не стало давным-давно, не озаботились; во время Революции французы очень хорошо знали, что долговые расписки и документы на землю хранятся у нотариусов. Профессия нотариуса сделалась самой опасной во Франции, по многострадальной стране прокатилась череда пожаров... И все: пойдя докажи, что это твой виноградник.

Впрочем, из дворян мало кто пропал. Пришлось им приобретать профессии, в чем не вижу особого кошмара. Но не исчезли же! До наших дней чуть ли не треть французов интеллигентных профессий – с дворянской приставкой «де».

Но страна из феодальной стала буржуазной. И ничего с этим поделаться невозможно. Все-то во Франции сделалось не так, как хотели высокие умы международного Венского конгресса. Они ждали, что Бурбон сядет на трон и тут же запоят птички, расцветут цветочки, а французы станут счастливы. А вы почитайте-ка «Графа Монте-Кристо» Александра Дюма! Сплошное сведение счетов, кровавая возня на развалинах разрушенной страны.

С 1815 года и по меньшей мере лет сорок Франция медленно поднималась после кошмара революции. Потерять больше миллиона человек, в основном молодых мужчин – великое бедствие. Аукаться это будет многим поколениям. Уравнительные эксперименты принесли еще и голод. Только в 1820-е годы средний рост француза опять начал расти; к 1840-м годам французы сравнялись в росте с остальными европейцами.

Франция справедливо гордится своей культурой. Но только к 1850 году число французов, получивших гимназическое и высшее образование сравнялось с их числом в 1780-е годы.

Не надо рассказывать сказки, что революции делаются для счастья людей. Хорошо, что самые страшные последствия революций постепенно исправляются. Только жаль убитых людей.

Милейшие старички не понимали главного: они создали новую систему международных отношений. Вовсе не такую, какую им хотелось бы создать, но она прожила почти сто лет. Новая система международных отношений так и называется: Венская.

Не первый раз Европа пыталась создать систему международных договоров. Европа с XVI–XVII веков господствовала во всем мире, и потому системы получались мировыми.

Вестфальский мир 1648 года создал первую такую мировую систему. Это был двухполярный мир, в нем господствовали две сверхдержавы: Англия и Франция. Это были самые могучие государства, самые развитые экономически, с лучшими армиями и флотами, с самым культурным населением. Священная Римская империя оставалась хаосом разных по размерам государств с разным уровнем экономики и разным политическим строем. В начале XVIII столетия на международную арену вышла Российская империя. Разбила Швецию, на чем и окончился век шведского великодержавия. Но что такое это великодержавие? Оно где-то на востоке Европы, никак не посягает на могущество двух сверхдержав. И Российская империя не посягает.

Вестфальская система трещала по всем швам весь XVIII век, но даже Семилетняя война не поколебала основ. Вестфальская система рухнула в ходе событий 1792–1815 годов.

Британия приложила огромные усилия, чтобы свалить старого соперника и конкурента. Вроде бы получилось. Никогда больше Франция не будет сверхдержавой. Большая часть ее колоний Британия отняла: и Канаду, и Индию. Франции оставили болото в Гвиане и даже в Тихом океане – не большие острова Новой Зеландии, а затерянные в тихоокеанских просторах атоллы.

Но и однополярного мира не возникло! Теперь стало пять великих держав: наряду с Британией – Франция, Пруссия, Австрия, Российская империя. Венская система держалась на том, что эти державы должны договариваться, должны быть гарантами стабильности. Так было не всегда – грянула Франко-прусская война 1870 года. Но тем не менее во многом порядок и мир держались на «договорах пяти».

Решили, что Швейцария будет нейтральной? Сбылось. Гарантами независимости Норвегии стали Великие державы.

Многополярная Венская система прожила до Первой мировой. После нее возникла Версальско-Вашингтонская система международных отношений. Ненадолго, примерно до 1938 года. В этой системе главными были Соединенные Штаты, Британия и Германия. СССР и Китай занимали примерно те же позиции, что Пруссия и Российская империя в XVIII веке.

После Второй мировой опять рулили две сверхдержавы, но уже совершенно другие. На короткое время – с 1992 года мир сделался однополярным...

Сегодня на наших глазах возникает новая система международных отношений. Судя по всему, система многополярная. В этом она очень походит на Венскую. Но с весьма существенной поправкой – она не будет только европейской.

Как ее назовут? Какой она будет? Не берусь угадать.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX ВЕКА

Усилившаяся конкуренция между капиталистическими странами и новые потребности в сырье и рынках сбыта подталкивали державы к активизации колониальной политики

ТЕО ГУРИЕЛИ



Портрет императора Александра III кисти Петра Зубовского. 1889

Последние два десятилетия XIX века были очень важными для России. По существу, то, что происходило в Европе и в Азии с 1789 года по 1899 год, было в исторической перспективе и в глобальном измерении важнее, чем последняя русско-турецкая война. Ибо все, что имело место в этот период, повлияло на расстановку сил в мире и на будущие отношения европейских держав к России.

Осложнения в отношениях между крупнейшими государствами Европы постоянно нарастали. Это было вызвано естественными процессами: развитием капитализма в Европе и все возрастающей конкуренцией между промышленностью одних европейских стран и промышленностью других, а также ростом их империалистических амбиций.

Капиталистические державы Европы все больше испытывали конкуренцию и со стороны тех стран, которые ранее были преимущественно аграрными: однажды утвердившись, капитализм развивался там довольно быстро.

Наиболее ощутимым был подъем производства в Германии и Австро-Венгрии. Как следствие этого, к середине 1870-х годов в этих странах наступил серьезный промышленный кризис. Отмечался кризис и в США, а к концу 1880-х годов он перекинулся и в Англию. После нескольких лет относительного

роста производства почти во всех странах Западной Европы наступила затяжная депрессия: она продолжалась до начала 1890-х годов. Причиной всего этого было вовсе не перепроизводство, а отсутствие или дороговизна сырья, а также сокращение рынков сбыта.

Напомним, что значительная часть природных ресурсов на большей территории Западной Европы была исчерпана уже к концу XV века, и именно поэтому такие страны, как Лифляндия, Дания, Швеция, Германские княжества и Польша, принимали активное участие в войнах против России, включая Ливонскую войну: они стремились, подавив ее сопротивление, использовать ее как сырьевой придаток Европы. Им это не удалось. Однако на протяжении длительного времени – с конца XVIII века и до середины XIX века – Россия оставалась страной, снабжавшей Европу различным сырьем, рыбой, кожей, пшеницей, рудой. С середины XIX века ситуация стала меняться: российский капитализм развивался медленнее, чем в Австро-Венгрии, но в европейской части страны и на Урале успехи капиталистической промышленности России были очевидны.

Усилившаяся конкуренция между капиталистическими странами и новые потребности в сырье и рынках сбыта стали подталкивать державы к активизации колониальной политики. Они начали активный поиск стран, изобилующих сырьем и дешевой рабочей силой. Такие страны удобны для экспорта капитала, там легко оградить себя от иностранной конкуренции и навязать свою монополию. А это возможно только применительно к колониальным или зависимым странам.

В итоге начался новый этап в борьбе за передел мира, продолжавшийся до самого конца века. На последнем этапе этой борьбы,

которая редко велась без применения военной силы, почти весь мир был поделен между капиталистическими государствами. Когда этот процесс был завершен, колониальные державы, накачав мускулы, ввязались в новую борьбу: за передел колоний и сфер влияния. Примечательно, что многие западные страны либо в одиночку, либо стаей не раз делали попытки завладеть богатствами России.

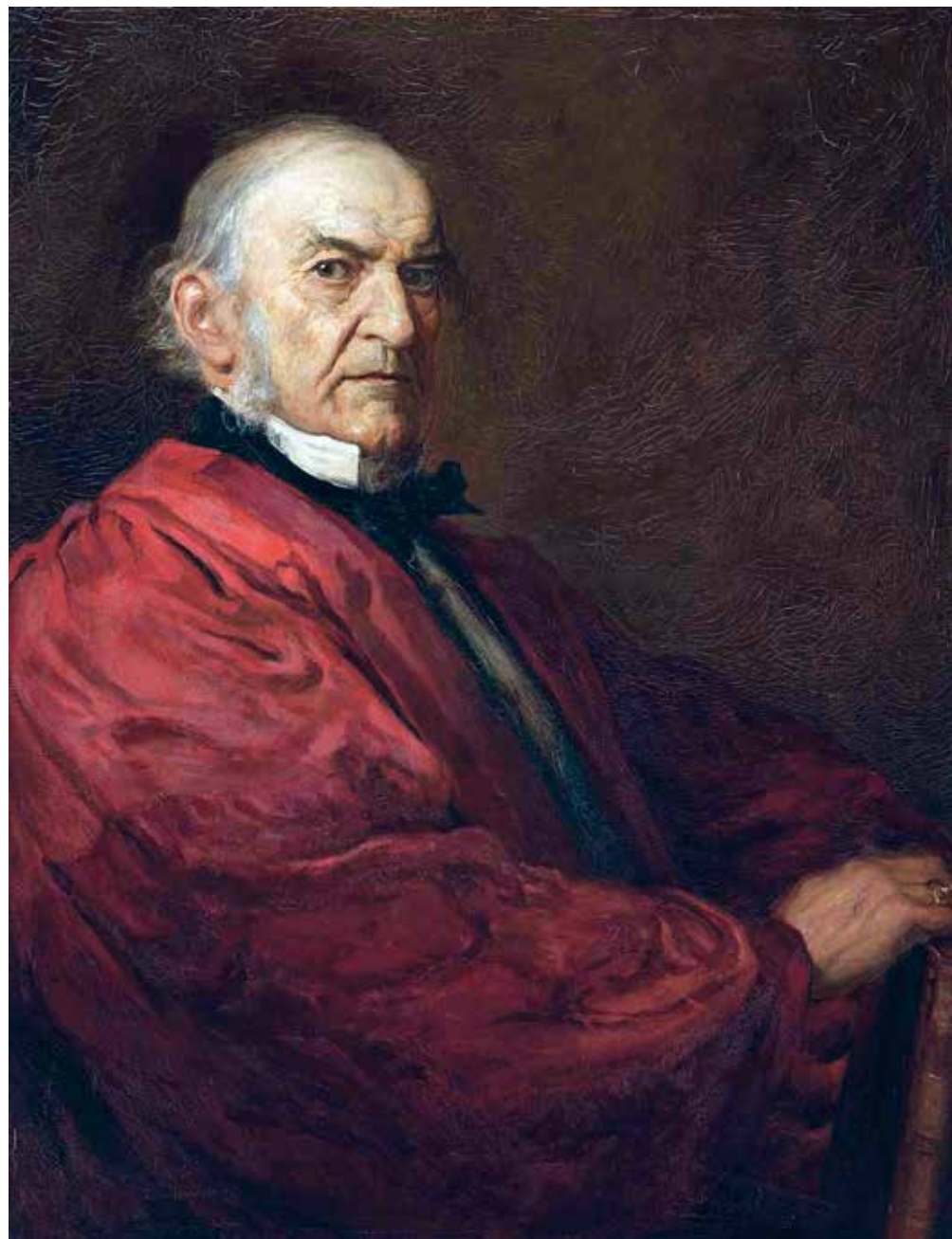
Понятно, что первыми на путь захвата и колонизации менее развитых и слабых стран вступили две старейшие капиталистические державы: Англия и Франция. Их политические деятели считали, что благодаря колониям им удастся в значительной степени компенсировать те потери, которые они несут из-за уменьшающихся рынков сбыта и растущей конкуренции.

Особо стоит отметить «колониальную прожорливость» Франции, которая делала попытки создавать свои колонии еще в XVIII веке. К концу следующего века она имела колонии в Алжире, Сенегале, Судане, Тунисе, Гвинее, Дагомее, Габоне, Конго, Убанги, Чаде, на Мадагаскаре, в Индо-Китае, а также в Америке и на островах Тихого океана. Огромными территориями в Латинской Америке завладели Испания и Португалия.

Что же касается Англии, то к концу века в ее колониях проживало около четверти населения всего земного шара, а территория метрополии была меньше общей территории колоний примерно в сто раз. Одним из последних приобретений «английского льва» стала богатая минералами область в Африке, которую британское правительство передало в управление и эксплуатацию привилегированной южноафриканской компании, возглавляемой неким Сесилем Родсом; в его честь область была названа Родезией (сейчас это страна).

В годы русско-турецкой войны премьер-министром Англии был Бенджамин Дизраэли, граф Биконсфилд. Было очевидно, что его активная деятельность по строительству Суэцкого канала и вовлечению в это предприятие банкиров из западных держав, крупных предпринимателей Европы и просто богачей-инвесторов имела главной целью обеспечить кратчайший морской путь в Индию, в колонию, которую называли «жемчужиной английской короны». Но политика графа Биконсфилда в период русско-турецкой войны определялась не только интересами Англии в Египте – и даже не только ее интересами на всем Ближнем Востоке! В основе деятельности кабинета графа Биконсфилда лежали основные принципы глобальной колониально-империалистической политики Англии. Дизраэли начал с того, что обеспечил Англии экономическое господство над Суэцким каналом. Для этого он приобрел в ноябре 1875 года контрольный пакет акций компании Суэцкого канала, принадлежавший египетскому хедиву. Ту же цель – упрочение английских позиций в восточной части Средиземного моря – Дизраэли преследовал и тогда, когда не пускал русских в проливы, захватывал Кипр и стремился обеспечить преобладание английского влияния в Константинополе. Но ближневосточная политика Дизраэли была тесно связана с империалистическими замыслами Великобритании и в Средней Азии. Он с опаской следил за усилением позиций России в этом регионе: его беспокоило то, что Россия находилась в неплохих отношениях с Афганистаном, а через него было не так уже далеко до британской Индии.

Толкая Турцию на конфликт с Россией и отвлекая ее силы на Ближний Восток, Дизраэли тем самым готовился к войне на земле Афганистана.



Портрет Уильяма Гладстона кисти Джона Эверетта Милле

Эта война началась в 1878 году, а закончилась уже при другом премьере – Уильяме Гладстоне, который в 1880 году сменил Дизраэли. Война оказалась кровопролитной и в силу рельефа местности, и в силу умелого сопротивления афганцев, но англичанам все уже удалось установить над Афганистаном свой протекторат. Эмир получал от англичан

ежегодную субсидию, но обязался не иметь с иностранными государствами никаких связей, если они не осуществлялись через посредство Англии.

Гладстону не нравилась ни эта война, ни пребывание английских войск в Афганистане; он считал оккупацию Афганистана лишней тратой ресурсов. Британские войска

ушли из Афганистана. Сторонники Дизраэли шумно осуждали за это Гладстона. Между тем Дизраэли, как это было ясно, «пытался проглотить больше, чем смог бы переварить». В начале 1879 года он развязал еще одну колониальную войну – против народа зулу в Южной Африке. А еще раньше, в 1877 году, он объявил об аннексии Трансвааля, населенного бурами – белыми жителями Южной Африки, потомками голландских колонистов XVII–XIX веков (название происходит от нидерландского слова *boeren*, то есть селяне). Однако, когда английские войска вошли в Трансвааль, буры подняли восстание. После поражения английского отряда в битве при Маджубахиле в конце февраля 1881 года Гладстону пришлось удовольствоваться лишь относительно ограниченным контролем над внешней политикой Трансвааля. А еще ранее, в 1874 году, английский империализм укрепил свои позиции в Юго-Восточной Азии, установив протекторат Англии над султанами

Малайского полуострова.

Но российская армия, как понимали в Лондоне, была намного более серьезным противником, нежели зулусы, вооруженные копьями, или малайцы с длинными кинжалами – крисами. Поэтому к противостоянию с Россией Британия готовилась серьезно. Дизраэли считал, что Александр II, хоть

и был успешен в русско-турецкой войне, не забыл, насколько быстро был подготовлен британцами экспедиционный корпус в годы Крымской войны и как эффективна была артиллерия британского флота и особенно вооруженных пароходов, обстреливавших Севастополь и Одессу. Поэтому британская пресса постоянно публиковала обширные статьи, в которых всячески превозносила мощь и диапазон действий британского флота и умение британской армии действовать на любом театре военных действий. На маневры флота часто приглашали русского посла и представителей русской армии.

Но и русско-турецкая война, и продолжающееся перевооружение русской армии за относительно короткий период времени сделали ее другой. Россия в то время переживала период подъема во многих областях. Ее сталелитейная и военная промышленности успешно развивались. Это дало возможность одновременно ускорить и перевооружение армии, и создание современного флота, который был бы способен обеспечить защиту берегов Балтийского и Черного морей.

При Александре III была утверждена двадцатилетняя программа строительства броненосных кораблей; в 1881 году на особом совещании под председательством императора была принята программа воссоздания военно-морского флота на Черном море. Принимались меры и по укреплению Тихоокеанского побережья и строительству мощных кораблей для Тихоокеанского флота. Одно из известных высказываний императора Александра III в полной мере отражало его кредо касательно обороноспособности страны: «Во всем свете у нас только два верных союзника – наша армия и флот. Все остальные при первой возможности ополчатся против нас». При Александре III

русская армия в мирное время насчитывала 900 тысяч человек и при необходимости могла быть развернута до четырех миллионов.

Введенная в 1881–1882 годах новая армейская форма была намного практичнее, чем прежняя. Каски с плюмажами и яркие мундиры исчезли. Их сменили двубортные мундиры и фуражки (шапки) с гербом. На вооружение пехоты была принята трехлинейная винтовка с магазином. В основе ее конструкции были разработки российского оружейника Мосина и его коллег; основным револьвером в армии стал револьвер братьев Наган, бельгийцев, и он был, что называется, долгожителем в русской армии: этот револьвер, несколько модифицированный, широко использовался в годы Великой Отечественной войны. Русская армия была также одной из первых армий мира, которая стала применять бездымный порох.

Император внимательно следил за появлением новых видов оружия. В 1887 году в Петербург доставили три пулемета британского конструктора Максима (второй, улучшенной модификации на треногах). Военный министр Российской империи Петр Ванновский велел заказать британскому оружейнику эти пулеметы под русский 4,2-линейный патрон и провести испытания этого оружия. Император лично в них участвовал, и 8 марта 1888 года расстрелял целую патронную ленту в манеже Аничкова дворца. В результате пулемет Максима был принят на вооружение русской армии и, подобно револьверу Нагана, служил русской армии шесть десятилетий.

Александр III был не только самодержцем, но и военным, однако он всячески старался вести миролюбивую политику, сглаживать возникающие вокруг России малые конфликты и выстраивать ровные отношения с другими странами Европы, за что его прозвали

«Миротворцем». За весь период его правления Российская империя лишь дважды серьезно бралась за оружие. И оба раза главной причиной была колониальная политика Англии. Кстати, в первом случае эта политика чуть было не привела к большой европейской войне.

На протяжении почти всего XIX века Россия и Англия были либо противниками, либо соперниками на международной арене. Отношения между ними сильно ухудшились, когда Россия открыто поддержала Северо-Американские Соединенные Штаты в их борьбе за независимость от Британии, а затем и Северные Штаты в ходе Гражданской войны в США, в которой британский капитализм был на стороне рабовладельческих южных штатов, снабжавших британскую промышленность дешевым хлопком. И хотя Россия и Англия были союзниками в борьбе с Бонапартом, это не мешало Англии интриговать против нее; в подбрюшье России британские политики поддерживали Персию в ее противостоянии России в кавказских делах. Но вооруженная борьба за этот регион окончилась поражением персов, и на шахский трон взошел человек, который, как он считал, из двух зол выбрал меньшее: улучшение отношений с Россией.

Это в корне меняло планы британцев. Они надеялись с помощью Персии быстро овладеть Афганистаном и застолбить тем самым территории, граничащие со Средней Азией. Но русские дипломаты и русская разведка эти планы разрушили.

Во время Русско-турецкой войны 1870-х годов противоречия России и Англии, как известно, резко обострились. А после ее окончания они наиболее выпукло проявились в соперничестве за преобладающее влияние в Афганистане и Средней Азии – районах, находящихся к северу от Индии. Если



Великобритания и ее колонии в XIX веке

метрополия Британской империи находилась на большом удалении от Центральной Азии, а основным инструментом военной экспансии этой империи был ее мощный флот, то ни одна страна в Евразии не могла внушать метрополии серьезных страхов. Но в данном случае ситуация могла стать иной. Авангард огромных сухопутных войск России уже был в Средней Азии, и нарастить его Россия могла быстро. Поэтому в Лондоне считали, что Россия, покоря местные ханства и эмираты в Средней Азии, способна со временем оказаться вблизи британских владений в Индии. Не было и речи о том, чтобы попытаться в этом случае помериться с Россией силами на суше, даже используя все колониальные войска в Индии: в Лондоне знали,

что Россия в начале 1880-х годов обладала самыми многочисленными и самыми мощными сухопутными войсками в мире. А в этом регионе ни одна из западноевропейских стран участвовать в такой авантюре на стороне Англии не решилась бы.

Оставалось два способа: использовать одну из стран региона для войны с Россией в качестве «прокси» (то есть вести войну чужими руками) и плести международные интриги против России. Британцы начали со второго. Британские дипломаты, эмиссары, агенты, действующие под видом предпринимателей, вели подрывную пропаганду, разжигали антироссийские настроения при дворах иранского шаха, бухарского эмира, хивинского и кокандского ханов и других

азиатских властителей, занимались подкупом лиц, близких к трону, чтобы те постоянно чернили Россию и русских. Они обещали властителям широкую военную помощь, субсидии, усиление местных военных сил английским оружием и английскими инструкторами.

Британцы действовали широко и, как сообщали русским местные агенты, не жалели денег. Они хотели во что бы то ни стало добиться выгодных для себя результатов. Скорее всего, поражение в первой англо-афганской войне было для них крайне обидным. Но, кроме того, они ставили перед собой важную цель: раз и навсегда подчинить себе Афганистан и использовать его для того, чтобы блокировать усиление позиций России в Средней Азии.

Но судя по складывающейся обстановке, эта задача была практически невыполнимой. Русские военные, администраторы, прочие проводники русской политики в регионе действовали умно, аккуратно и смело. Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что, несмотря на поражение России в Крымской войне, за двадцать лет, прошедшие с момента ее окончания, Россия уже включила в свой состав Бухару, Хиву и Коканд, а с начала 1880-х годов готовилась к приобретению Туркмении – причем без применения военной силы.

Британский кабинет министров, тогда еще возглавляемый Бенджамин Дизраэли, решил, что «русские зашли слишком далеко». Настоящую ярость вызвал поход Скобелева в Текинский оазис: о нем говорили, что «скобелевская экспедиция свела на нет сорокалетние политические, дипломатические и иные усилия англичан по мягкому овладению Афганистаном». Премьер-министр Великобритании Бенджамин Дизраэли разразился по этому поводу гневной тирадой: «Нашими войсками московиты должны быть выдавлены из Средней Азии и сброшены в Каспийское море».

Но большинство членов кабинета боялось скоропалительных решений, могущих привести к необратимым последствиям: они настаивали на решении вопроса путем переговоров. В качестве приманки для России предлагалось обсуждение вопроса о запрете России иметь флот в Черном море. Но России удалось снять этот запрет и без участия в переговорах с Англией. Британский кабинет был в отчаянии; чтобы хоть как-то отреагировать на действия России, он объявил, что намерен присоединить Афганистан к Индии. Это заявление вызвало в Кабуле сильное раздражение. То, что британцы намерены распорядиться Афганистаном как

своей вотчиной и даже не скрывают этого, разозлило не только знать, но и вождей племен, исторически игравших очень большую роль в делах страны.

Именно из-за огромной роли вождей племен, которые постоянно вдохновляли своих соплеменников на ратные подвиги против иноземцев, родилась поговорка: «Пока в Афганистане есть вожди своих племен, никто не в силах покорить Афганистан – таков закон!»

Немалую роль сыграли в этой ситуации еще два обстоятельства: высокомерие англичан в общении с афганскими вождями и знатью и довольно куртуазное обхождение с ними русских дипломатов и даже военных. Последнее особенно нравилось афганскому эмиру Шир-Али, который любил почтительное отношение к себе и к своим придворным. Как следствие подобного подхода русских дипломатов, повелитель все больше склонялся к людям с севера, чем к иноземцам с Запада. Вскоре стало ясно, что в окружении эмира людей, симпатизирующих англичанам, во много раз меньше, чем тех, кто симпатизировал русским.

К тому же эмир знал, что, хотя англичане изображают из себя мощную силу, войск у них поблизости очень немного, в то время как его лазутчики доносили: недалеко от границы Афганистана размещены значительные силы русских. Это было правдой: сразу после Берлинского конгресса Александр II приказал перебросить к афганской границе двадцатитысячный армейский корпус, хорошо подготовленный к боевым действиям в среднеазиатском регионе. Верно, в нем было немного артиллерии и кавалерии, но пехота была вооружена хорошими винтовками и отлично обучена.

Пока в английском кабинете министров шли дебаты о том, как отреагировать на действия русских

в Средней Азии, командование русского корпуса выдвинуло несколько батальонов к южной границе Хивы, чтобы обеспечить логистику в случае выдвижения основных сил к границе. Это еще больше разозлило англичан. В Петербург была отправлена гневная нота, в которой содержалось требование немедленно прекратить военные приготовления на границе с Афганистаном.

Оттуда пришел лаконичный ответ: все, что делает Россия, является ответом на недружественные действия со стороны британских колониальных властей в Индии. Кроме того, в ответном послании говорилось, что действия местной русской администрации – это вынужденная мера, которая вызвана враждебными действиями самой Англии. Англичанам вовсе не хотелось, чтобы данное послание было опубликовано в западноевропейской печати, и они на время ослабили дипломатический нажим, но существенно увеличили свои разведывательные усилия.

Информация, которую они получили из секретных источников, вызвала настоящий шок. Выяснилось, что эмир Шир-Али проводит переговоры с русскими военными эмиссарами относительно военной помощи русских войск в том случае, если англичане решат захватить Кабул силой. На этих переговорах даже шел разговор о возможном размещении в Кабуле русского гарнизона.

Англичане решили предвосхитить такое развитие событий. Они громкогласно заявили, что власти Афганистана всячески ущемляют права британских компаний и создают невыносимые условия для деятельности британских миссий. Ждать исправления ситуации или хотя бы ответа афганских властей они не стали: они просто начали войну. Эмир не был готов к такому повороту событий. Его скромные силы выдвинулись к Джелалабаду,

где их ожидало первое поражение; под Кандагаром они были окончательно разгромлены. Шир-Али оставил править сына по имени Якуб-хан, а сам бежал в Россию.

Между тем народное сопротивление интервентам ширилось. Если в ходе Первой англо-афганской войны оно имело очаговый характер, то теперь оно охватило почти всю страну.

Новый эмир ранее не раз декларировал, что отдает предпочтение англичанам, но после вторжения английских войск в Афганистан и гибели сотен молодых воинов, популярных в афганских войсках, ненависть к интервентам стала расти в стране. Соответственно, возненавидели и Якуб-хана. Эта ненависть многократно увеличилась, когда он подписал с англичанами кабальный Гандамакский договор, по которому англичанам передавалась во владение часть территории Афганистана, британским торговцам давались неслыханные льготы, а в Кабуле англичане размещали свой гарнизон.

В сущности, этот гарнизон представлял собой группу солдат и офицеров числом примерно в полтора взвода. Облачившись в красные мундиры, они обычно эскортировали английского резидента. Им был Пьер Луи Наполеон Каваньяри, английский дипломат французского происхождения. Он прежде служил в английской Ост-Индской компании и, кстати, принимал деятельное участие в подавлении восстания сипаев. Въехал он в Кабул торжественно, с помпой, но через несколько месяцев цитадель, где он находился, была окружена восставшими афганцами. Каваньяри был убит вместе со всем своим «гарнизонам».

В Лондоне уверяли, что восстание было инспирировано русскими агентами, но никаких доказательств на этот счет представить не смогли.

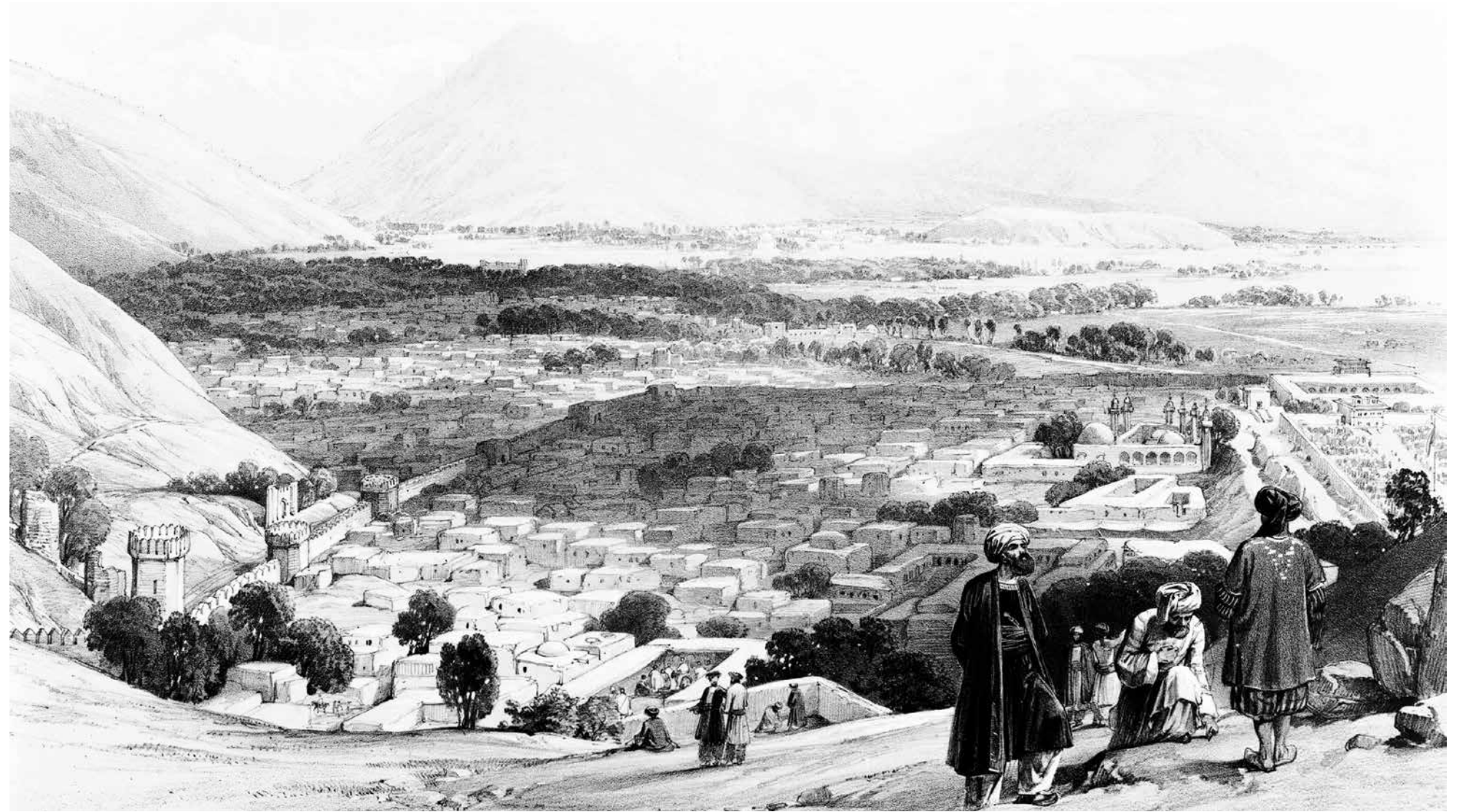
В октябре 1879 года британцы отбили Кабул, но жестокие репрессии интервентов не смогли положить

конец народно-освободительной борьбе афганцев. Англичане вынуждены были признать, что число пуштунов и таджиков в рядах партизан растет, а нападения на английские лагеря становятся все более частыми.

Над англичанами нависла угроза повторения позорного поражения в Первой англо-афганской войне. Им удалось с большими потерями оттеснить афганские части в Герат, но нанести им решительное поражение англичане не смогли. В этот момент на политической сцене появился еще один претендент на афганский трон: Абдур-Рахман. Он был внуком Дост Мухаммада, которого Россия поддерживала еще во время Первой англо-афганской войны. До возвращения в Афганистан он провел 10 лет в Самарканде под крылом российских властей.

Абдур-Рахман быстро занял восток страны, где у него было много сторонников, и двинулся к Кабулу. Англичане вступили с ним в переговоры, предлагая разделить Афганистан на две части и отдать ему восток страны. Ничего не отвечая, Абдур-Рахман продолжал наступление. Теперь над англичанами нависла угроза не только поражения, но и вполне вероятного военного вмешательства России, покровительствующей Абдур-Рахману. Британцам ничего не оставалось, как признать Абдур-Рахмана правителем единого Афганистана и пересмотреть Гандамакский договор. В 1881 году британская королева Виктория официально признала Абдур-Рахман-хана эмиром Кабула и вывела британские войска в Индию.

Однако новый эмир вынужден был признать английский протекторат над всей территорией Афганистана и обязался согласовывать с Лондоном свою внешнюю политику. Российские власти последний пункт договора не особенно расстроил: у нового эмира были



Кабул в XIX веке

тесные связи с Россией, он постоянно давал русским понять, что с удовольствием избавился бы от британской опеки. К тому же из Лондона пришла хорошая новость: Дизраэли проиграл выборы, а возглавивший кабинет Уильям Гладстон приказал вывести войска из Афганистана.

Это была существенная перемена, которая позволила Александру II действовать в Средней Азии решительнее. Он отдал приказ военачальникам подготовиться к присоединению восточных частей Туркмении. Более того: в российских штабах стали разрабатывать

планы военной экспедиции в княжества Северной Индии, пока еще формально не включенные в число английских колоний.

Чтобы начать последовательное осуществление этих планов, надо было сначала овладеть оазисами Мерв и Панджшех, которые были населены туркменами-текинцами.

Это была непростая задача. Во всей Центральной Азии не было такой воинственной и свободолюбивой этнической группы, как жители этих двух оазисов. Формально Мерв принадлежал Персии, а Панджшех – Афганистану,

но жители оазисов не подчинялись вообще никому. Основным промыслом текинцев были набеги на соседей, причем на всех без исключения: кокандцев, хивинцев, бухарцев, афганцев и персов. Главной целью набегов было похищение людей и торговля ими на рынках невольников или обмен людей на золото работоторговцев. На протяжении столетий текинцы были основными поставщиками рабов на рынки Центральной Азии, а также дестабилизирующим фактором в регионе. В начале XIX века России удалось во время войны с Персией привлечь

текинцев на свою сторону, и когда Хива, Коканд и Бухара перешли в русское подданство, выходкам текинцев решили положить конец.

Противник был сильный, жестокий и умелый. Но, к удивлению русских генералов, использование военной силы не потребовалось. В декабре 1883 года начальник Закаспийской области генерал Александр Комаров отправил к правителю Мервского оазиса своих офицеров – ротмистра Алиханова и майора Мехтум Кули-хана. Им удалось убедить текинцев уступить без кровопролития. В январе



Франц Рубо. «Бой на Кушке». 1914

1884 года мервские вожди официально согласились принять русское подданство.

Комаров знал, кого посылать. Максуд Алиханов-Аварский (в некоторых документах его имя пишется как Александр Михайлович) дослужился в российской армии до генерал-лейтенанта, был награжден многими орденами. Его спутник Мехтум Нуберды Кули-хан, представитель знатного туркменского рода, закончивший службу в императорской армии подполковником, стал депутатом Государственной думы от Закаспийской области (он был единственным депутатом-туркменом за все четыре созыва Государственной думы). Комаров впоследствии признал, что сделанное двумя офицерами «было за гранью возможного».

Когда текинцы сложили оружие, эта новость с быстротой молнии долетела до англичан: они с нетерпением ждали жестоких боев, но не дождались этого. Английские

эmissары потребовали у русских властей объяснений относительно их действий, на что последовал ответ: это акция по ликвидации позорной торговли рабами. Когда же англичане стали настаивать на том, что акция была противозаконна, потому что один оазис принадлежит Персии, а другой – Афганистану, русское начальство ответило так: текинцы устраивали набеги на русскую территорию, и, поскольку русские положили конец этому злу, оазисы теперь являются русской территорией.

В Лондон полетели депеши от вице-короля Индии лорда Дафферина с требованием немедленно перебросить на афганскую границу из метрополии крупный контингент отборных войск. Гладстона эти послания не впечатлили. На одном из заседаний кабинета он даже заметил, что давно предупреждал не хватать все, что плохо лежит: около этого придется ставить все больше караульных. Он

посоветовал Дафферину попытаться справиться с кризисной ситуацией самому.

Снова был использован испробованный на протяжении веков метод: начинать войну с помощью прокси, чужими руками. Угрозами, посулами, всяческим давлением на Абдур-Рахмана и весь его двор эмира вынудили весной 1885 года послать войска в район оазиса Панджшех.

Когда афганцы начали разворачивать свои силы у оазиса, генерал Комаров послал к ним парламентаря с предложением, высказанном в самой дипломатичной форме: немедленно отвести войска. Но британские советники и инструкторы стали грозить офицерам карой, а рядовым афганцам пообещали награды. Афганские офицеры колебались, явно не желая идти на гибель. Комаров, понимая, что происходит, передал британскому уполномоченному по Афганистану генералу Лэмсдену: «Прикажете

им убираться». Однако британец, естественно, ответил отказом.

Русских войск, сосредоточившихся на восточном берегу реки Кушки, было примерно в два раза меньше, чем афганских на западном берегу. Под командованием генерала Комарова было всего четыре стрелковые роты Закаспийского полка, батальон Туркестанского полка, Кавказский казачий полк, отряды временной мервской милиции и батарея горных пушек (всего четыре орудия). В афганской армии было 2600 всадников и 1900 пехотинцев при восьми орудиях. Командовали ими около 100 английских инструкторов. Поддержку афганцам должны были оказывать около 5000 всадников из племенных ополчений, но они по приказу эмира держались в стороне от поля боя: ни эмир, ни племенные вожди не хотели потерь в этих ополчениях. Впрочем, они на самом деле с русскими воевать не собирались.

По приказу англичан афганской пехотой были построены четыре редута перед русскими аванпостами, а кавалерия готовилась к охвату русского лагеря с левого фланга.

25 марта Комаров отправил послание командиру афганской группировки с последним предупреждением. В нем он не требовал, а просил афганцев в течение пяти суток убрать их аванпосты с обоих берегов реки и вывести войска за реку Муграб до устья Кушки. Ответа не последовало.

Утром 30 марта Комаров приказал атаковать противника. Первыми открыли огонь афганцы, но вскоре стало ясно, что русские ведут очень эффективный огонь на поражение, и с первых минут боя в рядах противника были уже большие потери. Затем русская пехота шквальным огнем отбила атаку афганской конницы, и вскоре войска эмира начали отступать. Русские подразделения захватили мост, и всего нескольких

залпов пушек оказалось достаточно, чтобы противник покинул поле боя.

Попытка нескольких афганских отрядов отойти более или менее организованно сорвалась. Русские захватили восемь орудий, обоз и десятки пленных, включая нескольких англичан. Потери афганцев составили до 600 человек, а русский отряд потерял не более сорока. Оазис Панджшех стал российской территорией, и впоследствии на этом месте возвели самую мощную крепость России в Средней Азии.

Поражение, нанесенное афганским войскам, было жестоким ударом для английской колониальной администрации. Было ясно, что об этом событии вскоре узнают почти во всех среднеазиатских кишлаках, просочится информация и в Индию. Английские советники и военные инструкторы, не сумевшие подготовить к бою и командовать афганцами, которые обладали превосходством в личном составе и артиллерии, в значительной степени утратили авторитет в глазах племенных вождей и местной знати. Неудивительно, что Абдур-Рахман, встретившись после боя с вице-королем Индии Дафферином, позволил себе несколько саркастических замечаний в адрес английских офицеров.

Что касается метрополии, то сообщение о позорном провале операции против русских войск вызвало в парламенте настоящую бурю. Консерваторы, которые являлись парламентской оппозицией, обвиняли кабинет Гладстона в отсутствии контроля за ситуацией в Афганистане, что, дескать, неминуемо приведет к широкомасштабному русскому вторжению в Афганистан и ослаблению позиций Англии в самой Индии. В итоге парламент принял решение начать формирование новых полков «для ведения войны в колониях». Первому лорду Адмиралтейства было поручено привести британский военный

флот в состояние боевой готовности. В Главном штабе армии начали строить планы высадки британских войск в Турции для дальнейшего продвижения в Закавказье.

Как известно, традицией британской прессы было в случае подготовки к войне вести широкомащтабную кампанию поддержки своего правительства и всяческого очернения будущего противника. Войну с Россией называли не только возможной, но и весьма вероятной. Европейская пресса подхватила эту тему: почти все газеты континента писали, что Англия и Россия находятся на пороге полномасштабной войны.

Но в политических эшелонах крупнейших европейских стран к этому отнеслись довольно спокойно. Причин для этого было несколько. Во-первых, война между Россией и Англией могла со временем перерасти в континентальную, а то и в мировую. Этого великие державы никак не хотели. Во-вторых, общеевропейская война могла привести к перетасовке колоний, а это было бы весьма дорогостоящей операцией. Наконец, третьей и крайне банальной причиной являлось то, что ни одну европейскую страну не привлекали боевые действия в далеком жарком районе, да еще с самой большой армией в мире, уже освоившей свои сухопутными войсками театр военных действий. В итоге в Европе установился негласный консенсус: великие державы не будут поддерживать ни одну из сторон, а скорее всего, будут «дружить» против того, кто первым войну начнет.

Такая позиция великих держав была удобна для российской дипломатии. Россия отвергла многочисленные требования англичан вывести войска из занятых ими афганских районов, но обещала впредь уважать территориальную целостность Афганистана. Большую роль в игнорировании

Побѣдитель авганцевъ на Кушкѣ.



ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ ИНФАНТЕРІИ

Александръ Виссаріоновичъ Комаровъ

1830—1904.

английских требований играло и то, что афганский эмир на возвращении оазиса не настаивал. Более того, эмир несколько раз заявлял, что кратковременная война была всего лишь недоразумением, ничего не стоящим эпизодом в отношениях Афганистана с его великим соседом. И как англичане ни пытались побудить его к претензиям в адрес России, Абдур-Рахман постоянно находил основания не делать этого.

А летом 1894 года русские войска отстояли от афганцев Памир, после чего завершили присоединение к России всей Средней Азии.

Успехи русской армии в Средней Азии сыграли свою роль и в отношениях между Россией и европейскими странами. До этого русско-турецкая война показала мощь русского оружия и большие стратегические ресурсы русской державы. У российских политиков появилось

больше возможностей для обеспечения безопасности страны.

Известно, что на протяжении многих десятилетий династия Романовых была связана родственными узами с монархами Европы, более всего с германскими. Таким политикам, как германский канцлер Бисмарк, приходилось временами действовать с оглядкой на эти родственные узы, но, хотя он постоянно заявлял, что старается помочь России по мере сил, порой его политика была вредоносной для России. В одном Бисмарку нельзя было, однако, отказать: он не раз заявлял во всеуслышание, что любая война Германии с Россией была бы катастрофой для Германии. Собственно, две мировые войны в XX веке этот прогноз Бисмарка подтвердили.

Во времена Александра III бывшие родственные узы с германскими монархами политику России уже не отягощали. Когда на германский престол взошел молодой кайзер Вильгельм II, в королевстве явно проявилась тенденция к сближению государств Центральной Европы и созданию германо-центричного союза. В центре Европы сложился по своей сути враждебный как для России, так и для Франции военно-политический блок – Тройственный союз, к которому в те годы тяготела и Великобритания.

В этих условиях наиболее разумным решением для основного направления внешней политики России стал отказ от традиционного сотрудничества с Германией и заключение союза с Францией. Этот союз окончательно оформился в 1891–1893 годах. Союз между Россией и Францией российские политики сочли единственной альтернативой политической изоляции. Первоначально он был заключен тайно. В 1891 году министры иностранных дел Франции Александр Рибо и Российской империи Николай Гирс обменялись

посланиями. Стороны обязались совещаться «по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру» и договариваться о совместных мерах в случае угрозы нападения на одну из них. Публично русско-французский союз был подтвержден в 1897 году, когда Россию посетил президент Франции Феликс-Франсуа Фор. Заключение союза позволило России получить кредиты и улучшить финансовую ситуацию; на тот момент французские инвестиции в российскую экономику были самыми крупными.

В заключение скажем несколько слов об Александре III и его роли в развитии культуры российского государства.

Историки признают его огромный вклад в расцвет национальной культуры и активное распространение в обществе исторических знаний. Сергей Дягилев писал: «Все, что прославило Россию, началось при Александре III... Для русской культуры он был, может быть, вообще самым лучшим из русских монархов».

С именем Александра III связано возникновение Русского исторического общества. По его инициативе собирались и публиковались воспоминания участников обороны Севастополя, а также были рассекречены документы о декабристах и тайных обществах.

Александр III интересовался археологией. За время его правления увеличилось количество археологических экспедиций и возросло их финансирование за счет выделения кредитов из казны и личных средств императора. Он заботился об охране и реставрации памятников древней русской архитектуры.

Император считал важнейшим в своей культурной политике развитие музейного дела. Благодаря ему были созданы музей в Севастополе, Русский музей в Санкт-Петербурге, а также Исторический музей в Москве – один из лучших исторических



Символ франко-русского союза

музеев в мире. Его здание, созданное по проекту архитектора

Владимира Шервуда, украшает Красную площадь в Москве.

ПЕРВЫЙ ГЕНЕРАЛИССИМУС В ИСТОРИИ РОССИИ

К 295-летию со дня рождения Александра Суворова

ОЛЕГ ОЗЕРОВ

В истории России есть имя человека, военные победы и беспримерный полководческий талант которого запечатлены во множестве картин, описаны во множестве книг. Этот полководец участвовал в семи крупных войнах России и в 60 сражениях и не проиграл ни одного! Он стал первым генералиссимусом в истории страны. 29 июля 1942 года был учрежден полководческий орден его имени, причем трех степеней. 21 августа 1943 года в СССР были созданы военные училища его имени, предназначенные для подготовки будущих офицеров.

2 марта 1994 года в России появилась медаль его имени, которой за личное мужество и отвагу

награждаются военнослужащие. В России ему были открыты музеи и памятники.

из обрусевшего армянского рода. Мальчик был слабым и болезненным, и отец был немало огорчен



Портрет фельдмаршала графа А. В. Суворова кисти Йозефа Крейцингера. 1799

Звали этого человека Александр Васильевич Суворов. Худенький, небольшого роста, но с несгибаемой силой воли, с твердым как сталь характером, всегда добрый к своим отважным солдатам, он был непримирим к врагам отечества. Солдаты его обожали, ценили за храбрость, умение воевать и за отеческую заботу о них.

Александр Васильевич родился 24 ноября 1729 года (по некоторым источникам – 1730 года) в семье генерал-аншефа русской армии Василия Суворова, крестника Петра I. Мать его Авдотья Манукова (Манукян) была

тем, что он не сможет пойти по его стопам. Но маленький Саша, который с детства слышал множество рассказов о битвах и полководцах, читал книги о войнах и стратегах, не мыслил себе жизни вне армии. Он принял решение укреплять тело и дух, развивать себя и приобретать необходимые офицеру знания.

Его мечты вряд ли бы сбылись, если бы однажды в гости к отцу не приехал его друг – генерал-аншеф Абрам Петрович Ганнибал, «арап Петра Великого» и прадед Пушкина. Он случайно заглянул в комнату Саши и застал его там, обложенного картами и книгами о сражениях. Поразившись такой увлеченности мальчика, Ганнибал сказал своему другу, что, по его мнению, Александр пойдет намного дальше, чем Василий Иванович и он сам. И оказался прав...

Родители пытались отговорить сына от военной службы, но он настаивал на своем. И в начале ноября 1742 года Александр Суворов в возрасте двенадцати лет был зачислен солдатом в Семеновский лейб-гвардии полк, чтобы приобрести положенную дворянам выслугу лет для офицерского чина. Действительную службу начал в том же полку 12 января 1748 года в чине капрала.

В то время произошла его первая встреча с императрицей Елизаветой. Он стоял на часах в Петергофе у Монплезира, когда в сад вышла погулять императрица. Суворов так четко и искусно отсалютовал ей, что она остановилась и спросила, кто он. Он ответил, что он сын Василия Суворова. Это имя было ей известно. Она вынула серебряный рубль и хотела вручить его юноше, но он отказался, заметив, что на посту запрещается брать деньги. Императрица потрепала его по щеке и положила рубль на землю, сказав: «Возьми, когда сменишься!» Полководец хранил этот серебряный рубль всю жизнь.

6 мая 1754 года Саша Суворов был произведен в поручики, а 21 мая получил назначение в Ингерманландский пехотный полк. Первый ответственный пост он получил, однако, не в пехоте, а в хозяйственной службе: сначала был назначен провиант-мастером, а затем премьер-майором службы снабжения и комплектования. Трудно переоценить важность этого периода в жизни будущего полководца. Он получил возможность вникнуть во все детали логистики, имущественного и иного обеспечения войск, особенно артиллерийских батарей.

А вокруг России уже бушевала Семилетняя война – самый крупный военный конфликт XVIII века (1756–1763 гг.). Боевые действия велись не только на территории Европы, но также на территории Северной Америки, в Карибском бассейне, в Индии и на Филиппинах. Участвовала в войне и Российская империя.

Летом 1757 года Русская армия под командованием фельдмаршала Степана Апраксина прибыла в Курляндию для действий в Восточной Пруссии. Воевали русские успешно: при поддержке Балтийского флота после недолгой осады был взят город Мемель (ныне Клайпеда). Первым комендантом города стал Александр Суворов. Здесь в октябре 1758 года он был произведен в подполковники. И это в 28 лет...

Не надо думать, что большую часть времени Суворов оставался в тылу: ему часто приходилось участвовать в боях. Первое боевое крещение он получил 25 июля 1759 года, когда с эскадрой драгун обратил в бегство отряд прусской кавалерии. Спустя три недели он участвовал в битве под Кунерсдорфом, которая была выиграна русско-австрийскими войсками.

Тактические знания Суворова были высоко оценены: в начале 1760 года его назначили

генеральным дежурным по штабу русской армии генерал-аншефа Фермора. Когда в 1761 году русские войска оказались в сложном положении и должны были отойти, Суворова послали возглавить арьергард, который прикрывал отход русских частей к Бреслау (ныне Вроцлав). Тут впервые проявилось тактическое умение Суворова вести маневренную оборону: его отряды беспрерывно атаковали наступающего противника с флангов, в результате чего он нес потери и был вынужден приостановить наступление. Суворов повел в бой всего один гренадерский батальон, который отбросил пруссаков штыковой атакой, а затем штурмом взял их лагерь и захватил много пленных. В этом сражении Суворов был ранен в грудь и ногу картечью, под ним была ранена лошадь.

Во время Семилетней войны в сражениях с многоопытным и хорошо вооруженным противником Суворов получил ценный боевой опыт, который, помноженный на его книжные знания тактики и использования родов войск в разных условиях, сделали его хорошим войсковым командиром. Все это вкупе позволило ему заложить основные принципы его будущих боевых действий и даже войсковых операций: наступление в силу более широких возможностей маневра выгоднее обороны; фронтальное наступление приносит большие потери уже в силу подготовленности противника к огневому удару, – следовательно, гораздо выгоднее наносить противнику удары с флангов и совершать охват противника мобильными силами.

Своим мнением он делился и с товарищами, и с начальниками. Его соображения многими разделялись.

6 сентября 1762 года Суворов был произведен в полковники. Его ждала новая должность: командир Астраханского пехотного полка. 17 апреля 1763 года он был



Гравюра с портретом А.В. Суворова и символическим изображением победы при Рымнике. 1870

назначен командиром Суздальского пехотного полка. По значимости назначения, это было повышение.

Следующий пятилетний период его службы тесно связан с его концепцией глубоко продуманной и всесторонней боевой подготовки вверенных ему войск. Известна поговорка «Тяжело в учении, легко в бою», которая приписывается Суворову. На самом деле в его приказе на проведение боевой подготовки войск в Польше в 1794 году сказано несколько иначе: «Легко в учении – тяжело в походе, тяжело в учении – легко в походе».

Этим принципом он руководствовался с молодых лет. Учения, которые он проводил со своими солдатами, были короткими, но с полной нагрузкой, в любое время суток и при любой погоде. Причем его подразделения отрабатывали действия кавалерии против пехоты и пехоты против кавалерии. Войска часто получали приказ на стремительные марш-броски,

во время которых солдаты приобретали необходимую на войне выносливость, учились по приказу командира быстро совершать тот или иной маневр.

3 октября 1768 года Суворов был повышен в звании до бригадира, а 26 мая 1769 года во главе бригады направлен в Польшу, где принял участие в войне с войсками Барской конфедерации (1768–1772). Его бригада показала феноменальную выучку, пройдя за месяц 906 километров. При этом в дороге заболели лишь шесть человек.

12 января 1770 года Суворову был присвоен чин генерал-майора. 23 мая следующего года он разгромил в сражении под Лянцкороной войска легендарного французского генерала Шарля Дюмуре, которые сражались за конфедератов, а 24 сентября 1771 года наголову разбил корпус гетмана Михаила Огинского.

Как следствие действий Суворова и других русских полководцев

в 1772 году произошел первый раздел Польши между Россией, Пруссией и Австрией.

Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 годов Суворов был направлен на балканский фронт в 1-ю армию генерал-фельдмаршала Петра Румянцева. Получив от командира корпуса генерал-аншефа Ивана Салтыкова приказ разведать особенности обороны турецкой крепости Туртукай (ныне болгарский город Тутракан), Суворов в очередной раз поразил начальников: он стремительной атакой взял цитадель!

Начальники, надо сказать, были этим весьма недовольны. Они обвинили Суворова в самоуправстве, в нарушении буквы приказа, в превышении полномочий. Но императрица Екатерина II отнеслась к совершенному Суворовым иначе, сказав: «Победителей не судят!»

Возможно, именно для того, чтобы он не отличился снова, ему поручили оборону города Гирсово (ныне Хыршова в Румынии). 4 сентября 1773 года турки предприняли жестокий штурм города, который был не так уж хорошо укреплен. К удивлению начальства, войска Суворова отбили турецкий штурм, после чего он бросил свои силы в контратаку и рассеял неприятеля.

23 марта 1774 года Суворов был произведен в генерал-поручики.

По его плану его войска и части, которыми командовал генерал Михаил Каминский, начали сражение при Козлудже (20 июня 1774 года), в результате чего турецкие войска были разгромлены. Турецкое поражение положило конец войне.

В том же году генерал Суворов стал командиром 6-й Московской дивизии, а полгода спустя эта дивизия была включена в группу войск генерал-аншефа Панина, которая направлялась на подавление восстания Емельяна Пугачева. В сентябре дивизия Суворова соединилась с частями подполковника Ивана

Михельсона, и войска начали преследование отступавшего Пугачева. Однако решающее сражение не состоялось: Пугачева уже пленили его собственные помощники. На протяжении двух недель Суворов лично конвоировал самозванца из Уральска в Симбирск, а с декабря 1774 года приступил к ликвидации последних пугачевских отрядов. Заметим, что в более поздние времена Суворова осуждали за это, говорили, что его акции против восставших были позорной страницей в его биографии. Но тогда многие считали необходимым любой ценой подавить бессмысленный и жестокий бунт самозванца, который привел к гибели тысяч русских людей и который, как позже выяснилось, поддерживали французские эмиссары.

Затем Екатерина II поручила Суворову осуществить мирное переселение в Азовскую и Новороссийскую губернии крымских армян, грузин и греков (с целью экономического ослабления власти крымского хана). В августе-сентябре 1778 года с полуострова выехали более 31 тысячи человек. В целом переселение закончилось в середине сентября 1779 года.

Уже в ноябре 1776 года Суворов был направлен в Крым, где принял командование всеми русскими войсками. При его содействии московский ставленник Шахин-Гирей стал крымским ханом, а ставленник Турции Девлет IV Гирей был разбит и бежал в Османскую империю. В 1778 году в сферу ответственности Суворова была включена также и Кубань. Одной из важнейших военных акций генерала в тот период было то, что он 16 июня 1778 года сорвал высадку турецкого десанта в Ахтиарской бухте Крыма. В итоге Константинополь был вынужден признать Шахин-Гирея Крымским ханом.

В 1783 году Суворов подавил на Кубани восстание ногайцев, протестовавших против переселения

в Саратовское и Тамбовское наместничества и за Урал. В следующие три года он командовал разными пехотными дивизиями, а 3 октября 1786 года ему было присвоено звание генерал-аншефа.

В 1787 году началась новая Русско-турецкая война, которая продлилась четыре года. В самом ее начале Суворову вверили оборону Кинбурн-Херсонского боевого района. При разгроме турецкого десанта на Кинбурнской косе 12 октября 1787 года Суворов был дважды ранен в бок и руку и едва не погиб от сабель янычар. Его спас подчиненный – гренадер Степан Новиков, который, как писал Суворов, «когда уж сабля взнесена была в близости моей, обратился на своего противника, умертвил его штыком, другого, за ним следующего застрелил...»

20 ноября 1787 года Суворов был удостоен высшей награды Российской империи – ордена Андрея Первозванного.

Спустя менее чем два года Суворов, командуя русско-австрийскими войсками, нанес в сражении под Фокшанами тяжелое поражение турецким частям, а 22 сентября 1789-го в битве при Рымнике, которая длилась 12 часов, наголо разбил армию великого визиря Турции. За это Суворов был удостоен австрийским императором Иосифом II высокого титула – графа Священной Римской империи. Екатерина II возвела полководца в графское достоинство Российской империи с наименованием Суворов-Рымникский и наградила высшей военной наградой страны – орденом святого Георгия I степени.

Одной из самых ярких страниц в биографии великого полководца является успешный штурм турецкой крепости Измаил. Эту крепость турки считали неприступной, и многие русские генералы разделяли это мнение. Основное здание старой крепости, имевшей мощные

каменные стены, было построено в форме треугольника. Оно было окружено высоким валом, перед которым был ров шириной до 12 метров и глубиной от 6 до 10 метров, кое-где заполненный водой. Но главное было в том, что в крепости на тот момент находилось около 35 тысяч турецких солдат и 265 пушек.

Одной из особенностей характера Александра Суворова было то, что он никогда не начинал бой, не изучив в мельчайших деталях географию вражеского оборонительного района, а также не просчитав возможности своих войск и необходимые средства для того, чтобы сокрушить оборону противника. Инженерами была построена точная копия крепостного рва, и войска шесть дней тренировались преодолевать его. Командирам кораблей и батарей сухопутной артиллерии были даны конкретные цели в крепости и на валу, на которых они должны были сосредоточить огонь. Причем намечены были не только цели, по которым с начала бомбардировки должны были стрелять орудия, но и те, на которые следовало перенести огонь, если первая цель будет поражена.

17 декабря 1790 года Суворов приказал всем командирам проверить амуницию солдат, наличие боеприпасов и состояние ружей и даже солдатские сапоги. А на следующий день, 18 декабря, Суворов послал коменданту Измаила ультиматум такого рода: «Я с войсками сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление – и воля. Первый мой выстрел – уже неволя. Штурм – смерть».

На этот ультиматум комендант крепости Мехмед-паша ответил: «Скорее Дунай потечет вспять и небо упадет на землю, чем сдастся Измаил».

Лучше бы он сдался! Утром 21 декабря пехотные орудия



Гравюра С. Шифляра «Штурм Измаила 11 (22) декабря 1790 г.»

и корабельные пушки ударили по крепости. Артобстрел Измаила продолжался почти сутки и завершился незадолго до штурма, который начался по приказу полководца в половине шестого утра 22 декабря 1790 года и продолжался восемь часов.

Битва была тяжелой: русская армия потеряла убитыми и ранеными более 4,5 тысячи солдат и офицеров. Но в турецком гарнизоне потери были страшные: более 26 тысяч убитых.

Когда сражение закончилось, Суворов назначил комендантом Измаила своего любимого ученика – генерал-майора Михаила Голенищева-Кутузова, будущего героя Отечественной войны 1812 года.

Блистательная победа Суворова снискала ему славу величайшего полководца России. Но у его врагов и завистников она вызвала новый приступ ненависти. Когда он обратился в Петербург с просьбой достойно наградить всех, кто проявил храбрость и мужество при взятии Измаила, к его изумлению, ему прислали от Екатерины только

один орден Св. Георгия, который, как было сказано в послании, следует вручить «достойнейшему». Стало ясно, что его враги решили принизить важность победы Суворова и посмеяться над ним.

Полководец ответил должным образом. Созванный им по этому поводу совет решил, что эта честь принадлежит достойнейшему – самому Суворову. «Помилуй Бог! – сказал Суворов. – Где же нам заслужить этого!» И заявил, что у него есть на примете настоящий герой. «Этот человек необыкновенно храбро написал мне для подписи бумагу: идти на штурм! А я то что? Я только подписал!». С этими словами он надел Георгиевский крест на своего штабного письмоводителя.

Об этом доложили императрице. Она оценила остроумный подход полководца к несправедливому решению чиновников в армейском руководстве. И Суворов, и его войска, взявшие Измаил, получили достойные награды.

В 1791–1794 годах Суворова посылали командовать войсками в Финляндию, в Екатеринославскую

губернию, в Таврическую область. Делалось это с определенной целью. На каждом новом месте службы он начинал энергично проводить эффективную боевую подготовку войск, в корне меняя смысл и масштабы военных учений.

Когда началось и стало успешно развиваться польское восстание под началом Тадеуша Костюшко, Суворова послали положить ему конец. Он нанес восставшим ряд поражений, штурмом взял Прагу, укрепленное предместье Варшавы. В конце концов войска в столице капитулировали и повстанцы сложили оружие. За эту кампанию Суворов был удостоен чина генерал-фельдмаршала. Екатерина II писала ему: «Вы знаете, что я без очереди не произвожу в чины. Но вы сами себя произвели в фельдмаршалы».

В 1795 году у Суворова вышла книга «Наука побеждать», в которой он изложил свои взгляды на обучение войск и тактику боя и заодно подвел итог победам, одержанным благодаря продуманной стратегии и тактике. 28 октября 1795 года Суворов был отозван

из Польши, и с апреля по ноябрь 1796-го командовал армией на юге России.

Тут в его жизни произошел серьезный поворот. В ноябре 1796 года умерла императрица Екатерина и на престол взошел ее сын Павел I. Он всегда неодобрительно относился к государственной деятельности матери и не жаловал тех политиков и военных, которых она выдвигала и награждала за их подвиги.

5 декабря 1796 года Суворов был назначен командующим Екатеринбургской дивизией. Спущенные сверху приказы и постановления вызвали у Суворова резкое неприятие. Нововведения Павла I, придерживавшегося прусской системы Фридриха II с его любовью к муштре, смотрам и парадам, очень не понравились Суворову. Он даже заявил: «Русские прусских всегда бивали, что ж тут перенять?»

Это вызвало, в свою очередь, гнев императора: 17 февраля 1797 года Суворов был уволен из армии без права ношения мундира и два года находился под надзором властей в своем имении в селе Кончанское в Новгородской губернии. При этом царь распорядился дать ход всем судебным искам и денежным претензиям в адрес фельдмаршала.

В ссылке Суворов жил просто: в соответствии с солдатским режимом вставал рано, днем недолго гулял, посещал сельскую церковь, где пел в хоре и звонил в колокола, читал газеты. Он внимательно следил за тем, что происходит в Европе. И все же в глубине души не верил, что его служба в армии закончилась навсегда.

Вдруг 17 февраля 1799 года Суворову пришло от Павла I неожиданное письмо: «Сейчас получил я известия о настоящем желании Венского двора, чтобы вы предводительствовали армиями его в Италии». Это означало, что его приглашали командовать войсками



А. В. Суворов. Портрет кисти Д. Г. Левицкого. 1786

Второй антифранцузской коалиции в Северной Италии. Суворов согласился и 26 марта 1799 года прибыл в Вену. Там он узнал, что австрийский император удостоил его звания австрийского генерал-фельдмаршала.

19 апреля Суворов во главе русско-австрийских войск выступил в Итальянский поход. Уже через два дня союзные части взяли крепость Брешия, а в сражении на реке Адде (26–28 апреля 1799 года) соединения под командованием Суворова нанесли

поражение французской армии генерала Жана-Виктора Моро. 28 апреля его войска вступили в Милан, а 26 мая заняли Турин.

В битве при Треббии (17–19 июня 1799 года) Суворов разгромил армию генерала Жака Макдональда, которая, по разным оценкам, потеряла от 16 до 18 тысяч солдат. Потери союзных войск были в три раза ниже. А 15 августа 1799 года произошло жестокое 15-часовое сражение при Нови; в нем Суворов, прорвав сильно укрепленные позиции французов,



Торжественная встреча Суворова в Милане в апреле 1799 года. Художник А. Шарлемань. Середина XIX века

нанес поражение войскам генерала Бартеlemi Жубера, который погиб в бою.

За стратегическую победу 19 августа Павел I возвел Александра Суворова в княжеское достоинство Российской империи с титулом князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского.

22 августа Суворов писал об итогах битвы адмиралу Федору Ушакову, легендарному флотоводцу, с которым был дружен: «Неприятель был атакован, совершенно разбит и обращен в бегство. Урон его простирается, по признанию самих французов, до 20 тысяч человек...»

Очистив от французов Северную Италию, Суворов намеревался начать вторжение во Францию, но союзники России этот план сразу отвергли: они боялись того, что разгром Франции приведет к быстрому усилению России. Вместо этого Суворову было предписано изгнать французов из Швейцарии: они ожидали, что после нескольких внушительных побед

Суворову в горах Швейцарии придется нелегко, и это несколько охладит его пыл. Но они плохо знали, кто такой Суворов...

Полководец выступил в поход 8 сентября 1799 года. Под его командованием было всего 21 тысяча человек. Но он надеялся, что ему удастся вскоре соединиться с русско-австрийским корпусом генерал-лейтенанта Александра Римского-Корсакова.

Переход Суворова через Альпы проходил в условиях активного сопротивления врага, постоянных засад снайперов, бездорожья и трудных погодных условий. 24 сентября войскам пришлось штурмовать перевал Сен-Готард, который обороняла целая дивизия французского генерала Клода-Жака Лекурба. Противник был отброшен только после третьей атаки, но уже на следующий день солдатам Суворова пришлось штурмовать французские укрепления на единственном переходе через реку Ройс, который именовался Чертовым мостом.

Французы пытались его взорвать, вели огонь со скал, но русские солдаты все же прорвались на другой берег.

29 сентября завершился двухдневный переход русских войск через хребет Росшток (2193 метра) в Муттенскую долину.

Во время сложнейшего горного перехода 68-летний Суворов тяжело заболел, однако продолжал руководить войсками. 30 сентября он узнал, что корпус Римского-Корсакова был разбит под Цюрихом французским генералом Андре Массеной, которому также удалось запретить выходы из долины союзным войскам. Но воинам Суворова все было по плечу: они прорвались сквозь кольцо окружения и разгромили французские войска.

Но в войсках Суворова было много раненых, солдаты были измотаны, голодны, обувь у многих развалилась. Суворов провел военный совет, на котором было решено оторваться от французов переходом через перевал Паникс (2407 метров) в верховья Рейна. Этот переход, осуществлявшийся по замерзшим горам, был сложен и опасен. Сам Суворов к походу в заснеженных горах не был готов: он был в легком мундире и находился в том же положении, что и большинство его солдат.

Пока войска приступали к переходу, арьергард под командованием другого ученика Суворова, генерал-майора Петра Багратиона, успешно отражал атаки французских частей, взяв при этом в плен 800 французских солдат.

Последним испытанием для войск стал крутой спуск с Паникса. Его полководец проделал на лошади, которую вели под уздцы два дюжих казака, которые, как рассказывали очевидцы, уважительно, но непреклонно пресекали попытки Суворова самостоятельно идти вниз.

Переход был завершен успешно, а с ним и Швейцарский поход.

За победы Итальянского и Швейцарского походов 8 ноября 1799 года император присвоил Суворову высшее воинское звание: генералиссимуса сухопутных и морских сил Российской империи.

В Петербурге готовилась торжественная встреча героя. Однако ее неожиданно отменили. Суворов вновь оказался в немилости у государя. Причины недовольства истеричного императора на этот раз нам неизвестны.

Вместо обещанных апартаментов в Зимнем дворце Суворову велено было остановиться в доме его родственника, графа Хвостова, где он, изнуренный и больной, слег в постель и утром 18 мая 1800 года скончался.

24 мая при огромном стечении народа Суворов был похоронен в Александро-Невской лавре: его последним пристанищем стала нижняя Благовещенская церковь Александро-Невской лавры. На могиле его три слова: «Здесь лежит Суворов».



Василий Суриков. «Переход Суворова через Альпы». 1899

Потомки верно оценили его ратный труд: вся жизнь его прошла в военных походах во славу Отечества. Суворов преданно любил

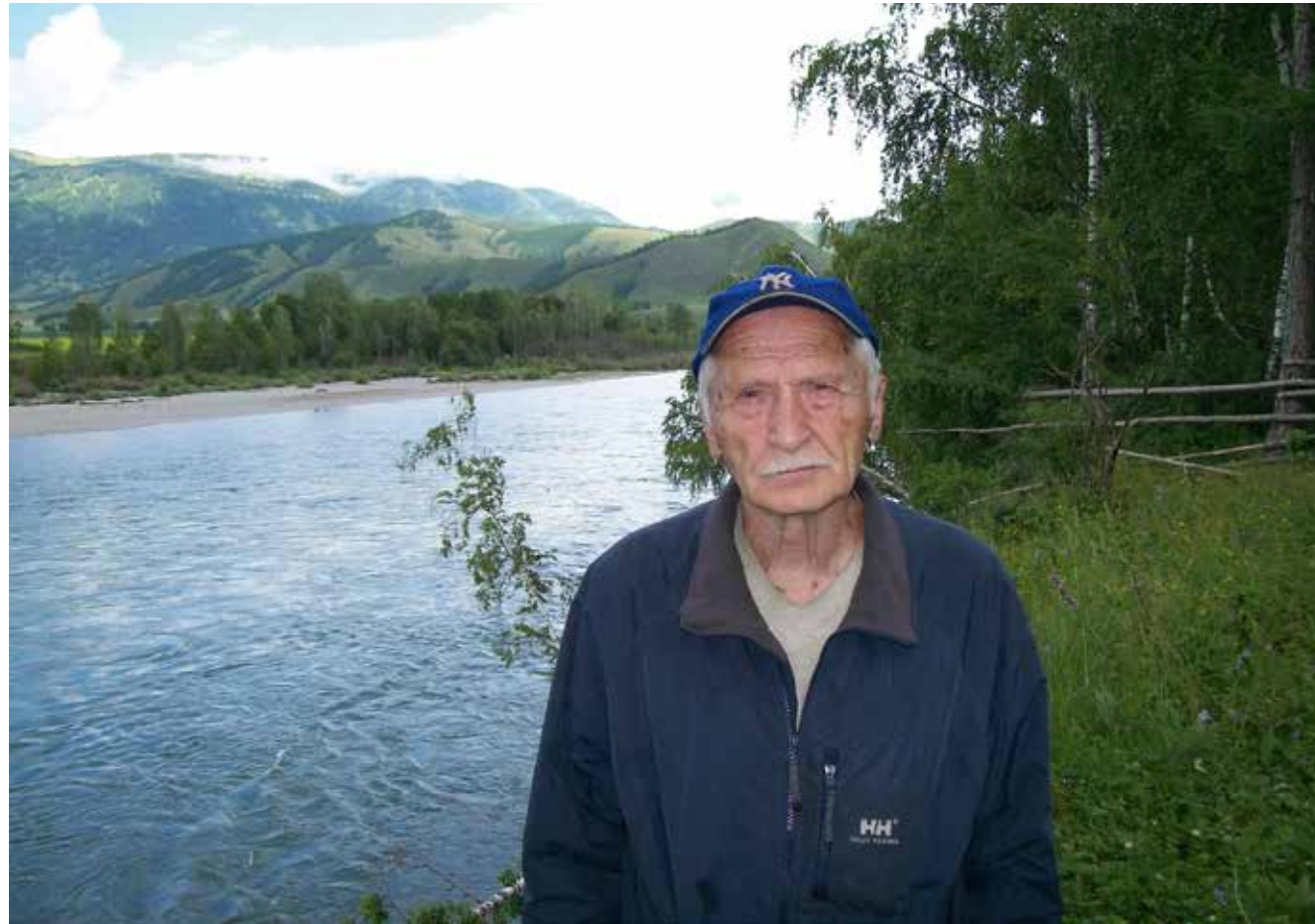
Россию, русский народ, верил в силу русского солдата. А потому говорил перед боем: «Мы русские! С нами Бог!»

НАШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

ТИХИЕ ВОДЫ ГЛУБОКИ

Юрий Ключников: «В сердечной книге не желтеть страницам...»

АЛЕКСАНДР СЕНКЕВИЧ



Юрий Ключников на берегу реки Катунь в Алтайском крае. Россия

В Новосибирске 18 апреля 2024 года на девяносто четвертом году жизни скончался Юрий Михайлович Ключников, старейший поэт Сибири, философ, переводчик, эссеист, общественный деятель. Это был скромный и талантливый человек, до последних своих дней обладавший незапятнанной совестью, немислимой работоспособностью и душевной бодростью. Казалось, благодаря этому он доживет до ста, а может быть, и более лет.

Ключников, как и многие русские писатели, не был особенно взыскан судьбой. Несмотря на это при- скорбное обстоятельство, он с вы- бранного им в жизни прямого пути на кривую дорожку никогда не сво- рачивал и с властью предрассудков в поддавки не играл.

Уже со времен молодости он про- являл обостренный и углубленный интерес к вещам неустаревающим и для человечества неумирающим – к шедеврам мировой литературы. Они стали для него основательным

подспорьем в углубленном позна- нии жизни и людей. Ведь Ключни- ков собственное бытие сопрягал с художественно значимыми со- чинениями своих великих пред- шественников. С их помощью он утверждался в гуманистической позиции, которую избрал как осно- ву своей повседневной творческой деятельности. При этом он силой своего таланта преодолевал иску- шение подделываться под кого-то из классиков. Только в преодоле- нии эпигонства, как он полагал,

собственные произведения стано- вятся индивидуальными или, как говорил Александр Бенуа, «опре- деленно художественными».

Из всех знакомых мне обозна- чений таланта, наиболее убедительным представляется честное признание польского писателя Альфреда Конара: «Талант это спо- собность делать то, чему нас никто не учил». Не уступает ему в чет- кости мысли и другой писатель, на этот раз мой соотечественник Сергей Довлатов: «Талант – это как похоть. Трудно утаить. Еще труднее симулировать».

Таким образом, для Юрия Ключ- никова литературное наследие прошлого было всего лишь камер- тоном, с помощью которого он на- строивал свою лиру.

Обостренный интерес к литера- турной классике не угас в Ключ- никове и в преклонные годы, о чем свидетельствуют его вольные пере- воды и переложения шедевров поэ- зии разных народов и эпох.

Так, в 2015 году издается его поэтический сборник «Душа моя, поднимем паруса!», состоящий из его собственных произведений, вольных переводов французской поэзии, а также подражаний пер- сидской (суфийской) поэзии.

Вскоре выходят еще два поэтиче- ских сборника: вольные переводы французской поэзии «Откуда ты приходишь, красота?», а в 2016 году – «Караван вечности», вольные пере- воды суфийской поэзии VIII–XX ве- ков (второе, расширенное издание появилось в 2023 году).

В 2018 году издается сборник «Поднебесная хризантема» – ан- тология китайской поэзии, охва- тывающая 30 веков, с X века до н.э. до XX столетия. А еще через три года выходит книга «Слово Ариа- варты», сборник, охватывающий 35 веков индийской поэзии.

Для меня, по профессии индо- лог, этот сборник был, как баль- зам на душу.

Ариаварта (или Арьяварта) в переводе с санскрита означает страна (или путь) ариев (благо- родных людей). Так называлась в древности центральная часть Се- верной Индии.

Увлечение Востоком и восхи- щение творческой деятельностью русских восточников Николая Кон- стантиновича Рериха и его жены Елены Ивановны привели Ключ- никова к первоисточнику – древне- индийским текстам. Первым шагом к ним было ознакомление в конце 70-х годов с рериховским «Уче- нием Живой Этики». Как и Рери- хи, он также стремился поэтиче- ски осмыслить духовную культуру не только Запада, но и Востока.

Нет сомнения, что Николай Константинович и Елена Иванов- на решительно воздействовали на формирование в Ключникове неодолимой веры (хотя в по- следние годы он написал множество стихотворений, наполненных пра- вославным духом). В связи с этим вспоминается мысль Бориса Па- стернака, высказанная в интервью А. Нильсону, «о возрождении ре- лигии не как церковно-религиозной догмы, но как жизнеощущения».

С появлением у Ключникова по- добного жизнеощущения у него возникло желание сделать соб- ственное поэтическое переложение «Бхагавадгиты», «Песни Господ- ней». В Индии ее называют про- сто – «Гита» (Песнь). Она входит в шестую книгу («Бхисмапарва», главы 23–40) древнеиндийского эпоса «Махабхарата».

«Бхагавадгита» стоит в одном ряду с такими священными текста- ми, как Тора, Библия, Коран. Ее содержание составляет филосо- фская беседа между воином Арджу- ной и его колесничим Кришной, в конце которой последний рас- крывает Арджуне свою божествен- ную сущность.

В России «Бхагавадгита» ста- ла известна в 1788 году благодаря

просветителю и издателю Нико- лаю Новикову.

За основу своего поэтическо- го переложения «Гиты» Ключ- никова выбрал академический перевод с санскрита, сделанный московским санскритологом Все- володом Сергеевичем Семенцовым (1941–1986).

Могу представить, с какой стра- стью и воодушевлением мастер по- грузился в работу над поэтическим переложением «Бхагавадгиты», в который раз продемонстрировав своей творческой деятельностью «всемирную отзывчивость русско- го человека». Как известно, именно о ней говорил Федор Михайлович Достоевский в знаменитой «Речи о Пушкине».

Не скажу, что темп работы, кото- рый задал себе Ключников в соот- ветствии с грандиозностью замыс- ла, дался ему легко. Ведь (цитирую из той же самой речи Ф. М. Достоев- ского) «усваивать дух и идеи чужих народов, перевоплощаться в духов- ную суть всех наций» – это, скажу вам, не решено воду мерить.

Дхарма Юрия Ключникова

Среди многих мудрых изречений из басен, поэм и трактатов древ- ней Индии существует несколько основополагающих. Одно из них я процитирую: «Ни сегодня, так завтра погибнет наше тело среди горестей и болезней. Что пользы преступать ради него долг?». Из- речение это взято из «Гиты». По- нятие долга (дхарма) для индуиста куда многозначней, нежели схожее представление о нем в других рели- гиях, и потому-то непереводаемое на другие языки одним словом.

Вот как его растолковывал извест- ный индолог Ростислав Борисович Рыбаков (1938–2019), обладавший не только обширной эрудицией, но и редким сегодня даром просто



Возвращение после конного похода

и доходчиво говорить о сложном: «Любопытно, что именно *дхарма* (при всем разбросе значений этого слова) свидетельствует о том, что индуизму вообще чуждо понятие хаоса, в том числе и при оценке окружающего мира. Как бы ни гуляли подвыпившие боги, какие космические катаклизмы ни сотрясали бы Землю и Вселенную, но все и везде подчинено неукоснительному порядку, все разложено по полочкам, все расписано, как в идеально-бюрократических инструкциях. И этот порядок, и эти “инструкции” и схватываются термином *дхарма*.

Дхарма человека – это нескончаемый перечень его обязанностей: по отношению к предкам, к богам, к окружающим, ко всему живому и неживому. *Дхарма* – это не только порядок, но и качество жизни. Это правило нравственного поведения, возведенное в долг. Нравственность не рекомендуется, нравственность жесточайшим образом предписывается. Нарушение *дхармы* есть преступление космическое».

Уже в первой главе «Гиты» появляется понятие «*дхарма*». Известно, что в Индии устное слово, передаваемое многими столетиями

(а может, и несколькими тысячелетиями) из поколения в поколение от духовного наставника, мудреца (*риши*) ученику, ценится намного выше, чем слово, написанное и сохраненное в рукописи или в книге. Вот почему в этой стране священные тексты индусы или, как сейчас говорят, индуисты, называют *шрути* – «услышанное» (перевод с санскрита), а тексты, созданные людьми – *смити*, то есть «запомненное» (перевод с санскрита). «Гита», разумеется, считается священным текстом, относящимся к *шрути*.

Как справедливо отмечает профессор Сергей Серебряный, «В. С. Семенцов в своей книге о “Гите” («Бхагавадгита» в традиции и в современной научной критике». – А. С.) проводит мысль, что “Гита” предназначалась не просто для чтения, а для своего рода “медитации”, нацеленной на коренное преобразование сознания».

Современному человеку ой как необходимо неукоснительное исполнение своего долга перед лицом Бога, возложившего на него ответственность за сохранение жизни на Земле и в ближайшем Космосе.

Ключников был убежден, что именно в этом и состоит главное наше предназначение – осуществлять попечительство над миром живых существ и окружающей нас природы.

Что тут разглагольствовать! Без вечных ценностей человечеству не выжить. Кирдык ему будет! (Боевой клич «*Кирдик!*» для тюркоязычных народов означал, что вражеская крепость или укрепление взяты). Чтобы этого не случилось, каждый человек должен чувствовать ответственность перед другими народами и Богом и следовать своей *дхарме*. А для этого прежде всего необходимо научиться управлять самим собой, своими мыслями и поступками.

Борис Пастернак в письме к двоюродной сестре Ольге Михайловне Фрейденберг (1890–1953) писал: «Я многое предвидел, а главное, я многого не в силах был принять <...>. Время мое еще далеко».

Время, которого желал и жаждал великий русский поэт, не просто приблизилось к нам вплотную, мы в нем уже существуем и действуем. Вот почему новое поэтическое переложение на русский язык «Бхагавадгиты», осуществленное Ключниковым и изданное от академической усложненности, полностью соответствует вызовам XXI века. Другого и быть не могло.

Ключников много лет следовал своей *дхарме* – сеял в людских душах разумное, доброе, вечное. Он и в тот раз не ограничился только поэтическим переводом «Гиты», а создал целую книгу «Слово Ариаварты», состоящую из переложений индийской поэзии. Начинается она с древнейшего гимна из «Ригведы», названного Ключниковым «Молитва богу Агни». В сборнике также присутствуют фрагменты древнеиндийского эпоса «Рамаяна», авторство которого приписывается легендарному мудрецу Вальмики. В этой книге Ключникова

существуют и фрагменты эпоса «Тируккурал», автором которого называют легендарного тамильского поэта Тируваллувару, а также религиозно-философская поэзия Свами Вивекананды (1863–1902), Ауробиндо Гхоша (1872–1950), Инайята Хазрата Хана (1882–1927).

В авторском переложении Ключниковым лирики индийских авторов от Калидасы (годы рождения и смерти неизвестны; индийская традиция относит его жизнь к I веку до н.э.) и Сурдасы (1478/1479–1582/1583) до Сароджини Найду (1879–1949) чувствуется упоение жизнью во всем ее разнообразии. Большинство переводимых им индийских поэтов относятся к индуистской традиции, но есть авторы, которые разделяют исламские духовные представления, в основном связанные с суфизмом, мистико-аскетическим движением в исламе, возникшим в VIII–IX веках и окончательно сформировавшимся в X–XII веках. Из поэтов прошлого, принадлежащих традиции ислама и суфизма, Ключников выбрал Кабира Даса (1440–1518), Мирзу Галиба (1796–1869), Инайта Хана (1882–1927), Мухаммада Икбала (1873–1938). Есть в сборнике и переводы стихотворений современных поэтов, пишущих на языке хинди – Хариваншрая Баччана (1907–2003) и Ашока Ваджпайи (1941).

При переводе с восточных языков Ключников пользовался подстрочниками, а в каких-то случаях брал чужой нерифмованный перевод, добываясь, чтобы все строки были украшены рифмой. Он не ставил перед собой задачу достичь буквальной точности. Цель им не скрывалась – ввести индийскую поэзию в отечественную поэтическую традицию с ее законами и эстетикой, пересказать ее по-русски. Ради красоты слога в каких-то случаях приходилось



В кабинете

жертвовать точностью перевода. Такая жертва, на мой взгляд, в целом была оправданной. Это был не труд профессионального переводчика, но работа художника, который рассказывает нам, какой, согласно его мнению, является поэзия *Ариаварты*. И эта творческая задача была им успешно выполнена. В вольных переводах

и переложениях Ключникова определенно чувствуется дух загадочной Индии.

Сократ: «Мудрость — царица неба и земли»

Кажется, нет особой необходимости заново переводить или

вольнo перелagать на русский язык сочинения Шекспира. Ведь уже было сделано великое множество талантливых переводов и переделок. Кто только за это не брался, начиная с Екатерины II. Бытует к тому же мнение, что под именем Уильяма Шекспира творили несколько человек. Однако поражает совсем другое. Магнетизм до сих пор окончательно не проясненной личности английского драматурга и поэта настолько велик, что мало кто из русских писателей и переводчиков, знающих английский язык, устоял перед искушением взяться за воспроизведение в русском слове его сюжетов, образов и мыслей. Многие из русских литературных классиков «замахивались» на Шекспира и не единожды. Случалось, что их переводы произведений, созданных 400 лет назад, не уступали оригиналу по художественному совершенству и эмоциональному воздействию на читателя.

В 2020 году выходит новая книга поэтических вольных переводов и переложений Юрия Ключникова «Сонеты и поэмы Шекспира. Поэзия шекспировской эпохи», в которой к сочинениям Уильяма Шекспира примыкают более 80 стихотворений его современников. Это Эдвард Спенсер (1552–1599), Уолтер Роли (1552/1554–1618), Джордж Чапмен (1559–1643), Мэри Сидни, графиня Пембрук (1561–1621), Джон Донн (1572–1631), Кристофер Марло (1564–1593), Бен Джонсон (1572–1637) и многие другие.

Надо ли говорить, насколько впечатляет этот перечень имен! Стихотворения сопровождаются биографиями авторов, очерком — исследованием переводчика, озаглавленного им «Бездонная тайна Уильяма Шекспира», а также статьей шекспироведа, лингвиста и переводчика Марии Дмитриевны Литвиновой (1929–2020) «Сонеты Шекспира и поэзия

шекспировской школы в переводах Ю. М. Ключникова».

«На перевод сонетов Шекспира и стихотворений поэтов елизаветинской эпохи всегда накладывается личность переводчика, — пишет Литвинова. — Поэзия Шекспира оказалась созвучна душе Ключникова, и он перевел ее так, как воспринял. <...> Ю. М. Ключников, поэт Божьей милостью, на протяжении многих лет интересовался и глубоко изучал мировую духовную культуру, основные постулаты мировых религий и сакральных учений Востока и Запада».

В 2021 году из печати выходит сборник Юрия Ключникова «Растущая любовь», состоящий из 120 стихотворений и поэм Джона Донна (1572–1631), великого английского поэта. Его творчеству Ключников уделял особое внимание.

Сама жизнь Юрия Михайловича не напоминает ровную дорогу без ям и колдобин. Он жил по-своему, и эта жизнь была разнообразнее и насыщеннее, чем у многих его сверстников. В интересе Ключникова к шедеврам мировой поэзии и их создателям существовала причина возвышенная, можно сказать, метафизическая. Он пытался, как я полагаю, узнать практически непознаваемое. То, что находится в ведении и рассмотрении либо людей не от мира сего, либо земных владык.

**Андре Моруа:
«Смерть превращает
жизнь в судьбу»**

В 2022 году из печати выходит внушительная по формату и количеству страниц (555) антология «Песни тысячелетий. 43 века мировой поэзии в переводах и переложениях Юрия Ключникова», куда вошли переводы и переложения шумерской, вавилонско-ассирийской,



древнеиранской (авестийской), древнеегипетской, древнегреческой, древнеримской, среднегреческой (византийской), французской, английской, немецкой, итальянской, испанской, сербской поэзии. Добавлю, что каждой поэтической подборке предшествуют небольшие вводные статьи, поясняющие тексты и предоставляющие читателям подробные биографии поэтов, написанные Юрием Ключниковым совместно с сыном Сергеем, писателем и культурологом. Эти материалы присутствуют в разделах «Античная поэзия», «Византийская поэзия», «Французская поэзия» и т.д.

Прочитую небольшой отрывок из аннотации к этому уникальному труду: «Антология охватывает огромный пласт времени — почти 43 века существования человечества — и дает объемное представление о том, как развивалась мировая поэзия и какие темы волновали умы и сердца тех, кто воспевал красоту в своих стихах».

Всего же Ключников перевел и переложил 2700 стихотворений с 40 языков мира.

Вслед за Иммануилом Кантом Юрий Ключников мог бы сказать: «Две вещи наполняют душу всегда новым и более сильным удивлением и благоговением, чем чаще

МУЗА И МОЛИТВА



Христианская поэзия народов мира
в переводах и переложениях Юрия Ключникова

и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Вся жизнь Ключникова, писателя и мыслителя, подтверждает это высказывание немецкого философа, призывающего человека к самосовершенствованию и самовоспитанию.

Печататься Ключников начал с юношеского возраста. Первые стихи пятнадцатилетнего поэта были опубликованы в 1945 году в районной газете города

Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. В центральных изданиях его стихотворения появились намного позднее. Их подборка была напечатана в журнале «Москва» в 1981 году, через 36 лет после его дебюта в районной многотиражке.

Уже его первые столичные публикации были встречены критикой благожелательно. Например, выдающийся критик Лев Аннинский (1934–2017) писал о нем в 2010 году: «Юрий Ключников – замечательный сибиряк, “веселый

странник золотого века”, сумел выносить в душе и явить в творчестве истинно русское, то есть непоколебимо православное, мироощущение и по сей день является хранителем этого непобедимого образа мыслей. Тысячи своих строк он выдержал в рамках державинско-пушкинской традиции, не польстившись ни на какие авангардистские уловки. В его душе всегда жило ощущение некоего высшего начала, в свете которого получают смысл и советская власть (другой нет), и христианское вероучение».

Откликнулся в 1981 году на сочинения Ключникова, еще до отзыва Аннинского, и выдающийся русский писатель Виктор Астафьев (1924–1989): «Каким-то кружным и долгим путем до меня дошли Ваши стихи, и прочел я их с удовольствием... Среди них есть стихи совершенно зрелые, крепкие по мысли и форме».

Однако хвалебные отзывы соотечественников по перу не создали вокруг имени Ключникова водоворота читательских восторгов. Недаром же утверждал Сергей Есенин: «Большое видится на расстоянии».

Определенно можно сказать, что Ключникова привлекали все эпохи истории человечества, запечатленные в поэтическом слове. Он, как неутомимые искатели кладов и сокровищ, надеялся в поэтических шедеврах всех времен и народов найти ответы на заковыристые вопросы. Его интересовало происхождение человека. Откуда появились первые люди и что ожидает нас в ближайшем будущем? Ему хотелось понять, что же такое человек разумный. Чей-то эксперимент, результат эволюции или природная случайность? В зависимости от ответов на эти вопросы прояснялась и миссия человека на Земле. Что он должен делать или не делать на протяжении своей жизни? Иными словами, на человеке либо лежит, либо не лежит ответственность

за живую природу нашей планеты и ее будущее.

Сам Ключников пришел в конце концов к пониманию того, что появление человека на планете Земля не случайно, что на него возложена свыше божественная миссия. Поэтому общественная, бытовая и профессиональная деятельность людей должна способствовать ее выполнению. Для каждого из нас эта миссия индивидуальна, но задача, поставленная перед нами Творцом, всеобщая и отражает Его замысел – способствовать эволюции души в материальном мире и нашем теле.

В сущности, Ключников в своих переводах и собственных стихах предлагал каждому из нас стать соучастниками этого духовного процесса.

Неслучайно вслед за вольными переводами поэзии Шекспира, английских поэтов елизаветинской эпохи, классиков испанской и французской поэзии разных веков он взялся за труд совсем уж тяжелый и неблагодарный – изложить в своей интерпретации китайскую поэзию тридцати веков и суфийскую поэзию VIII–XX веков в сохранившихся лучших ее образцах.

Теперь понятно, почему Ключникова заинтересовали «Учение Живой Этики» Рерихов, мистический Пушкин, философия основоположника современной космонавтики Константина Циолковского, творчество поэта и мистика-духовидца Даниила Андреева. Он попытался понять и рассказать своим читателям во что верил Василий Шукшин, по-своему объяснить роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго», литературный путь Александра Блока, начатый со стихов о Прекрасной Даме, напряженные отношения Шолохова и Солженицына. Он отдал дань глубокого уважения памяти Сергея Есенина и убитого большевиками Николая Гумилева.

Все названные мной люди – персонажи его философско-полемической книги «Лики русской культуры», выпущенной двумя тиражами (в 2009 и 2013 гг.).

Юрий Ключников – один из немногих современных русских поэтов, увеличивший собой число бессмертных. Ибо он смог в своем творчестве достигнуть того, о чем писал Уильям Блейк (1757–1827):

*В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир – в зерне песка,
В единой горсти – бесконечность,
И небо – в чашечке цветка.*
(Перевод Самуила Маршака)

Закончу свои размышления стихотворением Юрия Ключникова:

*В сердечной книге не желтеть страницам,
Пока в ней дни без страха шествуют.
Мы любим в пятьдесят сильнее, чем
в тридцать,
А в семьдесят смелей, чем
в шестьдесят.
Повсюду раздается: кайся, грешник,
Страх Божий да придет
в жизнь твою!
Но чем я ближе к смерти,
тем сердечней
Земную жизнь и всякую люблю.
Страшиться ли загробных
адских вихрей,
Когда их здесь немало перенес?
Я выношу у сердца этот тихий
Цветок любви,
Он очень трудно рос.
Под небом то михим,
то нежно-синим,
В болотах, на песке и на горах –
Цветок любви к измученной России,
Которой никакой неведом страх.*

Эпилог

За день до кончины Юрия Михайловича Ключникова в ООО «Наука и религия» вышел его последний

поэтический сборник «Муза и молитва: христианская поэзия народов мира в переводах и переложениях Юрия Ключникова» (почти 800 стр.).

В аннотации к сборнику говорится: «Книга представляет собой первую христианскую поэтическую антологию на русском языке, созданную одним человеком, и содержит 255 стихотворений христианской направленности, написанных 132 поэтами разных континентов (Западной и Восточной Европы, Северной и Латинской Америки, Африки») и регионов (Малой Азии, Кавказа), народов и конфессий. Преобладают стихи православных поэтов, но немало поэтов католиков и протестантов. Среди них есть и канонизированные святые различных конфессий, священнослужители или ревностные прихожане разных церквей, но есть и светские поэты, по тем или иным причинам обратившиеся к христианским темам.

Помимо переводов и переложений представлены биографии переведенных поэтов, несколько стихотворений автора на христианские темы (они выделены курсивом), а также вводная статья протоиерея Владимира Василика, два предисловия – от автора и от сына поэта и издателя книги, культуролога Сергея Ключникова, – и отзывы ряда священнослужителей Русской Православной Церкви.

<...> Книга раскрывает проблемы духовных исканий человека, его внутренней работы над своими недостатками, воспитания совершенных качеств, взаимоотношений со сферой духа, молитвой и самим образом Спасителя и святыми, а также темы русской и мировой истории, связанной с христианской традицией, что позволяет рекомендовать ее самому широкому кругу читателей».

ВДОХНОВЕНИЕ СВЯТЫХ

Дмитриевская родительская суббота всегда приходится на последнюю субботу перед 8 ноября – днем памяти святого великомученика Димитрия Солунского

АВГУСТИН СОКОЛОВСКИ,
доктор богословия, священник



Храм Святого Великомученика Димитрия Солунского, построенный в Санкт-Петербурге в 1905–1906 годах по проекту архитектора Александра Всеславина

В нашем коллективном воображении Бог представляется весьма старым. Этому соответствует икона Новозаветной Троицы, на которой Бог Отец, изображенный в виде старика, благословляет Сына Божьего Иисуса Христа. В Библии Бог именуется «Ветхим днями». «Видел я, наконец, что

поставлены были престолы; и воссел Ветхий днями: одяние на Нем было бело как снег, и волосы главы Его – как чистая волна; престол Его – как пламя огня, колеса Его – пылающий огонь» (Дан. 7:9), – сказано в книге пророка Даниила.

Этому общепринятому представлению об абсолютной старости Бога вторит метафизика. При этом она идет своими путями. Бог философии недоступен человеку. Он невидим, непостижим. Он ничем не ограничен. Таковы базовые установки, с которых начинается изучение догматики любой семинарист.

Вместе с тем в свете богословия XXI века для нас очевидно, что все эти возвышенные определения Бога односторонни. Они распространяются только на нас, людей. Ведь мы ограничены и смертны. Бог же во Христе Иисусе делает Себя доступным и ограниченным. Он, по слову одного из средневековых богословов, принял на Себя все наше и отдал нам все Свое. В Евхаристии мы приобщаемся к этой тайне.

«Лета наши как бы паутина считаются; дней лет наших: семьдесят, а если в силах – восемьдесят лет, и то большая часть их – труд и болезнь; ибо постигло нас унижение, и мы будем научены», – говорится в Псалмах (Пс. 89:10). С годами человек становится мудрее, его поведение и нравы делаются лучше. Страдание и болезни облагораживают и учат пониманию. На библейском уровне понимания слова эти верны.

Но на уровне повседневности они оказываются общепринятыми стереотипами, которые опровергаются самой реальностью. С годами человек озлобляется. Привычки его цементируются опытом. В старости человека по-настоящему могут любить лишь родные. В этом смысле прав был «пророк секулярности» Стив Джобс, когда в своей Стэнфордской речи утверждал,

что ограниченность жизни человека на самом деле – благодеяние для других.

Новозаветное мышление позволяет нам согласиться с этим и в то же время мыслить дальше и глубже. В народном благочестии Бог веками и даже тысячелетиями представлялся стариком. Такое восприятие может быть полезно, но может быть и вредно. Потому что скрывает от нас смыслы.

«Поздно полюбил я Тебя, Крестота, такая древняя и такая юная, поздно полюбил я Тебя», – пишет о Боге святой Августин (354–430). Этому мыслителю древности, который был епископом североафриканской карфагенской церкви, история философии приписывает изобретение самой мысли о времени. Рассуждая о времени и о временности человека, Августин обращается к мысли о Боге и утверждает, что среди всех живых существ именно Он является самым молодым. Бог молод, Он юн. Он обновляет бытие. Он моложе каждого из нас и моложе всего в мире.

В этом парадоксальном утверждении богословской мысли раскрывается множество смыслов. Получается, что в подлинной молодости есть богообразность. Она присутствует в желании учиться, в идеализме и романтике восприятия обычных вещей. Готовность самозабвенно изменять этот мир к лучшему была вдохновением святых. Вера проявлялась в них в способности постоянно создавать себя заново ради блага ближних. «Благоговение перед жизнью», – как некогда писал Альберт Швейцер (1875–1965). Этой богообразной молодостью Бога вдохновлялись древние святые, о которых Церковь вспоминает в эти осенние дни.

В народном благочестии «родительскими суббота» называются субботы вселенского поминовения усопших. В эти дни



Дмитрий Солунский. Мозаика (вероятно, византийская) из Михайловского монастыря (Киев). Около 1113 года

Церковь сугубо молится за всех тех, за кого некому помолиться и кого некому помянуть. Именно в этом изначальная цель и назначение подобных дней поминовения, которых в православной традиции всего пять: в субботу перед днем Святой Пятидесятницы, за неделю до начала Великого Поста, а также во вторую, третью и четвертую субботу великопостного времени. В Русской Православной Церкви к этим дням поминовения в глубокой древности была добавлена еще одна поминальная суббота в ноябре. Она полагается в субботу перед днем памяти святого великомученика Дмитрия Солунского (8 ноября), а потому называется Дмитриевской. Это переходящее празднование.

Предание связывает появление Дмитриевской родительской субботы в русском православном богослужебном уставе с Куликовской битвой, которая совершилась на Рождество Пресвятой Богородицы, 8 сентября 1380 года. Согласно этому преданию, благоверный князь Дмитрий Донской (1350–1389) просил тогда преподобного Сергия Радонежского (1322–1392) совершить молитвенное поминовение всех павших в сражении. При этом отдельные исследователи считают, что у истоков этого осеннего поминовения могла стоять и некая древняя праславянская традиция поминовения усопших в первые ноябрьские дни. Оба эти объяснения не противоречат друг другу.

В 2024 году Дмитриевская родительская суббота пришлась на 2 ноября. Такая дата является замечательным совпадением, поскольку именно в этот день западные христиане из года в год по древней традиции отмечают день всех усопших верных. В некоторых странах такое поминовение сместилось на 1 ноября, день Всех Святых, что с точки зрения богослужения Церкви, конечно же,

неправильно. Ведь празднование в честь Всех Святых носит характер исключительно праздничный, тогда как поминовение усопших – это скорбное, молитвенное, покаянное воспоминание.

Примечательно, что с феноменологической точки зрения Дмитриевская родительская суббота действительно является аналогом заупокойного поминовения в западной традиции. Проследить взаимную зависимость двух поминальных традиций вряд ли возможно, но то, что Дмитриевская суббота могла утвердиться в календаре именно благодаря уже существовавшей среди западных христиан практике помянуть усопших в начале ноября, является возможным богословским объяснением.

Во время всеобщего поминовения усопших Церковь в первую очередь молится за тех, о ком более нет поминовения по имени. Со временем этот первоначальный смысл всеобщего поминовения стал теряться. Верующие, которых от постоянного посещения храма удерживали повседневные заботы, а также обстоятельства времени, как это было в советскую эпоху, стали сугубо помянуть своих родителей и родных. Потому поминовение сделалось поименным, а вселенские субботы получили наименование «родительских».

«Чаю воскресения мертвых», – говорит Церковь в своей молитве устами Символа Веры. Церковь ожидает воскресения мертвых, воскресения мертвых она ждет. Молитва за усопших позволяет нам верить и надеяться, что мертвые воскреснут во славе. Другие Символы святоотеческой эпохи выражают это убеждение во всеобщем воскресении более конкретно: «Верую в воскресение плоти».

Вера во всеобщее телесное воскресение является догматом веры, таким же важным и необходимым для выражения сути христианской

веры, как догмат о Троице или же вера в божество Христово. Она основывается на евангельском благовестии о телесном воскресении из мертвых Самого Господа.

В том, что касается христианского отношения к жизни и смерти, жития некоторых святых отличаются особенной поучительностью. Такова память преподобного Исихия Хоривита, о котором говорится в «Лестнице» преподобного Иоанна Синайского (+649). Исихий был современником Иоанна и жил в VII веке. Имя его «Хоривит» указывает на гору Хорив на Синайском полуострове, также называемую горой Моисея.

По словам Иоанна, Исихий прежде отличался крайним безразличием к духовной жизни. Но однажды он тяжело заболел и вскоре умер. Час он пролежал бездыханным. Братия собралась было для погребения его тела, как вдруг он внезапно очнулся, пришел в себя, но не просил никакой помощи, а только умолял братию удалиться.

Исихий буквально замуровал дверь своей кельи и двенадцать лет, символическое библейское число во образ полноты, жил в затворе. Пищей ему служили вода и хлеб. Когда наконец наступил для него час смертный, братии пришлось взломать вход в келью. Они хотели услышать последнее слово, просили его, так как в монашеской традиции придавалось особое значение «заповеди прощального мгновения». Но в ответ он произнес только одно единственное изречение Писания. «Кто стяжал память смерти, тот никогда не может согрешить», – повторил он слова Премудрости Иисуса Сына Сирахова (Сир. 7:39). «Простите», – сказал он, прося прощения за то, что прежде был соблазном и за свое прощальное молчание.

Повествование об Исихии помещено в VI Слово «Лестницы», посвященном «Памяти смерти».

По убеждению древних аскетов это было важным, постоянным духовным упражнением и главное – добродетелью.

Современности свойственно (из-за несказанного ослабления человеческого мысли и влияния ложных религий) восприятие, при котором смерть представляется избавлением от всего злого, негативного и накопленного, своего рода позитивным освобождением. Здесь кроется противоречие библейскому мировоззрению. Жизнь благословенна, благословенно и бытие. Жизнь – это добро. Жизнью человеческой и земной жил Господь Иисус Христос.

Жизнь противоположна смерти. В смерти происходит и воспроизводится то, что некогда произошло с первыми людьми в грехопадении. Умиравший лишается всего, завершается биография, остатки здоровья, телесность. Пропадают великие временные дары Бога. Зло и злоба родственны смерти, они, по слову Апокалипсиса (Откр. 20:14), могут мучить человека века вовеки. Чтобы избежать такой участи, человек во Христе Иисусе нуждается в Искуплении.

Иоанн Лествичник заканчивает свой рассказ об Исихии словами о том, что спустя время после погребения монахи «искали святых мощей его, но не могли найти». Для Иоанна в этом было свидетельство об «усердном и достойном покаянии Исихия» и главное – удостоверение для тех, кто после многого нерадения хочет исправиться. Бог не только принимает покаяние, но дарует благодать святости.

Знаком этого особого благословения от Бога стало само имя святого. В переводе с греческого оно означает «тихий», «молчащий», «безмолвный». Быть может, братия так и не узнала этого аскета по имени, а назвала его так по образу жизни и смерти.



Сцены из жизни святого Спиридона. Художник Николаос Калергис. 1744

В день, когда западный христианский мир и Православные Церкви, следующие григорианскому календарю, празднуют Рождество, наша Церковь продолжает свое

странствование путями Рождественского Поста. Дабы путь этот не был пройден в одиночестве, Господь посылает нам в спутники своих святых, память которых

21:1). Оба родились во второй половине III века, пережили эпоху гонений, несомненно, были исповедниками самого страшного из них – Великого гонения при

празднуется в эти святые подготовительные дни. Среди них – Спиридон Тримифунтский, память которого празднуется в этот необыкновенный день «Западного Рождества».

Святой Спиридон был современником Николая Чудотворца. Однако между ними пролегал Средиземное море. Ибо Спиридон был киприотом, а Николай ликийцем – уроженцем древней области, некогда славной страны под названием Ликия со столицей в Мирах. Оба дышали словами Апокалипсиса о Новом Небе и Новой Земле, «где моря уже нет» (ср. Откр.

Диоклетиане (284–305) и его преемниках.

Чтобы хоть немного понять, кем были эти люди, нам, достигшим возраста зрелости, должно вспомнить наших фронтовиков, прошедших Великую Отечественную. Тех, кто побывал в плену или был мучим в лагерях, но выжил. Это были особые люди, как бы сделанные из другого теста или, лучше сказать, из железа. Говорили они немного, особенно о прошлом. Тем в большей степени воспоминания их бесценны.

Церковные историки древности сохранили для нас эпизод, когда император Константин Великий (+337) на Вселенском Соборе в Никее в 325 году повстречался с епископами, пережившими гонения. Увидев их во множестве – у одного из этих исповедников был выколот глаз, у другого отрезана рука или на теле стояло клеймо, – он прослезился. Монарх, не знавший жалости, победитель, самодержец, откладывавший крещение до самой смерти, чтобы вершить суд и казнить врагов, каким понят его современники, не смог сдержать слез.

В Римской империи IV–V веков, которая простиралась от современных Англии и Испании до Алжира и Марокко, было около двух тысяч православных епископов. Их кафедры не были равны по значению. Так, епархия святого Августина, порт Иппон, современная алжирская Аннаба, был в этой негласной табели о рангах где-то посредине, между первой и второй тысячей. Епархия же Спиридона была одной из последних.

Он был епископом небольшого поселения, скорее всего, как это имело место в древности, хорепископом, то есть сельским архиереем. Как это было разрешено церковными канонами того времени, он был человеком семейным, имел жену и детей. Житие

сохранило имя одной из его дочерей: «Ирина».

В переводе с греческого «Ирина» означает «мир». Спиридон был Человеком Мира, а значит Другом Божиим. «Ибо Он есть мир наш, сделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду», – пишет Павел о Христе (ср. Гал. 2:14).

До своего избрания, впрочем, скорее всего и после, он пас овец. Для епископа Христовой Церкви это было вполне обычно. Так, великий отец Церкви Августин, до своего обращения писавший речи Императору в Милане, будучи архиереем, до конца своих дней ездил на осле.

Помимо знамений и чудес, история сохранила весьма мало сведений о Спиридоне. Так, известно, что он участвовал в весьма важном для Церкви Сардикийском соборе, созванном в 343 году в Сардике (современная София). Скорее всего, вскоре после этого Спиридон отошел ко Господу.

Мы с вами живем в эпоху, которая стремится к бессмертию. Не веруя более в вечную жизнь, многие ищут бессмертия в Сети и готовы на всякую нелепость, лишь бы не быть преданными забвению. Хотя бы на день, на месяц, на год. Чем более мы преуспеваем в этом, тем более обрекаем себя на забвение.

Поэтому важно понимать, что мировоззрение Спиридона и подобных ему Божьих друзей строилось на противопоставлении христианского убеждения в преодолении смерти Воскресением Господа Иисуса идее биологического, технологического, литературного, естественного и любого другого бессмертия личностей, людей, богов, героев. Конечно же Спиридон не знал всей этой терминологии, которая столь привычна и даже необходима нам, но жил он именно так. «Верил Богу, верил в Бога, следовал за Ним».

«Нужно умереть так, чтобы смерть обессилила, встретив нас», – пишет Андрей Платонов в рассказе «Одухотворенные люди». Если попытаться переложить эту мысль на язык современности, то можно сказать, что христианское новозаветное бессмертие – это не природно-религиозное, мифологическое и даже не библейское ветхозаветное бессмертие продолжения рода, не возможности медицинских технологий и не «бессмертие словарей» или, перефразируя название романа Януша Леона Вишневского, «Бессмертие в Сети».

Последнее чрезвычайно важно, потому что как в светской, так и в церковной среде присутствие, признание и даже стремление к такому «бессмертию сетей» порой чрезвычайно сильно. В частности, у человека создается убеждение, что через карьеру, иерархическую принадлежность или богословское творчество можно прочно войти в историю и тем самым обрести бессмертие. Так возникает иллюзия, что будущие поколения будут читать наши тексты, видеть наше имя на книжных полках и, что может казаться весьма убедительным и весомым фактором, – помнить и знать о нас благодаря словарям.

«Бог, Который прежде времени, стал человеком во времени, чтобы освободить от времени», – писал святой Августин. Спиридон жил так, что слова эти исполнялись над ним. Он не стремился к известности, хотел быть забытым. Пока билось его сердце здесь на земле, он стремился благодетельствовать. Ближним и дальним, как заповедано в Писании. Как об этом свидетельствует его житие. Свободный от времени, он исполнен благодати. По слову Павла, благодать есть свобода (2 Кор. 3,17). Святой Спиридон благодетельствует нам ныне, чтобы силой Святого Духа освободить нас от времени.

НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ МАСТЕР РУССКОГО КЛАССИЦИЗМА

К 225-летию со дня рождения Карла Брюллова

ВЯЧЕСЛАВ КАТАМИДЗЕ



Карл Брюллов. «Автопортрет». 1848

Посетители Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге, как правило, обращают особое внимание на роспись главного плафона купольной части. На плафоне, называемом «Богородица в окружении святых», размещено двадцать изумительно выписанных фигур, а в центре плафона – белоснежный голубь, символ божественности, чистоты и мира.

Плафон собора – один из самых больших в Европе, его площадь составляет 800 м². Туристы интересуются: «Кто расписал его?» – И получают ответ: «Карл Брюллов». Это



Плафон главного купола Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге

вызывает изумление: «Как, один?» Да, большая часть этой титанической работы была выполнена одним человеком – блестящим мастером позднего русского классицизма Карлом Брюлловым.

Его называли «гордостью российской живописи», «первой кистью государства». Живописец и рисовальщик, он был автором исторических полотен, прекрасных акварелей и сепий, портретов и жанровых картин. Его мастерство было признано не только в России, где он окончил Императорскую академию художеств в Петербурге с Большой Золотой медалью и со временем стал ее профессором, но и в Италии: там он был членом Академии Св. Луки в Риме,

Академии Брера в Милане и Академии Изящных искусств в Парме.

Карл Брюллов родился в Санкт-Петербурге 23 декабря 1799 года в семье скульптора французского происхождения Павла Ивановича Брюлло. Первые уроки рисования и живописи давал ему отец, который порой был с ним очень строг: мальчика могли не пустить к обеденному столу, пока он не напишет определенное количество фигур людей и животных. Но отцовские уроки сыграли свою роль: в 10 лет Карла без экзаменов зачислили в Императорскую Академию художеств. И учился он в ней лучше всех.

За его необыкновенные успехи учителя академии позволили ему писать собственные картины

задолго до того, как разрешили это другим учащимся. В двадцать лет он написал свою первую живописную картину – «Нарцисс, смотрящий на свое отражение в воде». Она принесла художнику Малую Золотую медаль. В качестве выпускной работы Брюллов в 1821 году создал «Явление Аврааму трех ангелов у дуба Мамврийского», получив за нее Большую Золотую медаль и аттестат 1-й степени. А меценаты Общества поощрения художников назначили ему пенсионерскую поездку в Италию.

В 1822 году Карл Брюллов вместе с братом Александром отправился в Рим. По пути они останавливались в разных городах и изучали европейскую живопись и культуру.



«Итальянский полдень». 1827

В итоге путешествие затянулось на целый год – в Рим братья прибыли в мае 1823 года.

В Италии Брюллов сразу окунулся в мир художественного познания: часами рассматривал картины итальянских художников прошлых веков и работы современников. Он не мог не отметить, что техника живописи в Европе ушла по сравнению с русской далеко вперед, причем немалую роль в этом сыграло

качество красок, кистей и холстов. Брюллов был одним из первых русских художников, тщательно изучивших рынок художественных и вспомогательных материалов, которыми пользовались их итальянские коллеги.

И конечно, в Италии Брюллов не только учился и приобретал профессиональные знания, необходимые художнику, но и усердно работал, причем во многих жанрах

и в разной технике: писал акварелью, маслом, в технике рисунка и сепии. Одну из своих работ художник отправил в Россию. Это была картина «Итальянское утро». Полотно понравилось меценатам Общества поощрения художников, и они подарили картину Александре Федоровне, супруге Николая I. Император пожаловал Брюллову бриллиантовый перстень и поручил написать парную картину. Так возникла вторая композиция: «Итальянский полдень».

Говорят, что большой мастер, в какой бы области культуры он ни трудился, не может обойтись без своей музыки. Она ему необходима; она становится не только источником его постоянного творческого вдохновения, но и, если угодно, его покровительницей, в известном смысле спасением от житейских не-

взгод. В Италии такой музыкой для Брюллова стала русская аристократка Юлия Самойлова. В ее венах текла кровь знатных и богатых родов Италии и России: Скавронских, Пален, Литто и Висконти. Ее положение давало ей возможность выступать в роли мецената. Она покровительствовала не только итальянским, но и русским художникам и скульпторам. С момента знакомства с Брюлловым она оказывала

ему всяческую поддержку, и неудивительно, что многие годы их связывали романтические отношения.

Самойлова, которая была вхожа в аристократические дома Италии, знакомила местную знать с уникальным мастерством молодого русского художника. В результате ему стали заказывать парадные портреты, которые он блестяще исполнял. А портреты такого рода стоили очень дорого.

Для Самойловой Брюлловым была написана замечательная картина «Всадница». Позировали для нее падчерицы Самойловой.

Чем дольше жил в Италии Брюллов (а он прожил там 12 лет), тем больше он проникался интересом к истории, искусству, природе этой страны. За это время мастер создал около 120 портретов итальянских аристократов, художников, скульпторов, писателей, а также отдыхающих в Италии членов императорской семьи и русской знати. Написал несколько автопортретов для Галереи Уффици во Флоренции.

Но более всего Брюллова привлекала древняя история Италии. Это увлечение привело к тому, что он начал создавать рисунки, связанные с далеким прошлым Италии, а в 1827 году даже задумал написать большое полотно под названием «Последний день Помпеи». Заказчиком стал Анатолий Демидов, русский и французский меценат, действительный статский советник, дипломат.

Работу Брюллов начал с посещения развалин города Помпеи, погибшего при извержении Везувия в 79 году до н.э. Он внимательно рассматривал раскопки, сделал множество набросков. Работая над деталями, художник написал более двухсот этюдов. На создание картины размером 456,5х651 см ушло в общей сложности около шести лет.

В 1833 году картина «Последний день Помпеи» была выставлена в мастерской художника в Риме.



«Всадница». 1832

Судя по оценкам критиков и количеству статей, ей посвященных, картина произвела настоящую сенсацию в Европе, а потом и в России. Посмотреть картину приезжали из-за рубежа многие знаменитости. Флорентийская Академия художеств присвоила художнику за это полотно звание профессора первой степени. Картину выставляли на Парижском салоне в Лувре, после чего отправили в Петербург.

Для русской живописи эта работа стала новаторской, и в первую очередь потому, что на историческом полотне были изображены не исторические личности, а большая группа людей, которых постигла чудовищная трагедия природного характера. Интересно, что на этой картине художник несколько раз изобразил свою музу – Юлию Самойлову: в образе двух матерей, а также девушки



«Последний день Помпеи». 1833

в розовой тунике, слева от которой написал и свой портрет.

Император Николай I, увидев картину, велел художнику вернуться на родину, чтобы занять место профессора Императорской Академии художеств.

Брюллов не осмелился перечить императору, но решил до возвращения в Петербург принять приглашение графа В. Давыдова отправиться с ним и его спутниками в путешествие по Малой Азии, Греции и Ионическим островам. Решение это было большой ошибкой. В Афинах Брюллов тяжело заболел желтой лихорадкой, и эта болезнь серьезно сказалась на его здоровье.

Брюллов вернулся в Петербург через Одессу и Москву в 1836 году. Пребывание в Москве затянулось на несколько месяцев: его встречали

как героя, устраивали в его честь торжественные приемы. На одном из них его познакомили с А. С. Пушкиным, на другом – со знаменитым московским портретистом, бывшим крепостным В. А. Тропининым, о котором он был наслышан. Знакомство переросло в крепкую дружбу. Именно кисти Тропинина принадлежит один из лучших портретов Брюллова.

Сам Брюллов не терял драгоценного времени и продолжал писать портреты московских знаменитостей.

В Петербурге Брюллова ожидал не просто торжественный, а буквально триумфальный прием. Он начался с чествования художника в Академии художеств. Картина «Последний день Помпеи» была подарена Демидовым Николаю I,

который поместил ее в императорский Эрмитаж, а затем подарил Академии художеств. В настоящее время она находится в Русском музее. Заметим, что по решению императора на ее публичный просмотр приглашались люди из разных слоев общества, включая купцов, видных ремесленников, мастеров высокого класса.

В 1836 году Брюллову было присвоено звание младшего профессора Академии художеств. Он руководил в Академии классом исторической живописи. Среди его учеников были такие прославившие себя художники, как Павел Федотов, Павел Чистяков и Тарас Шевченко.

Кстати, Брюллов сыграл огромную роль в выкупе Тараса Шевченко из крепостничества. Еще в 1837 году к Брюллову обратился Василий

Жуковский с просьбой написать его портрет для императорской фамилии, с тем чтобы использовать вырученные средства на выкуп Шевченко из крепостной зависимости. Брюллов согласился, и портрет Жуковского был разыгран в придворной лотерее, которая принесла 2500 рублей, необходимых для освобождения Шевченко. 22 апреля 1838 года он получил свободу и поступил в Академию художеств. Со временем Шевченко стал одним из любимых учеников Брюллова.

В Петербурге росла слава Брюллова как виртуозного портретиста. Многие считали за честь быть запечатленными прославленным мастером. Он писал портреты не только аристократов, но и выдающихся людей своего времени.

В 1843 году Брюллов в числе лучших живописцев академической школы получил приглашение участвовать в росписи Исаакиевского собора, и художник сразу начал работать над эскизами. К 1848 году они были завершены – Брюллов приступил к живописи. Но работать было крайне тяжело. Штукатурка была еще сырой, плохо ложилась грунт, отслаивалась краска. Некоторые изображения приходилось перерисовывать. В помещении было влажно, прохладно, гуляли сквозняки. К тому же в самом храме тесали мрамор и гранит, из-за чего в воздухе стояла мелкая пыль.

Брюллов серьезно заболел и был вынужден просить об освобождении от работ. По эскизам Брюллова роспись купола заканчивал художник Петр Басин. К этому времени



Портрет Марии Аркадьевны Бек с дочерью. 1839

Брюллов уже написал почти все основные фигуры плафона, так что Басину оставалось только дописать фон и создать несколько картин для оформления центрального пространства храма по картонам Брюллова.

В апреле 1849 года Карл Брюллов отправился на лечение за границу – на остров Мадейра, но вскоре вернулся в Италию.

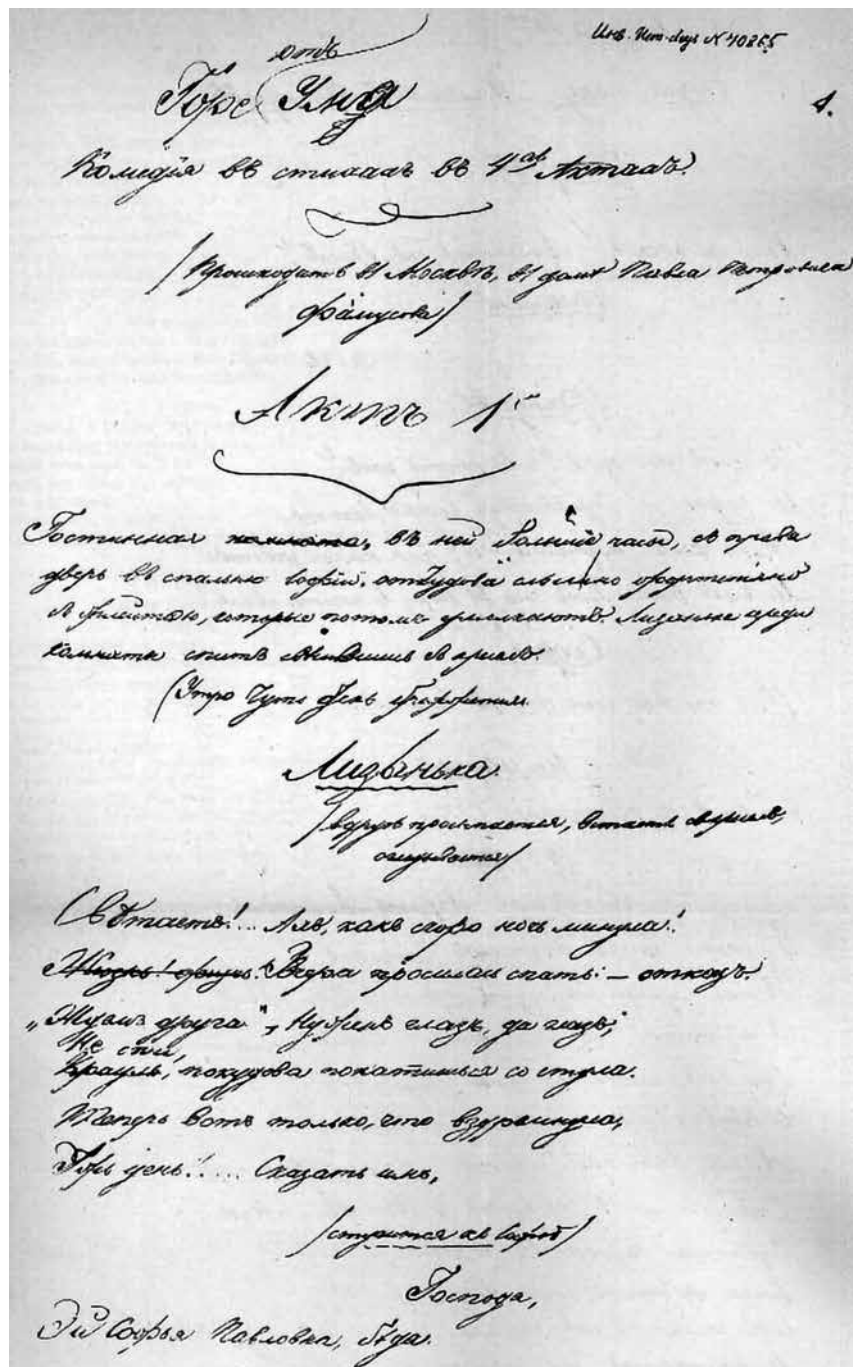
Скончался великий художник 11 [23] июня 1852 года в возрасте всего 52 лет в местечке Манциана под Римом, где лечился минеральными водами.

Александр Бенуа писал о Брюллове: «Он оставил нам наследство, которое уже в начале XIX века сказало Европе: таланты наши неисчислимы и могущественны, как нигде в мире».

«А СУДЬИ КТО?..»

Бессмертной комедии «Горе от ума» – 200 лет

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВ



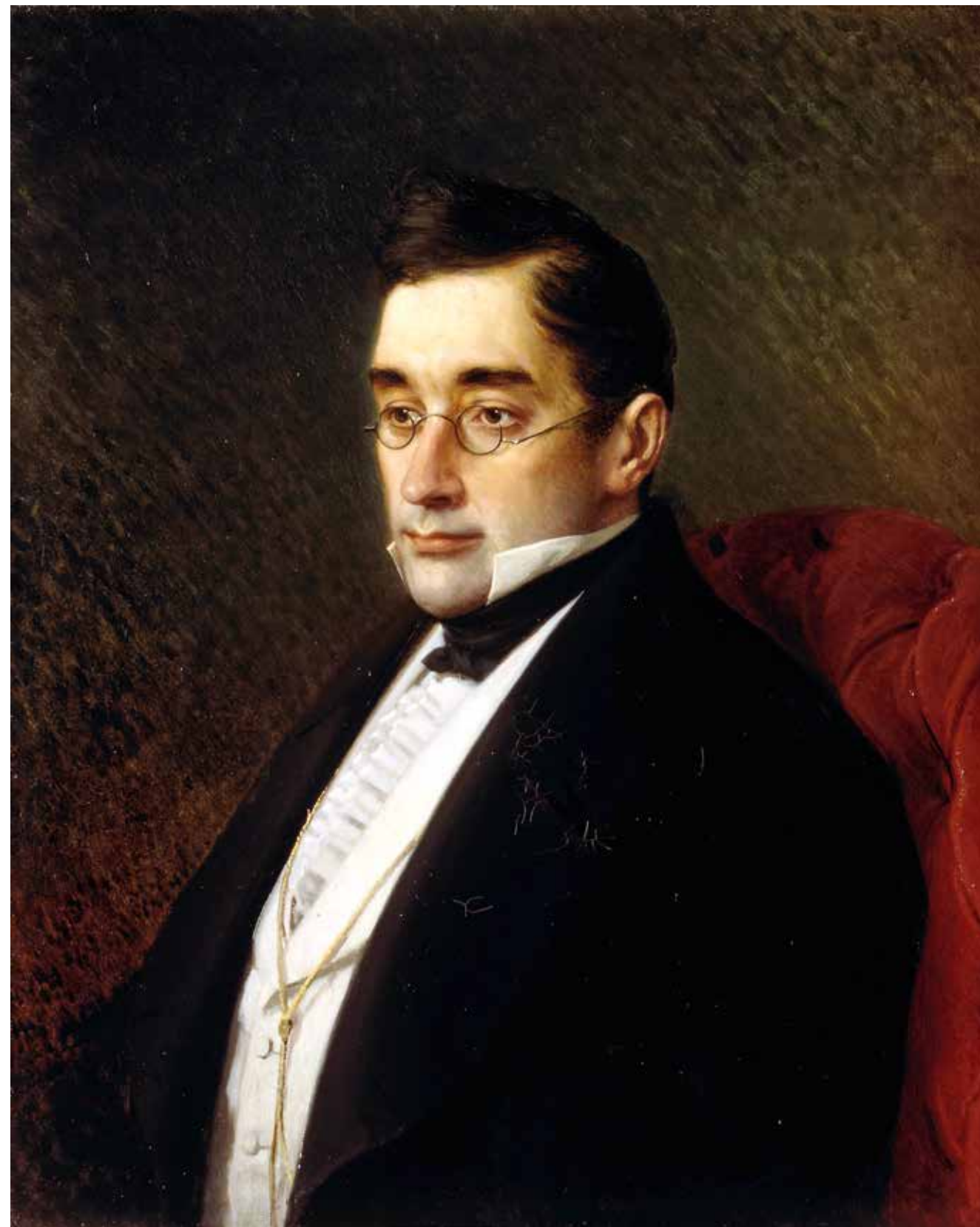
Автограф «Горя от ума» (Грибоедовым переправлено первоначальное название комедии — «Горе уму»).

«Мы ленивы и нелюбопытны», — эти слова Пушкина, сказанные по поводу забвения биографии А. С. Грибоедова, напрямую относятся и к его комедии «Горе от ума», 200-летие которой должно было бы широко отмечаться в России в этом году, но проходит вообще незамеченным. А ведь именно в 1824 году комедия была не только завершена, но примерно с октября этого года начала широко распространяться в списках, а в середине декабря часть ее текста (чуть более 20 процентов) была опубликована в альманахе «Русская Талия». Между тем значение и особый «вкус» великой комедии, как у хорошего старого вина, теперь стали еще более понятными и «насыщенными».

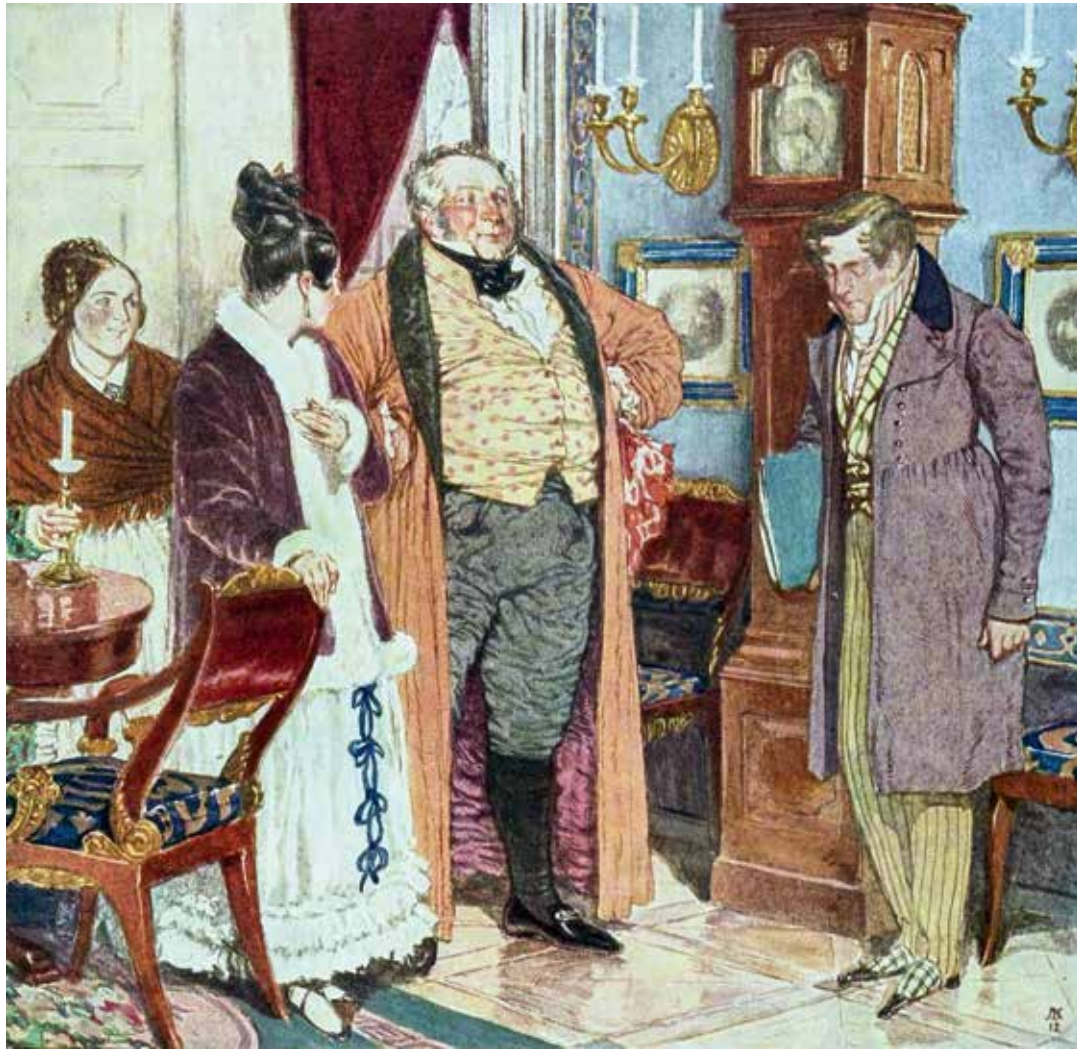
Позволим себе в этой статье лишь бегло напомнить некоторые черты бессмертной комедии, остановившись на ее эпитетах, спорных или бесспорных, но отражающих длящуюся до сих пор историю этого произведения.

Самое новаторское драматургическое произведение в стихах первой трети XIX века

Да, такого никто не мог тогда ожидать: появилась пьеса, написанная впервые изумительным, легким для восприятия, по сути, разговорным «вольным ямбом», созданная на русской почве, с конкретным московским «отпечатком», даже без намека на перепевы каких-либо французских водевилей, с русскими героями,



Александр Грибоедов. Портрет работы Ивана Крамского. 1875



«Горе от ума» (Лиза, Софья, Фамусов и Молчалин). Иллюстрация Д. Н. Кардовского. 1912

имеющими имена и отчества, с 25 действующими на сцене лицами (что станет позже эталоном настоящей театральной труппы), имевшими множество реальных прототипов, с 40 внесценическими героями, расширявшими время и пространство комедии, с динамичным и острым сюжетом, уложившимся всего лишь в один день, и настолько очевидной злобой дня и бьющей в глаза социальной остротой, что почти всем сразу стала ясна невозможность постановки пьесы. Комедия так ярко отразила черты московского быта той поры, что автор заслужил редкую награду – «Грибоедовской

Москвой» стали называть целую эпоху в жизни столицы.

Самое первое великое произведение золотого века русской литературы

В 1824 году золотой век отечественной литературы только набирал обороты, и именно «Горе от ума», написанное еще до переломных для страны смены монарха и восстания декабристов, оказалось сердцевинным произведением этого века, опередившим многие творения Пушкина, Гоголя, Лермонтова и других авторов. Комедия

стала, по сути, первым великим произведением русской словесности того времени. Ведь написанные до него, скажем, «Недоросль» Д. Фонвизина или «Бедная Лиза» Н. Карамзина, не считая, конечно, творений древнерусской литературы (например, «Слова о полку Игореве»), никак не идут в сравнение с шедевром Грибоедова по его влиянию на дальнейшее развитие литературного процесса.

Самое загадочное произведение русской литературы

Так назвал «Горе от ума» А. Блок, который

сначала, как это отчасти проявилось и у Пушкина, и у Белинского, явно недооценил комедию. И хотя назвал ее в 1907 году «гениальнейшей русской драмой», тут же отметил: «Но как поразительно случайна она! И родилась она в какой-то сказочной обстановке: среди грибоедовских пьесок, совсем незначительных; в мозгу петербургского чиновника с лермонтовской желчью и злостью в душе и с лицом неподвижным, в котором “жизни нет”».

Самого Грибоедова Блок называл «неласковым человеком», «ядовитым насмешником и скептиком», цитируя стихотворение Е. Баратынского «Надпись» (считалось,

что оно посвящено Грибоедову, но на самом деле не имело к нему никакого отношения).

Однако уже в 1919 году Блок, который часто играл Чацкого на любительской сцене, написал о творении Грибоедова более взвешенно: «Девятнадцатый век создал сразу великую комедию (“Горе от ума” – до сих пор неразгаданное и, может быть, величайшее творение всей нашей литературы)». Блок предупреждал, что «будущим русским поколениям» придется возвращаться к комедии, которую «конем не объехать», и предлагал «глубже задуматься и проникнуть в источник... художественного волнения» Грибоедова, «переходившего так часто в безумную тревогу».

И Блок оказался прав: комедия действительно до сих пор не устарева. Эта ее особенность была подмечена еще И. Гончаровым в его работе «Миллион терзаний»: «Комедия “Горе от ума” держится каким-то особняком в литературе и отличается молодостью, свежестью и более крепкой живучестью от других произведений слова. Она, как столетний старик, около которого все, отжив по очереди свою пору, умирают и валяются, а он ходит, бодрый и свежий, между могилами старых и колыбелями новых людей. И никому в голову не приходит, что настанет когда-нибудь и его черед».

Загадок у «Горя от ума» действительно много, а главная из них заключается в удивительной истории создания комедии, которой автор открыл странную особенность русских писателей: творить свои шедевры за границей, что после него делали и Гоголь, и Достоевский, и Тургенев, и Бунин. Попав в 1819 году на дипломатическую работу в Персию и оказавшись в Тавризе, поэт именно там сделал свой первый шаг к бессмертию. Речь идет о следующем эпизоде, рассказанном Ф. Булгариным: «Будучи в Персии в 1821 году, Грибоедов

мечтал о Петербурге, о Москве, о своих друзьях, родных, знакомых, о театре, который он любил страстно, и об артистах. Он лег спать в киоске, в саду, и видел сон, представивший ему любезное отечество, со всем, что осталось в нем милого для сердца. Ему снилось, что он в кругу друзей рассказывает о плане комедии, будто им написанной, и даже читает некоторые места из оной. Пробудившись, Грибоедов берет карандаш, бежит в сад и в ту же ночь начертывает план “Горя от ума” и сочиняет несколько сцен первого акта. Комедия заняла все его досуги, и он кончил ее в Тифлисе в 1822 году <...>. Приехав в Москву, Грибоедов стал посещать общества и в то же время почувствовал недостатки своей комедии и начал ее переделывать».

Письмо Грибоедова, написанное в Тавризе 17 ноября 1820 года неизвестной женщине, подтверждает сведения, приводимые Булгариным. В этом письме писатель описал свой сон, в котором он попал на праздничный вечер в незнакомый дом (не в дом ли Фамусова?) и среди многих гостей увидел свою знакомую: «Тут вы долго ко мне приставали с вопросами, написал ли я что-нибудь для вас?... – Дайте мне обещание, что напишете. – Что же вам угодно? – Сами знаете. – Когда же должно быть готово? – Через год непременно. – Обязываюсь. – Через год, клятву дайте. – И я дал ее с трепетом». После этого писатель пробудился, «затешил свечку» и записал свое обещание: «Во сне дано, наяву исполнится».

Грибоедов выехал из Тавриза в Грузию с первыми набросками комедии в середине ноября 1821 года, по пути он сломал в двух местах руку, потом ее пришлось для правильного срастания «переломить в другой раз». Длительное лечение послужило для поэта одним из предлогов, чтобы перевестись при поддержке командующего

Отдельным кавказским корпусом А. Ермолова на Кавказ, где он смог не только отдохнуть, но и продолжить работу над «Горем от ума», о чем рассказал слушавший в Тифлисе отрывки из его комедии В. Кюхельбекер.

В марте 1823 года благодаря содействию Ермолова Грибоедов, получив, наконец, отпуск, приехал в Москву через четыре с половиной года после последнего посещения, поселился сначала у матери, а потом в доме на Мясницкой улице, 42, у своего друга С. Бегичева, только что удачно женившегося на богатой невесте А. Барышниковой. (В декабре 2023 года на этом здании, где располагается редакция газеты «Аргументы и факты», была открыта мемориальная доска барельеф, посвященная комедии и выполненная по проекту скульптора Салавата Щербакова).

В Москве Грибоедов с головой окунулся в круговорот светской жизни, черпая в ней сюжеты комедии. По сообщению Бегичева, «он пустился в большой московский свет, бывал на всех балах, на всех праздниках, пикниках и собраниях, по дачам и пр., и пр. На замечание мое о перемене его образа жизни Грибоедов всегда отвечал: “Не бойся! Время мое не пропадет”».

Конечно, в «московской пьесе» Грибоедов не мог «оживлять» свои воспоминания о столице, хотя ему после добровольного вступления корнетом в Московский гусарский полк в сентябре 1812 года и отъезда из столицы суждено было снова посетить ее только на несколько дней в мае-июне 1813 года, а также на срок около двух недель в сентябре 1818 года по дороге в Персию. Своими впечатлениями об этом поэт поделился в письме к С. Бегичеву 18 сентября: «В Москве все не по мне. Праздность, роскошь, – не сопряженные ни с малейшим чувством к чему-нибудь хорошему.



«Горе от ума» (Софья, Чацкий и Лиза). Иллюстрация Д. Н. Кардовского. 1913

Прежде там любили музыку, нынче она в пренебрежении; ни в ком нет любви к чему-нибудь изящному, а притом “несть пророк без чести, токмо в отечестве своем, в сродстве и в дому своем”. Отечество, сродство и дом мой в Москве. Все тамошние помнят во мне Сашу... а больше во мне ничего видеть не хотят». Подобными словами мог бы изъясняться Чацкий, явившийся в Москву после многолетнего отсутствия, как будто бы уже в 1818 года у Грибоедова созрел замысел «московской комедии».

В конце июля 1823 года почти на два месяца Грибоедов уехал в тульское имение Бегичева в селе

Дмитровском Ефремовского уезда и там заметно продвинулся в написании своего шедевра. Как писал Бегичев, «последние акты Г. о.у. написаны в моем саду, в беседке. Вставал он в это время почти с солнцем, являлся к нам к обеду и редко оставался с нами долго после обеда, но почти всегда скоро уходил и приходил к чаю, проводил с нами вечер и читал написанные им сцены. Мы всегда с нетерпением ожидали этого времени». Почти окончательная работа над комедией происходит в период с 20 сентября 1823 по 29 мая 1824 года, когда поэт жил в доме Бегичева в Москве, где он несколько раз читал друзьям

свою пьесу, и слух о ней стал быстро распространяться за пределами Москвы, дойдя даже до Пушкина в Михайловское.

Оставив Бегичеву так называемый Музейный автограф комедии, поэт отправился в конце мая 1824 года в Петербург для получения разрешения на публикацию и постановку пьесы. В дороге он внес в комедию важные исправления, сообщив об этом другу: «Кстати, прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню, коли решишься: он так несовершенно, так нечист; представь себе, что я с лишком восемьдесят стихов, или лучше сказать, рифм переменил, теперь глад-

ко, как стекло. Кроме того, на дороге мне пришло в голову приделать новую развязку; я ее вставил между сценою Чацкого, когда он увидел свою негодяйку со свечой над лестницею, и перед тем, как ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались, в самый день моего приезда, и в этом виде читал я ее Крылову, Жандру, Хмельницкому, Шаховскому, Гречу и Булгарину...». Вскоре был готов так называемый Жандровский список комедии, который можно считать почти полностью законченным автором, за исключением мелких правок, и который, начиная с середины октября 1824 года, когда поэт

окончательно убедился в невозможности публикации пьесы, несмотря на все обращения к министрам и вельможам, стал активно переписываться и широко распространять при участии автора.

Потеряв надежду опубликовать комедию целиком, Грибоедов отдает отрывки из нее в булгаринский альманах «Русская Талия», который выходит в середине декабря 1824 года. Текст комедии подвергся цензурной правке и сокращениям, но с этой публикацией она фактически легализовалась. К 1825 году относится первая попытка поставить комедию в театре – на учебной сцене театрального училища в Петербурге. Но из-за вмешательства военного генерал-губернатора Петербурга М. Милорадовича спектакль был отменен. Однако автору удалось все-таки увидеть свою комедию на сцене в 1827 году в Эривани в любительском исполнении офицеров Кавказского корпуса. В 1828 году перед отъездом из Петербурга в Тегеран Грибоедов на списке «Горе от ума», оставленном Ф. Булгарину, делает надпись: «Горе мое поручаю Булгарину», надеясь, что тот сумеет добиться публикации всего текста комедии. Список этот, представляющий собой копию, почти идентичную с текстом Жандровского списка, войдет в историю как Булгаринский.

Лишь после смерти Грибоедова его комедия попадет сначала в отрывках на профессиональную сцену. В 1831 году почти в полном объеме, но с многочисленными цензурными купюрами она была поставлена в Петербурге и Москве, однако в провинции ее ставить еще долго не разрешалось. Первое отдельное издание «Горя от ума» вышло в Москве в 1833 году с купюрами, а первым полным легальным изданием комедии в России стало издание 1862 года. Важно, что решения на постепенное открытие

комедии давали лично два императора: Николай I и Александр II. Получается, что своего часа комедии пришлось ждать более 38 лет, что делает ее одним из самых запрещенных произведений в русской литературе.

Самое «самиздатовское» произведение русской литературы

Копии комедии по разным, хотя и явно завышенным, данным, в количестве до 40 000 экземпляров превосходили тиражи любых произведений того времени, и они распространялись все годы до полного издания комедии.

Самое афористическое произведение русской литературы

Пушкин был сто раз прав, когда заявил о комедии Грибоедова: «О стихах не говорю, половина – должны войти в поговорку». Он угадал, что комедия станет самым афористическим произведением русской литературы. Каждый россиянин с молоком матери впитывает знакомые всем фразы: «Счастливые часов не наблюдают», «А судьи кто?», «Где лучше? Где нас нет?», «Ба! знакомые все лица!», «Герой не моего романа», «Ах! злые языки страшнее пистолета», «Блажен, кто верует, – тепло ему на свете!», «Служить бы рад, прислуживаться тошно», «Всё врут календари», «Да, мочи нет: мильон терзаний», «Вон из Москвы! сюда я больше не езду», «Карету мне, карету!».

Комедия, включающая в себя всего около 3500 строк и примерно лишь 2220 стихотворных строк (без обозначений говорящих героев и ремарок автора), по самым скромным подсчетам включает в себя не менее 200 афоризмов (более

425 строк). Получается невиданная концентрация афоризмов: каждая пятая строка, и с этим не может сравниться ни одно произведение отечественной литературы. Причем под афоризмами понимается здесь не просто любая «мудрая мысль», высказывание, словосочетание или реплика, а только то, что вошло в кровь и плоть русского языка и использовалось, цитировалось, препарировалось и преобразилось в цитатах многих и многих авторов и простых людей, начиная с Пушкина и современников Грибоедова, продолжая Лениным, цитировавшим «Горе от ума» более 100 раз, и завершая современным бытованием знаменитых фраз, в том числе на просторах Интернета. В «Большой словарь крылатых выражений А. С. Грибоедова» (М., 2009) вообще включено 2000 словарных статей, созданных на основе картотеки, насчитывающей более 10 000 выписок-цитат из литературы за 180 лет после написания комедии.

Самое спорное произведение русской литературы

«Горе от ума» можно назвать и самым спорным произведением русской литературы. Оно вызвало полемику самых ярких фигур в литературе и критике на протяжении почти двух веков: от А. Пушкина, П. Вяземского, Н. Гоголя, Н. Надеждина, В. Белинского, Н. Добролюбова, А. Герцена, Ф. Достоевского, И. Гончарова, А. Григорьева, А. Луначарского, Н. Пиксанова, Ю. Тынянова до современных исследователей С. Фомичева, В. Кошелева, Н. Тарховой, Е. Цимбаевой, Ю. Никишова, А. Старостина и многих других. Целые тома этой не утихающей до сих пор полемики касаются замысла и истории создания комедии, ее времени действия, сюжета и тайных



«Горе от ума» (Чацкий). Иллюстрация Д. Н. Кардовского. 1912

смыслов, ее действующих лиц и их многочисленных прототипов, ее языка и афористики, ее «вольнодумства» и связи с декабристами, ее политического значения и колоссального влияния на развитие всей последующей литературы.

Конечно, главную интригу своей комедией автор внес именно образом Чацкого, этого «русского Гамлета», и его противостоянием фамусовскому обществу и антиподу главного героя – Молчалину. Чацкий появляется в комедии в промежутке между странствиями и уже через день всего требует себе карету. Гончаров превосходно оценил особенности «страннического» облика

Чацкого, как деятельного человека, воина, «передового курьера неизвестного будущего»: «... Ум его играл страдательную роль, и это дало Пушкину повод отказать ему в уме. Между тем Чацкий как личность несравненно выше и умнее Онегина и лермонтовского Печорина. Он искренний и горячий деятель, а те – паразиты, изумительно начертанные великими талантами, как болезненные порождения отжившего века». Гончаров совершенно справедливо соединял Чацкого с самим Грибоедовым, утверждая, что «они недаром бились – хотя и бескорыстно, не для себя и не за себя, а для будущего и за всех...»

какое-то странное отношение к литературе: он, как сам Грибоедов, «пишет, переводит»».

Неразгаданность комедии во многом зиждется на том, кто же такой Чацкий, где же он был три года, а главное, куда же он исчезает и что его ждет в будущем? Долгие десятилетия спор шел о том, останется ли этот вольнолюбец мятущимся и неутомным, засосет ли его русская действительность или он ринется на борьбу и противостояние власти? Слова Чацкого: «Бегу, не оглянись, пойду искать по свету, // Где оскорбленному есть чувству уголок!...» послужили сигналом ко многим толкованиям и к поиску в них

истоков различных замыслов русской литературы. «Пойду искать по свету...» То есть где?» – запальчиво спрашивал сам себя Достоевский в заметке на статью Гончарова «Миллион терзаний». «Не к народу же он пойдет... За границу хочет бежать». Достоевский не отрицал в Чацком декабриста (каким его всегда называл Герцен), но все же не видел в нем подлинных качеств борца и революционера. Гончаров тоже предполагал для Чацкого бегство в Европу, но не из-за обиды на отвергнувший его московский свет, а для дальнейшего обличения и «стрел, бросаемых в разные темные, отдаленные углы России». Гончаров представлял себе Чацкого также и оставшимся в России «деятелем», роль которого «страдательная», но в итоге все равно «победительная».

Автор «Обломова», несомненно, был прав, утверждая, что «литература не выбьется из магического круга, начертанного Грибоедовым». Его комедия открыла «языковую стихию», которая навсегда наполнила русскую литературу, определив многие открытия Пушкина, Гоголя, Толстого и Достоевского. Недаром Кюхельбекер писал: «Впоследствии Пушкин очень хорошо понял тайну языка Грибоедова и ею воспользовался». И «Борис Годунов», и «Маленькие трагедии» Пушкина, и «Маскарад» Лермонтова, и даже пьесы Чехова развивают элементы и посылы, заложенные комедией Грибоедова. Достоевский говорил о непрерывной повторяемости типа Чацкого в нашей литературе – героя, олицетворявшего «беспокойный, ищущий ум», нарушавший общественное благополучие. Таковыми же беспокойными героями были и Печорин Лермонтова, и Рудин Тургенева, и Ставрогин Достоевского. Последний не скрывал связи своих героев с Чацким. В «Подростке» он прямо связывал с ним Версилова, упомянув о любительском спектакле

«Горе от ума». Столкновение Ставрогина с обществом в «Бесах» Достоевский представил именно как современный вариант «восстания» Чацкого, не забыв упомянуть, что путешествовать Ставрогину, объявленному в романе сумасшедшим, перед появлением надлежало именно три года.

Самое «клонированное» произведение русской литературы

Особо следует отметить, что комедия «Горе от ума» создала богатейшую почву для всякого рода литературных обработок, продолжений, пародий, подражаний, памфлетов, от самых коротких, разбросанных по журналам и газетам, до значительных по объему цельных произведений, анонимных или авторских, таких как «Горе от безумия» Н. Сандунова (1830), «Ум не помога» П. Волкова (1831), «Расстроенное сватовство, или Горе от ума и горе без ума» А. Федосеева (1839), «Утро после бала, Или все старые знакомцы» (1844), «Возврат Чацкого в Москву» Е. Растопчиной (1856), «Москвичи на лекции по философии» Д. Миная (1863), сатирические очерки М. Салтыкова-Щедрина «В среде умеренности и аккуратности. Господа Молчалины» (1874–1877), «Горе от ума» М. Ярона (1881), «Горе от ума через 50 лет после Грибоедова» В. Куницкого (1883), «Горе от глупости» В. Буренина (1905), «Чацкий в Баку» (1907–1908), «Маскарад у Фамусова» А. Дрождинина (1908) вплоть до сегодняшних переделок и пародий, существующих на просторах Интернета. Все это говорит о том, что «Горе от ума» можно по праву отнести к разряду самых повторяемых и «клонированных» произведений русской литературы, наряду с «Евгением Онегиным».

Самое театральное произведение русской литературы

И, конечно, самое главное для «Горя от ума», как драматургического произведения, что оно, бесспорно, является самым театральным произведением русской литературы, которое ставилось на самых разных театральных сценах сотни и сотни раз. Наиболее известными в истории отечественного театра являются постановки пьесы в Александринском и Малом театрах с участием лучших режиссеров и актеров разных эпох (М. Щепкин, П. Мочалов, И. Самарин, В. Самойлов, Я. Брянский, Г. Федотова, А. Яблочкина, А. Ленский, А. Южин, М. Садовский, А. Остужев), а также постановки пьесы в МХТ В. И. Немировичем-Данченко с исполнением роли Фамусова К. С. Станиславским и в Театре имени Вс. Мейерхольда. Пожалуй, нет таких театральных звезд, которые не играли бы когда-либо в комедии «Горе от ума» с 1830-х годов до сегодняшнего дня (вспомним постановки пьесы режиссерами Г. Товстоноговым, О. Ефремовым, Ю. Любимовым, О. Меньшиковым, С. Женовачем, Р. Туминасом). В настоящее время комедия «Горе от ума» остается в репертуаре по меньшей мере 30 театров в 17 городах России, продолжая радовать зрителей. А читателям доступны многочисленные издания комедии, в том числе с иллюстрациями таких замечательных художников, как Д. Н. Кардовский, Н. В. Кузьмин и М. С. Башилов, представивших в запоминающихся образах грибоедовских героев.

Комедия живет и будет жить вечно! И пусть не сбываются больше слова Пушкина, отнесенные к Грибоедову: «Замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов».

КРАЙ ОЛЕАНДРОВ И МАГНОЛИЙ

Ялта как паломничество к счастью

АЛЕКСАНДР БАЛТИН



Антон Чехов в Ялте. 1901

Прелесть Ялты начинается со звуков: нежно-янтарное «я», купающееся в разливах «эль» – лазурного, как море, бесконечного, как счастье.

Ялта, белеющая на горах, прожженная выстрелами кипарисов. На византийских капителях птицы пьют из яшмовых и малахитовых урн. Мыльная пряжа морской пены... Гений места силен: побывавшего здесь – не отпустит.

На «Белой даче» в Ялте Чехов живет с сестрой и матерью, приезжает сюда из подмосковного элитного Мелихова. Конечно, злая чахотка, терзавшая писателя, заставляет совершить этот выбор: Чехов укореняется в Ялте, влюбляется в нее. Здесь будут написаны «Три сестры», «Вишневый сад», многие другие шедевры. Андреев, Бунин, Бальмонт, Горький, Коро- вин, Рахманинов, Шаляпин – все

Ялта – свое-образная игра паломничеств, но без святости: здесь иной контрапункт, другая музыка. Ялта – это паломничество к счастью. А оно, как утверждал Паскаль (и нет оснований ему не верить), есть «альфа человеческого бытия».

Дама с собачкой пройдет по берегу... Анна фон Дидериц, верх изящества, словно сама диктует классику совершенные, напоминающие золотящиеся нити фразы, из которых будет соткано великое повествование ее любви, какой сама не ожидала.

они побывали в гостях у Чехова на «Белой даче».

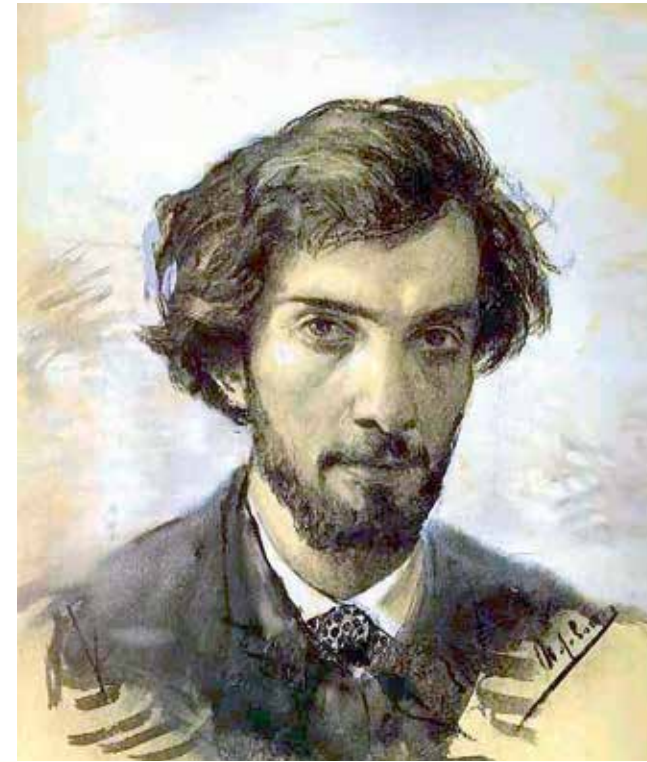
Дом был построен по проекту самого писателя, он нравился всей семье. Вид на море вдохновлял. И вдохновляла сама Ялта: ячеистая, как соты пчелиные, наполненные медом счастья, она раскроется такими пейзажами, что бесконечным возможностям Чехова будет где развернуться и суммировать невероятные свои емкие фразы, так напоминающие строки стихов, совершенных, как лепестки цветов.

Вот Левитан... Друг и... да, было определенного рода соперничество между ними: кто выше поднимется, кто большего достигнет. И была ссора из-за «Попрыгуньи».

Могучий колоритный Куприн, часто здесь бывавший, беседует с Чеховым, делясь впечатлениями, рассказывая... ну пусть витой сказ о Суламифи: красивый, как пышный восточный ковер. Чехов слушает благосклонно.

Есть и Крым Льва Толстого... Здесь, конечно, прямая связь с «Севастопольскими рассказами», в которых, если положить руку на сердце Литературы, был впервые использован поток сознания, хоть автором метода и считается Пруст.

Есть интересная фотография 1901 года: Толстой и Чехов беседуют – граф за столиком, Чехов чуть поодаль, в кресле; Толстой, кажется, поднимает большой палец, возможно, оценивая действо «Душечки», от которой сам граф, по его же признанию, поумнел... А может быть, рассказывает Чехову



Исаак Левитан. «Автопортрет». 1880

о будущем построении отца Сергия! Ведь двойственно все – сколько бы мог достичь во внешнем мире Стива Касатский! И полководцем стать, и царедворцем, и философом... А стал свернутым в свиток, не верящим почти, смиренным усмирением жизнью героем великого рассказа...

Ялта сияет... Она провоцирует на творчество. Она и Мицкевичу диктует великолепные строки «Крымских сонетов», сверкающих каждой своей гранью.

Вот Маяковский в Ялте. Будущий горлан-главарь, окруженный командой футуристов. Они ошеломляют живущий провинциальной размеренностью Крым, бушуют азартом, завораживают своей смелостью и молодостью, словно отрицая людскую косность.

Маяковский бывал в Крыму не раз: и юным, и уже признанным поэтом; пишет в Ялте поэму «Хорошо», звенящую, как и положено, стальными ритмами футуризма.

Всем противоположен Маяковскому Максимилиан Волошин. Связан с Крымом мистикой жизни, равно как и тайной поэтического своего действия. Но и живописью тоже... Плавно звучат акварели – музыкальные, как строки поэта.

Стих Волошина, торжественный, полный византийской пышности, не чужд и приглушенных тонов:

*Я вновь пришел к твоим ногам
Сложить дары своей печали,
Бродить по горьким берегам
И вопрошать морские дали.*

*Все так же пуст Эвксинский Понт
И так же рдян закат суровый,
И виден тот же горизонт,
Текущий, гулкий и лиловый.*

Волошин-поэт, будто разрывая оковы современности, становится современником античным временам: сложным и ясным, простым и величественным.



Портрет Максимилиана Волошина работы Б. М. Кустодиева. 1924

Волошин-художник состоялся благодаря Крыму. Холмы, точно впитавшие субстанцию многовековой истории, пустынные берега, не нуждающиеся в людях, скорбные вертикали кипарисов. Какая мощная натура! И живопись Волошина расцветает, перекликаясь с поэзией, пропитываясь ею.

Вот фейерверки футуризма собственного образца Игоря Северянина:

*Мы в Ялте пробывали два дня лишь
И наняли автомобиль
На Симферополь, снеготыль
Вздвигив. О, как меня ты жалишь,
Змея воспоминанья! – В край
И олеандров, и магнолий
Меня вдруг повлекло всей волей...*

Ялта щедро раскрывает крылья вдохновения... Вся в зарослях цветов, в переливах и оттенках моря, в творчестве и бытии, она одаривает вечностью счастья, отрицающего саму смерть.

ПОЛУОСТРОВОВ СОКРОВИЩ СЕН-ЖАН-КАП-ФЕРРА

Глава из книги «Истории из пропавшего чемодана» (начало в № 163, сентябрь/октябрь)

АЛИСА ДАНШОХ



Сен-Жан-Кап-Ферра

Долгое время основной причиной покупки собственности на Кап-Ферра являлась потребность сохранения уединенного личного пространства вдали от завистливых посторонних глаз, среди себе подобных из класса имущих. Тихо, спокойно, комфортно, приятный климат, красивые виды... Кап-Ферра никогда не был тусовочным местом, подобно Сан-Тропе, никогда не был популярен среди молодежи. Сюда ехал народ возрастной в поисках безмятежной тишины – но на полчасовом расстоянии от всевозможных благ шумной цивилизации. Владельцы вилл на полуострове окружали себя пышной растительностью и высокими заборами. Между особняками пролегали неширокие улочки с узенькими

тротуарчиками, а то и вовсе без них, ибо незачем посторонним здесь ходить. Однако любопытные все равно сюда проникали, и у них создавалось странное впечатление. Им казалось, что они попали на необыкновенное кладбище. С улицы домов-памятников не видно, а вместо имен и фамилий на оградах красуются таблички с названиями вилл – безымянный эксклюзивный погост для миллионеров. Посторонние здесь не ходят, так же как и свои. Очень редко проезжают маршрутные микроавтобусы, в которых никого нет и которые на пустых остановках не останавливаются. А действительно, зачем? Весь народ выходит либо у музея Беатрис Ротшильд, либо в порту. Остальные передвигаются на личном автотранспорте.

Начиная историю про Кап-Ферра, я решила постараться быть по возможности объективной. Преисполнившись сим благим намерением, я не только ознакомилась с туристическими буклетами, но и прогулялась и проехала по полуострову. Я посетила местные достопримечательности, несколько ресторанов и кафе, обошла порт, заглянула на выставку живописи очень современного художника. Не поленилась зайти в два старейших пятизвездочных отеля, чтобы на себя примерить ощущения «зимника» начала XX века. Также я пересмотрела несколько англоязычных фильмов второй половины двадцатого столетия, в которых снималась когда-то модная гостиница *Voile d'or*. Ее партнерами были Роджер Мур, Тони Кертис и многие другие. В отличие от своих «сухопутных» отелей-собратьев «Золотой парус» всегда готов выйти в море, прихватив всех желающих. Уйма знаменитостей сживала «под парусом»: женщины щеголяли спутниками, а мужчины, потягивая коктейли, без стеснения разглядывали стройные ножки девушек во всевозможных бикини. Однако эти любители лазурийской летней жизни почти все были либо постояльцами *Voile d'or*, либо посетителями Кап-Ферра. Лишь иногда сюда заходили гости с местных вилл в поисках дополнительных развлечений. Те, к кому они приехали, гостиничной обстановке предпочитали личный шезлонг под собственным зонтиком у своего бассейна, неограниченную выпивку из личных

запасов и безукоризненное обслуживание нанятого персонала. Скорее всего, они не пилились на чужую полуобнаженную натуру, ибо среди ими приглашенных наверняка находились чаровницы с соблазнительными формами. В крайнем случае их заменяла садовая скульптура, лишенная верхней одежды.

Недавно мне попалась небольшая по объему книга под названием *La Villa Mauresque* («Вилла Мавританка»). Эту виллу построили на Кап-Ферра в начале XX века. Она и сегодня прекрасно себя чувствует, прячась в густой листве высоких деревьев. С улицы невозможно разглядеть, осталось ли что-нибудь от псевдомавританского стиля, которого на побережье хоть отбавляй. В 1927 году «Мавританку» купил известный английский писатель Сомерсет Моэм. Немаленький дом с большим парком в четыре гектара оказался ему по карману, что свидетельствовало о финансовых успехах популярного пятидесятилетнего драматурга и романиста. Если Беатрис Ротшильд на Кап-Ферра экибанировала свое богатство, если король Леопольд прятал интимную жизнь, то писатель Моэм искал здесь убежище. Он бежал из Англии, пытаясь вырваться из плена незыблемых британских устоев, из стереотипов общественной морали. Это была добровольная ссылка со всеми удобствами.

Моэм поменял Англию на Францию, потому что любил эту страну. Он в ней родился, и язык Гюго, Бальзака и Бодлера был его родным в первые годы жизни. Ему импонировал республиканский лозунг «Свобода, Равенство, Братство», хотя он прекрасно понимал, что все в мире относительно и красивые слова редко совпадают с их смыслом. Тем не менее за посаженными писателем высокими деревьями, скрывавшими от остального мира происходящее на вилле, Моэму удалось воспользоваться в личной

жизни главным завоеванием местной буржуазной революции – свободой. На «Мавританке» он жил с кем хотел и как хотел, принимал и приглашал только тех, кого хотел видеть и с кем ему было приятно проводить время. Список его гостей будоражил воображение местных журналистов и обывателей, вызывая невероятные слухи среди падкой на сенсации общественности Золотого треугольника.

От автора

Я попробовала вырастить мифы Лазурного Берега. Я взяла из книг и жизни распад. Несколько лет обильно поливала ее культурологическими изысканиями, сплетнями, догадками, домыслами, удобряла раствором воображения. С интересом наблюдала за ростом, неоднократно пропалывала. Настало время собрать урожай...

Алиса Даншох

Причина, по которой я выбрала Сомерсета Моэма из внушительного гламурного перечня временных обитателей полуострова, очень личная. Дело в том, что он оказал на меня в юности колоссальное влияние. Однажды, отправляясь на несколько белых ночей в Ленинград в гости к двум прелестным дамам, дружившим с моими дедушкой-бабушкой, я взяла с собой в дневной поезд «Юность» толстенький том под названием «Бремя страстей человеческих». Думаю, меня соблазнило слово «страсти» – красными буквами на сером фоне обложки. Долгие железнодорожные часы чтения мелькали быстрее, чем пейзажи за окном. После ужина и милой беседы за вечерним чаем в отведенной мне комнате я продолжила знакомство с романом, уснув с книгой в руках. Последующие два дня я провела на скамейке Михайловского сада с Моэмом, пока он не закончил повествование. Меня поразили две вещи. Во-первых, сравнение жизни с узором на ковре: он прост, но его надо суметь вышить. А второе – автор объяснил

мне доселе непонятное явление в человеческих отношениях: как умному, интеллигентному, воспитанному, тонко чувствующему человеку может нравиться вульгарное, пошлое, глупое, безвкусное существо? Я и по сей день иногда недоумеваю, что за феромон такой с легкостью отключает мужские мозги при столкновении с чувственной агрессией плебейской доступности таких девиц, как Милдред из «Бре-

мени страстей человеческих». Если в автобиографическом романе герою все же почти удастся преодолеть пагубное влечение к «недостойной», то в реальной жизни автор «влип по полной»: мало того что он долгие годы провел между двух чудовищных «Милдред», но даже их смерть не избавила Моэма от перманентного стресса.

Кто же они такие и откуда взялись, эти две ужасные Милдред Вильяма Сомерсета? Свое сорокалетие Моэм отметил первым произведением из серии «подводя итоги» – романом о смысле жизни и страстях. Если многим знаменитым писателям, таким как Чехов, Мопассан, Джек Лондон, после юбилейных сорока оставалось жить совсем недолго, то Моэму предстояло преодолеть пять десятков лет. Период кризиса среднего возраста у него совпал с началом Первой мировой войны, что, пожалуй, и определило его дальнейшую судьбу. О, он не изменил своему главному призванию – литературе, однако шумному материальному успеху салонного комедийного драматурга предпочел тяжелый труд



Отель *La Voile d'or* на полуострове Сен-Жан-Кап-Ферра

бытописателя «правды жизни», населенной многочисленными персонажами и их историями. В рассказах Моэма чувствуется влияние его любимого французского писателя Ги де Мопассана, но они еще и беспристрастней: ни сочувствия, ни сострадания, как, впрочем, и экзистенциальной чернухи вы в них не найдете.

Моэм чрезвычайно работоспособен. Он гордился тем, что «писателя я из себя сделал сам». Для литературной выпечки ему необходимы свежие дрожжи из людских характеров и судеб. Проблема лишь в том, где их раздобыть, ведь светской лондонской тусовки явно недостаточно. Свой опыт работы врачом, как и собственную биографию, он уже использовал. И тут случается война. Для писателя это шанс испытать острые ощущения, с одной стороны, а с другой – проявить патриотические чувства. В составе мобильной бригады Красного Креста он в качестве врача отправляется на фронт, на передовую. Здесь, под пулями, среди стонов, смертей и страданий, солдат Моэм встречает главную любовь своей жизни – молодого американца Джеральда

Хэкстона. Их связь продлится тридцать лет, и лишь смерть разлучит всемирную знаменитость с его литературным, и не только, секретарем. Хэкстон и стал в жизни писателя той самой «Милдред» из романа «Бремя страстей человеческих». Моэма привлекали в нем жизнелюбие, авантюризм и фантастический дар общения, в котором писатель так нуждался. Джеральд мгновенно сходил с людьми, будь то на пароходе, в клубе, в отеле, в баре... Благодаря обаянию и общительности Хэкстона, его умению разговаривать любого Моэм получал готовые сюжеты будущих рассказов. Писатель находился в состоянии перманентного восхищения другом и не замечал (или не хотел, скорее всего, замечать) его «теневые» стороны. По негативности Джеральд явно переигрывал романную Милдред. Безрассудный авантюризм по сравнению с другими качествами был его положительной чертой, потому что все остальные «достоинства» приводили в ужас. Он был игроком, пьяницей, наркоманом, развратником, профессиональным бездельником, человеком безответственным, ненадежным, скользким

и нечистым на руку. Неужели Моэм не понимал истинной сути Хэкстона? Долгие годы он платил по счетам Джеральда, содержал его, ублажал, терпел измены, предательства, безобразные скандалы и многое другое. В одной из пьес писатель вывел Хэкстона в образе жиголо, про связь с которым проницательная подруга возрастной и состоятельной возлюбленной молодого человека высказалась откровенно и нелестно: «Судя по всему, вы испытываете истинную страсть к подлецам, и они поэтому всегда дурно с вами обходятся». Но когда любишь, так ли уж это важно? Моэм любил и все прощал.

Что касается второй «Милдред» писателя по имени Сайри, то она и после ухода из жизни не была амнистирована. На самом деле Сайри возникла на горизонте модного лондонского литератора в 1913 году, то есть на год раньше Хэкстона. У нее с Моэмом случился бурный неплатонический роман. Ни он, ни она не отличались безукоризненной нравственностью и не следовали строгим правилам общественной морали. В то время Сайри пребывала замужем за престарелым американцем-миллионером, за которого выскочила в шестнадцать лет. Брак не мешал ей крутить романы направо и налево, а также занимать должность высокооплачиваемой любовницы богатенького владельца знаменитого лондонского магазина «Селфриджес». После развода от мужа ей досталась роскошная квартира в Нью-Йорке, дом в Париже, вила в Нормандии, а от содержателя престижного универмага – суперособняк в Риджентс-парке. Почему светская львица положила глаз на сильно заикающегося некрасавца с бисексуальной ориентацией? Пожалуй, такое ее решение вызывает недоумение. Возможно, она нашла тридцатидевятилетнего востребованного драматурга

подходящим для себя объектом, ибо он прекрасно танцевал, был принят в обществе, умел быть обаятельным и остроумным. Кроме того, он отменно играл в бридж и гольф, галантно ухаживал за женщинами и умел не только заводить полезные знакомства, но еще их и поддерживать.

Очень чувствительная к чужой известности, тщеславная, капризная, своевольная и сексуальная Сайри, протанцевав всю ночь напролет в объятиях Моэма провокационное танго, закрутила с ним безумный роман. Надо сказать, что писатель не сопротивлялся и какое-то время демонстрировал взаимность, хотя и в более сдержанной манере. Как ни странно, в планах Моэма время от времени возникала мысль о женитьбе: «... Я воображаю себя женатым в принципе, а не на какой-то конкретной женщине. Женившись, я обрел бы покой... и устоявшуюся и достойную жизнь. Я стремился к свободе и полагал, что обрету ее в браке». Как же он ошибался! Смутный объект предполагаемой женитьбы материализовался в образе Сайри. Можно сказать, что она его в конце концов получила. Для этого она сначала родила от него дочь Лизу, а потом развелась с американским мужем. Этими двумя поступками Сайри приперла Моэма к брачной стенке. Возможно, ему бы и удалось вырваться из матримонического капкана, если бы не шумный гомосексуальный скандал, связанный с его литературным секретарем и любовником Хэкстоном. После непристойного дебоша Джеральда навсегда выслали из Англии. Моэм решил, что в данной ситуации ему не помешает подстраховаться и получить официальный статус добропорядочного семьянина. Впрочем, как мы знаем из истории английской литературы, Оскара Уайльда подобный статус ни от тюрьмы, ни от смерти на чужбине не спас.

Итак, в 1917 году Вильям Сомерсет Моэм узаконил отношения с матерью своей дочери Лизы и тут же укатил в долгосрочное загранпутешествие с возлюбленным секретарем Хэкстоном. Отношения между Сайри и Джеральдом по вполне понятным причинам не складывались. Моэм крутился между женой и любовником как уж на сковородке. Он старался не обращать внимания ни на провокации Хэкстона, ни на истерики супруги и по возможности избегал выяснения отношений с обоими. Он не мешал Сайри вести ту жизнь, какую ей хотелось, не ревновал к поклонникам, сексуально не домогался и не претендовал на роль примерного мужа, отца и хозяина дома. А капризной и своевольной светской дамочке и в голову не приходило с кем-либо считаться вообще, а уж с собственным супругом тем более. Сайри принадлежала к племени живущих с требованием «обслужите меня». Материально Моэм ее обслуживал, но на все остальное у него не было ни времени, ни желания. Главным в его жизни была работа. Она позволяла содержать любовника и жену, да и себе не отказывать в скромных развлечениях. Он любил и карточные игры, и застолье, и увеселительные поездки, но в умеренных дозах, ибо делу время, а потехе час.

Делу Моэм уделял не менее трех часов в день и шутил по этому поводу: «Если Чарлз Дарвин работал ежедневно не больше трех часов и сумел изменить весь ход человеческой мысли, то с какой стати я, который никогда не имел в виду ничего менять, должен трудиться дольше?» На самом деле времени за письменным столом он проводил больше и строго по расписанию распорядка дня, особенно при оседлом образе жизни на Кап-Ферра. В путешествиях бюро не всегда оказывалось под рукой, что не отражалось на производительности

труда. Сначала в Лондон, а потом на Лазурный Берег он всегда возвращался с путевыми заметками, которые неизменно публиковал. Собранные в поездках сюжеты трансформировались в рассказы. Его книги хорошо продавались. Он тщательно отслеживал все контракты и не упускал случая потроговаться с книгоиздателями. Он умел себя продавать. Гонорары набегали немаленькие, их хватало на скромную жизнь второразрядного миллионера на гламурном полуостровке Золотого треугольника Лазурного Берега.

Купленную у сестры покойного епископа Шарметтана виллу *La Mauresque* Моэм основательно перестроил. Мавританский стиль, столь дорогой сердцу усопшего монсеньора, писателю не нравился, и от всех восточных украшений он постарался избавиться. Жилым помещениям были добавлены квадратные метры, значительно увеличены размеры террасы, появились бассейн и теннисный корт, а часть парка превратилась в прекрасный фруктовый сад. Кстати, писатель завез во Францию с Востока полюбившееся ему авокадо и стал у себя его выращивать, за что все лазурийское население говорит ему *grand merci*. Начиная с ноября, темно-зелено-коричневатые плоды внедрялись в меню обедов и вызывали восхищение гостей, подстегивая самодовольство хозяина. Обслуживающий персонал виллы насчитывал четырнадцать человек, половину из которых составляли садовники. В гараже блистали ухоженностью два роскошных авто, а у морского причала покачивалась яхточка.

Моэм был гостеприимен, хлебосол и тщеславен. Гостей принимали беспрерывно. Некоторые из них подживали неделями, и писатель начинал жаловаться, что приглашенные мешают ему работать, но без них он обойтись не мог. Они стимулировали его воображение,



Сомерсет Моэм

снабжали информацией и развлекали во время трапез, которыми он мастерски дирижировал. Публика ему была необходима: театр всегда оставался частью его жизни. А потом, с кем бы он играл в бридж? Немаловажным было и то, что гости «привязывали» Хэкстона к дому, лишая возможности проводить слишком много времени вдали от бдительного ока друга-работодателя. Впрочем, «око» к 23 часам угасало, откланивалось и удалялось на покой. А молодежь под предводительством неугомонного Джеральда пускалась в загул, проводя ночные часы в казино, барах, на танцах и в ресторанах.

Приглашенные на виллу делились на три категории: родственники, близкие друзья и знаменитости. Именитых представляли Уинстон Черчилль, лорд Бивербрук,

дня хозяина, за редчайшим исключением, когда и он присоединялся к остальной компании. Как правило, день был расписан чуть ли не по минутам. Ровно в восемь ему подавали *petit déjeuner* (первый завтрак) в английском духе: чай со сливками, овсянка и свежая пресса. После приведения себя в гигиенический порядок с поварами обсуждалось меню на текущий день. Затем Моэм уединялся в рабочем кабинете, куда всем без исключения доступ был запрещен в любое время суток. Кабинет находился на плоской крыше виллы, откуда открывался вид на Вильфранш, еще не обезображенный архитектурными шрамами великого зодчего Ле Корбюзье, загнавшего послевоенное человечество в железобетонные клетки. Чтобы не отвлекать писателя от дел на созерцание соблазнительного

пейзажа, письменный стол смотрел не в окно, а на книжные шкафы. Моэм писал перьевой ручкой, исписывая летящим почерком нелинованные белые листы. Тексты правил, не жалея чернил, но никогда заново не переписывал. С написанным он поступал по-разному. Если, например, пьеса не имела успеха, он переделывал ее в роман. Не слишком удавшийся роман мог превратиться в драму, а рассказ — в сценарий. Так сказать, безотходный творческий процесс. Главное — результат в денежном эквиваленте.

Трудное и несчастливое отрочество в доме дяди и в частной школе добавили Моэму комплексов. Казалось, он соткан из противоречий и предубеждений. Он любил, когда его творчество хвалили, но не читал про себя статей, боясь критики. Недоброжелателей и завистников хватало с избытком. Великим Моэм себя не считал, отводя себе лишь скромное первое место в ряду писателей второго эшелона.

Отрываясь от работы, Моэм смотрел на фотопортрет матери, стоявший на письменном столе. Она была единственной женщиной, которую он не просто любил, а боготворил. С ней он был по-настоящему счастлив — увы, всего несколько первых лет жизни. Эдит Снелл была и красавицей, и умницей. Она весело смеялась, придумывала забавные игры и развлечения для своего младшенького любимчика — сыночка Вилли. Ближайшая подруга Эдит однажды ее спросила, почему она вышла замуж за столь скучного и неказистого мужчину.

— За всю нашу совместную жизнь он ни разу меня не обидел, — был ее ответ.

С точки зрения многих знакомых супруги, Моэм слыли странной парочкой, их называли «Красавица и Чудовище». Трое их старших сыновей жили в Англии, ревновали младшего брата Вилли к матери, и, возможно, именно ревность

послужила причиной несложившихся между ними отношений в дальнейшем. Смерть горячо любимой мамы от туберкулеза настолько травмировала Вилли, что он стал заикаться, и этот недуг оказался неизлечимым. Вместе с Эдит от мальчика ушли ласковая забота, безоговорочное понимание и великодушная необидная снисходительность. Ни одна из дочерей Евы, которые всегда окружали писателя, не смогла приблизиться к его пониманию женского идеала, а меньше всех — собственная жена Сайри.

Впрочем, среди друзей Моэма встречались и подруги, с кем он переписывался и кого приглашал в гости. Самой близкой из них была красавица Барбара Бэк, жена известного лондонского хирурга и хозяйка модного аристократического салона с интеллектуально-гомосексуальной ориентацией. Они подружились на почве гольфа и бриджа, регулярно обменивались письмами на протяжении тридцати пяти лет, и все эти годы Барбара неизменно оставалась веселым, разумным и остроумным корреспондентом. Пожалуй, у Моэма за всю его долгую жизнь не было более близкой и безмятежной дружбы, чем с прекрасной Бэк. При тяжелом и, эх, каком непростом характере писателя, особенно в последние годы жизни, «их отношения сложились счастливо и оставались гармоничными, непосредственными и абсолютно безоблачными», как писал журналист, прозаик и близкий друг Моэма Биверли Николз.

Скверный характер, как и удивительное внешнее сходство, достались Вилли от деда по отцовской линии. Дед сделал в провинции карьеру, сколотил небольшое состояние и переехал в Лондон. Увы, его деньги до внука не дошли. Оставшись сиротой под опекой дяди священника, мальчик получал ежегодную ренту в размере 150 фунтов — сумма весьма скромная даже

по тем далеким временам. Часть этих денег юный Моэм использовал на путешествия в Испанию и Италию. Когда же после сорока гонорары стали много ему позволять, он «перестал сопротивляться охоте к перемене мест». Однажды он заметил: «По натуре я бродяга, однако путешествую не для того, чтобы любоваться



Сомерсет Моэм на карикатуре Дэвида Лоу

внушительными монументальными... или красивыми пейзажами... Нет, я разъезжаю по миру, чтобы знакомиться с людьми...» По существу, для Моэма передвижения и перемещения — это образ жизни: «Я обречен самой природой и судьбой вести деятельную и беспокойную жизнь». Свои путешествия он называет «творческими командировками» в поисках сюжетов и героев. Не менее важным мне кажется заявление писателя, что «путешествие дает мне чувство свободы, освобождает от ответственности и обязанностей». В первую очередь, надо полагать, от обязанностей главы семьи, супруга и отца. Этим же можно объяснить согласие Моэма на сотрудничество с разведывательными службами Великобритании. Сам собой разумеется, что опыт работы

британским агентом он сублимировал в творчестве в виде похождений шпиона Эшдена. Жаль, что Эшден скучноват и мало похож на грядущего Джеймса Бонда, зато в нем легко узнается автор. Он, как и Моэм, сдержан, наблюдателен, собран и супернадежен. Он отличается здравомыслием, выдержкой, скромностью и самоиронией. Он любит бридж и коньяк и вообще-то равнодушен (или беспристрастен?) к людям, за которыми зорко присматривает. Возможно, Моэм считал, что хороший писатель должен обладать задатками хорошего разведчика. Однако в действительности оказалось, что при наличии всех необходимых качеств шпион из Вилли не получился, а писатель вышел отменный.

Страсть к путешествиям неожиданно круто изменила жизнь

Моэма. Воспользовавшись долгим отсутствием мужа и не поставив его в известность, Сайри сдала их лондонскую квартиру, и, вернувшись на родину, писатель оказался бездомным. Сначала он пришел в бешенство, а потом благоразумно рассудил, что все, что ни делается, все к лучшему, и предпринял ответный ход. Своим поступком супруга спровоцировала его на принятие важного решения: в Лондоне места для него нет, поэтому он меняет место жительства и купит дом в прекрасной и любимой Франции, где будет жить долго и счастливо с другом Джеральдом. Сказано – сделано, и на полуострове Сен-Жан-Кап-Ферра приобретена вилла *La Mauresque*. Как уже было замечено, Моэм основательно перестроил дом под себя и Хэкстона. Едва закончив работы, он пригласил Сайри, гостившую у друзей в Антибах, взглянуть на «Мавританку». Трудно сказать, что двигало писателем в первую очередь, когда он звал жену на Кап-Ферра. Была ли это элементарная вежливость? Или желание похвастаться собственным проектом перед талантливой, модной и успешной дизайнершей, коей она себя в то время позиционировала? Возможно, он хотел подчеркнуть свою независимость в принятии столь важного решения о формальном разезде и тем самым поставить женщину на место. Как бы там ни было, результат визита Сайри на Кап-Ферра оказался непредсказуемым. Вернувшись в Антибы, она передала с шофером Моэму записку, в которой сообщала, что начинает с ним бракоразводный процесс.

Что же такое произошло в тот день на вилле Лазурного Берега? Что заставило Сайри в одночасье принять столь важное решение после четырнадцатилетних отношений? Мне кажется, что главной причиной стало уязвленное чувство собственной значимости.

Самолюбивая и самоуверенная дама вдруг увидела и осознала, что в новом доме мужа для нее нет места, про нее даже не вспомнили. Она – жена знаменитого писателя, светская львица, законодательница интерьерной моды, разработавшая «белый стиль Сайри»! – оказалась забытой женщиной, не стоившей внимания. Подобного унижения она не могла пережить и начала мстить. В ход пошли сплетни, оговоры, претензии, истерики и дорогостоящие адвокаты. Через два года супругов развели по причине семейной несовместимости. Моэма приговорили к серьезной пожизненной сумме алиментов, что не способствовало улучшению его мнения о женщинах. А бывшую жену он яростно возненавидел. В конце концов он объявил женщине главным злом в жизни мужчины. Даже смерть Сайри не смягчила вынесенного дочерям Евы приговора. Единственной реакцией на кончину супруги был вздох облегчения: наконец-то его расходы сократятся.

Итак, дожив до 91 года, Моэм похоронил обеих своих «Милдред». Потерю Джеральда Хэкстона он искренне оплакивал в прямом и переносном смысле слова, что не помешало ему заранее подстраховаться и найти замену горячо любимому, но далеко не лучшему литературному секретарю. Литсекретаря № 2 звали Аланом Серлом. Ни достоинствами Хэкстона, ни его недостатками и пороками запасной вариант Серл не обладал, зато был покорным и исполнительным. Честно говоря, Моэму с Серлом очень повезло: он оказался сущей находкой и по большому счету достойной компенсацией ущерба, понесенного писателем от двух «жутких Милдред». Алан стал и образцовой женой, и превосходным секретарем, а в поздние годы жизни писателя – нянькой и сиделкой. Беззаветное служение себе Моэм оплачивал весьма

скромно, чего в один прекрасный момент устыдился. Он решил все исправить, забыв, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Он хотел как лучше, а вышел отвратительный скандал, подпортивший еще больше его репутацию. Моэм усыновил Серла и лишил наследства дочь Лизу, заявив, что его отцовство не доказано, ибо на момент рождения ребенка его мать находилась в браке с другим человеком и в активных отношениях с третьим. В конфликте отца с дочерью французский суд встал на сторону Лизы, и усыновление Серла, как и завещание Моэма, признал недействительным. Зато на основании предоставленных дочерью документов суд признал отцовство писателя. После смерти Моэма «Мавританку» получила Лиза, а обстановку от продажи очень хорошей коллекции живописи, собранной писателем, почти все достались дочери.

Несмотря на нелюбовь Виллы к его британской альма-матер, где был несчастлив, он завещал ей не только деньги на оборудование научной лаборатории, не только свою отменную библиотеку, но и собственное тело. Его захоронили на кладбище при церкви учебного заведения. Сей парадоксальный поступок писателя мне показался продуманным и дальновидным. Он не обманывал себя, ибо был уверен, что земная слава скоро течна. Кто знает, будут ли читать его книги последующие поколения, а на британские традиции можно было рассчитывать – во второй половине XX века они еще казались незыблемыми: имена благодетелей, дарителей, спонсоров всегда останутся в памяти и в почете. Расчет оказался верным. Каждый учащийся школы, даже если не читал произведений Моэма, все равно знает его фамилию, пользуется книгами из его библиотеки и проводит опыты в научной лаборатории,

построенной на его деньги. Что касается читающей аудитории, то пока он ею окончательно не забыт. Иногда в театре ставят пьесы, им написанные, иногда снимают фильмы по его произведениям. Студентам, изучающим английский язык, до сих пор предлагают читать его романы и книги. В прессе вспомнили про юбилей писателя и отметили его публикациями разного рода. Некоторые показались мне интересными.

Вилла «Мавританка», на которой он прожил почти сорок лет, неоднократно меняла владельцев. Сегодня ее территория сократилась в четыре раза, а внешний облик никак не соответствует названию. Впрочем, посаженные Моэмом деревья разрослись так, что полностью скрывают ее от посторонних глаз, да и мимо никто не ходит в этой части полуострова. Попасть на виллу я не смогла, зато постояла у въездных ворот с табличкой *La Mauresque*. Мне пришлось включить воображение, и я увидела печальное возвращение Моэма из Америки после окончания Второй мировой войны. Вилла была в плачевном состоянии. Ни итальянцы, ни немцы, ни французы ее не пожалели: все, что можно было украсть, украли. Дорогое вино выпили, дорогие авто исчезли, а собак, говорят, съели. В целостности осталась лишь коллекция живописи, потому что Хэкстон успел ее спрятать у знакомых писателя до начала оккупации. За океаном Моэм тяжело переживал капитуляцию Франции в сороковом году – он так любил эту страну... Однако, вопреки чувствам, попытался объяснить ее унижительное поражение характером французов: их высокомерием, заносчивостью, любованием собой, их «взглядом на мир свысока». В книге «Строго по секрету» Моэм писал: «С французами так трудно оттого, что они убеждены: им нет в мире равных, они все делают гораздо лучше остальных. Лучше готовят, лучше

пишут картины, лучше возделывают землю, лучше занимаются любовью и управляют страной... Потому-то они войну и проиграли...» Так о французах думал англичанин, любивший Францию.

Его мнение разделяют люди и других национальностей, менее лояльные к колыбели европейской демократии. Несмотря на своеобразие отношение к революционным завоеваниям 1789 года – свободе, равенству, братству, я остаюсь в рядах поклонников этой великой страны. Особенно меня восхищает французское мифотворчество. Каким воображением и какой самоуверенностью надо обладать, чтобы внушить всему честному миру, что под самыми яркими кулинарными звездами Мишлена производят лучшее в мире вино, изготавливают самые изысканные духи и наимодевейшим образом одевают ее Величество Женщину!

Однако в последнее время появился внимательный, вдумчивый и привередливый потребитель, готовый оспорить галльское превосходство в еде, вине, моде и запахе и потеснить французские рынки сбыта. И все же, несмотря на происки конкурентов, растущие цены на туристические услуги и ухудшение их качества, Франция по-прежнему остается для огромного количества людей соблазнительным, притягательным и гламурным местом. И в первую очередь – Лазурный Берег.

Оправившись от ковида, аэропорт в Ницце с трудом справляется с перевозками всех желающих. Номеров в недорогих гостиницах не хватает, и основательные летние толпы туристов бродят по местам боевой культурной славы. Например, в музей Беатрис Ротшильд на Кап-Ферра попасть непросто. И мало кому по карману остановиться в пятизвездочных отелях полуострова или даже провести вечер в их барах. Зато каждый,

без исключения, посетитель *Saint-Jean-Cap-Ferrat* может совершенно бесплатно воспользоваться десятикилометровой пешеходной тропой вокруг полуострова, если, конечно, имеются желание, время и подходящая обувь. Ах, какие сногшибательные виды вам открываются! Какими пейзажами вы сможете полюбоваться! А сколько миллионеров на этих дорожках вы не встретите!.. Если весь маршрут вам не по ногам, то 1200 метров имени Мориса Рувье вы наверняка одолеете. Эта короткая эксклюзивная асфальтированная тропинка здоровья указана во всех путеводителях. К ней легко подобраться: она стартует в Болье – там, где заканчивается бухта Муравьев, то есть сразу за углом отеля *Royal-Riviera*. Приведет она вас в новый порт, и к остановке автобуса, и к кафешкам. Передохнув, вы можете вернуться на большую землю или продолжить прогулку вдоль морского берега полуострова сокровищ.

Часть его богатств – квадратные метры земли, виллы с их содержанием – принадлежит очень состоятельным людям, что, безусловно, вызывает у некоторых зависть и мысли о социальной несправедливости. И совершенно напрасно. Иметь дорогостоящую собственность, платить за нее колоссальные налоги, мучиться зимой от повышенной островной влажности артритными болями, непрерывно заниматься текущим ремонтом и поиском обслуживающего персонала – это непреходящая головная боль, от которой ни престиж, ни гламур не спасают. Так давайте пожалеем озабоченных проблемами богачей и воспользуемся привилегиями не обремененного накоплениями человека. Давайте отправимся на изумительную прогулку по благоустроенной на деньги имущих налогоплательщиков тропе здоровья! Как видите, справедливость все-таки существует.

ХУДОЖНИК, ТВОРИВШИЙ СВОЙ ЗРИМЫЙ И НЕВИДИМЫЙ МИР

Алексей Комаров: «Я думал, что Пески будут моей последней и тихой пристанью, но мы пережили в Песках войну...»

АЛЕКСЕЙ ШУЛЬГИН



С возрастом я стал замечать, что все чаще ухожу мыслями в прошлое. И сам не знаю, плохо это или хорошо? Но знаю, как важны воспоминания о судьбах замечательных русских людей.

Мне посчастливилось много писать о знаменитом художнике-анималисте Алексее Никаноровиче Комарове, касаясь разных сторон его судьбы и искусства. Он родился 1 октября 1879 года, когда правил Александр II (Освободитель), а умер 31 марта 1977 года при Брежневе. Я мог бы многое написать о своем любимом художнике и сейчас, но в этот раз коснусь трагического отрезка жизни Алексея Никаноровича, связанного с Великой Отечественной войной. Вы спросите, где престарелый художник-анималист со своими зверями и птицами, а где война? Однако много ли осталось правдивых, непредвзятых свидетельств о том страшном и героическом времени? Мемуары военных и политиков – это совсем иной угол зрения, чем воспоминания гражданских лиц, тем более стариков, которых роковые события закрутили вихрем. Эти драгоценные странички воспоминаний воскрешают жизнь людей в годы войны...

Василий Песков, известный писатель, журналист и телевизионный ведущий, написал о Комарове

зарисовку «Рисунок с буквой “К”»: «В детстве каждому покупали картонные книжки. И мы впервые узнавали, что мир гораздо шире комнаты с игрушками, что в синюющем за бугром лесу живут трусливые зайцы, неповоротливые и добрые медведи, хитрая лисица, волки. Потом букварь. И опять со страниц глядят уже знакомые и незнакомые жители леса. Под одним из рисунков по складам я прочел подпись: “Ко-ма-ров”. Так состоялось знакомство».

Тысячи детей и взрослых открывали для себя творчество замечательного художника. Что это был за милый человек! Каким юмором обладал. Вот хотя бы отрывок из его письма: «Много народа поздравляли меня с 95-летием, и вот теперь надо им всем ответить и поблагодарить. А какая это заслуга дожить до 95 лет? Черепаха живет гораздо дольше, и никто ее не поздравляет».

Какой была война для 63-летнего художника, решившего не покидать своей мастерской в Песках, продолжавшего трудиться на благо своей советской родины? Алексей Никанорович записал: «Я думал, что Пески будут моей последней и тихой пристанью, но, к сожалению, мы пережили в Песках войну. Немцы подходили близко. День и ночь слышна была канонада, немецкие самолеты все время летали над нами и бомбили железную дорогу. Мой песик курцхар Марсик страшно боялся вражеских самолетов. Еще ничего не слышно, а он уже начинает волноваться, прячется, жалобно скулит – это значит, что приближается немецкий самолет, и действительно ухнет бомба, дрожат стекла».

К нам в Пески приехали многие художники и артисты из Москвы, думали, что здесь безопасней и, может быть, сытней. Пожили здесь недолго и уехали дальше на восток. Рядом со мной у Лентулова гостил Петр Петрович Кончаловский,

на даче Беккера жила Алиса Коонен, у нас жила наша старинная приятельница Вера Александровна Станюкович.

Наступила зима. У нас было достаточно дров, и мы не мерзли, но было голодно. У меня жил ослик, которого мне оставил Е. А. Львов. Ослик в морозы чувствовал себя плохо. Мы его закутывали всякими одежками, но у него зябли ножки <...>.

Весной мы ходили в поля и копали оставленную мороженую картошку, делали из нее крахмал и пекли лепешки. Осенью подбирали колоски, горох, лук. <...>

По вагонам ходили толпами нищие, жуткие морды, выскочившие из повести Гюго или из кошмарного сна. В тесноте и темноте вагона я потерял калошу. Калоши купить было невозможно, и я, признаться, очень опечалился, и вдруг самая страшная из всех физиономий протягивает мне мою калошу: “Твоя что ли?” Эта опухшая от водки физиономия с подбитым глазом, грязная, сальная, оказалась любезной и бескорыстной.

Из совхоза Непецино эвакуировали стадо племенных коров. На лугах около Конева Бора стадо остановилось. Здесь около стогов сена коровы лежали на снегу, на морозе, на холодном ветре. Коровы замерзли. Нам удалось притащить к себе одну замерзшую тушу. Она нас здорово поддержала.

Наташа и сестра Лиза собрались ехать в степь, в Воронеж, за мукой, за продуктами. Набрали все, что можно было поменять, все более ценное, что нашлось, и уехали. Это было невероятно героическое предприятие. Поезда не ходили, билетов не продавали, и только с большим трудом можно было втиснуться в товарный вагон. В нем было уже полно, и новых пассажиров встречали руганью и пинками.

В степи уже много народу перебывало, и продукты были выкачены.

С трудом можно было поменять на муку, на крупу хороший платок или материю. За иголку давали чашку молока, за катушку ниток – ломоть хлеба. Ночевать приходилось на полу, рядом с овцами или телятами.

На ст. Рязск в темноте товарного вагона измученная Наташа задремала, и у нее украли мешок с таким трудом добытых продуктов. К счастью, кто-то заметил, поднял тревогу и мешок у вора отобрали. Мешок был очень заметный, с большой черной заплатой. Эта заплатка и спасла продукты. Ну, вот, наконец, Наташа дома! Наташа цела и невредима добралась домой.

Настала весна, и мы, где только можно, стали сажать картошку. Сажали глазками и маленькими дольками. Наташа работала в лесничестве, и ей отвели кусок пахотной земли, и мы вспахали и посадили картошку, посеяли просо. Острый голод миновал. Были какие-то надежды. Правда, мы еще мечтали о таком времени, когда будет можно досыта поесть черного хлеба. Хлеб выдавали по карточкам. Стояла очередь за хлебом. До меня оставались только два человека. Ухнула бомба. Стекла в магазине вылетели. Нас всех из магазина выгнали. В это время фашистский самолет низко пролетел над нами и пустил по нам очередь.

Поезда в те страшные времена по ночам ходили без огней. Даже если кто зажигал спичку, то дамы подымали шум: “Гасите, гасите!” Как будто немец мог заметить (немца еще не было слышно) этот маленький огонек. <...>

Я шел по путям домой. Со мной на поводке курцхар Марсик. Неожиданно Марсик бросается в сторону и рывком поводка стаскивает меня с рельсов. Через мгновение мимо проносится темная махина паровоза. На волоске держится наша жизнь...



Фото: Екатерина Софронова

В Песках было много ворон, га-лок, грачей и всяких мелких пташек. У ворот висел большой самодельный почтовый ящик. Щель для опускания писем была сделана широкой, и синички облюбовали этот ящик для своего гнезда. Мы этого не знали. Смотрим, возле ящика валяются письма. Неужели почтальон так небрежно к ним относится? Оказывается, это синички выбрасывают лишние, по их мнению, письма. Посмотрели в ящик, а там уже восемь яичек в гнездышке. Зимой

синички безобразничают в моем тамбуре. Они истребляли до дыр ритуальную буддийскую маску и мои тюбики с масляными красками и выклеивали саму краску.

Все время в Песках я не переставал писать картины для Дарвиновского музея. С большим трудом приходилось добираться до Москвы. Поезда ходили не по расписанию и бывали случаи, когда поезд дожидались по 5–10 часов. Занять место в вагоне было очень мудро. Люди бросались к подходящим

поездам и на ходу вскакивали в них, рискуя жизнью.

Война кончилась. Не слышен гром канонады, не летают немецкие стервятники. Фашистов с позором выгнали из России. Воздух стал чист. Русский народ спешно заживает тяжелые раны».

Пережив все ужасы военных лет, Алексей Никанорович продолжил жить со своим семейством в Песках, творя свой зримый и невидимый мир, работая каждый божий день.

Много людей перебывало в гостеприимном Комаровском доме. Мне посчастливилось оказаться там в сентябре 2024 года. Жаль, что самого хозяина уже не застал. Но участок все тот же, также высятся дубы, березы, липы и осины, дом окружен садом, стоит теремок-мастерская, где много лет жил Алексей Никанорович.

Внучка художника Марина Львовна Хлебникова бережно хранит дедово наследие, как когда-то оберегала деда ее бабушка. Что за участок! Какой это чудесный дом!

Дмитрий Горлов, один из старейших художников-анималистов и друг Комарова, описывал дачу в Песках так: «Участок, на котором он собирался жить, зарос осиною и березой. Очень характерно, что через три года, построив двухэтажный дом с мастерской на втором этаже, он отказался от этого комфорта и перестроил старую избу, купленную в соседней деревне, на мастерскую. В ней он и работал до конца дней своих, окруженный красотой земли, ароматами цветов.

А цветов было кругом изобилие благодаря его жене Наталии Александровне Вальтер, цветоводу-селекционеру. Сад из года в год хорошел. Одной сирени в нем было 20 сортов. Весной расцветали крокусы, тюльпаны и нарциссы. Цвели яблони. Пели соловьи.

Кукушка облюбовала огромную сухую сосну, с которой куковала совсем рядом с домом, радуясь весне.

Летом цвели пионы, жасмин. Потом до заморозков радовало глаза обилие цветущих гладиолусов и георгинов, а яблони, сливы и облепиха ломились под тяжестью плодов.

Когда говорят или пишут о художниках, почему-то мало уделяют внимания их женам. А они играют огромную роль в жизни каждого художника.

В данном случае именно жене художник обязан и своей продуктивностью и своим долголетием. Меня всегда поражали неумная энергия и неистощимые силы Наталии Александровны. Ведь все огромное хозяйство, все бытовые трудности, селекционная работа лежали на ее плечах. Ее хватало на все. И все же основные силы, душевные, сердечные, отдавались Алексею Никаноровичу».

Марина Львовна встречает нас у погоста возле станции Конев Бор, где покоится ее дедушка. Выйдя из электрички, вдруг чувствуешь себя оглушенным тишиной. У станции цветут яблони. А справа от погоста начинается сосновый лес, в котором теряется дорога. Иди по этой грунтовой дороге и придешь к поселку художников. В деревьях порхают синицы, чечетки, зяблики, поползни, можно увидеть осторожных соек, важных дятлов или летящую к Москве-реке цаплю. Все они – герои Комарова. Все живет своей потаенной лесной жизнью, на которую человек редко обращает внимание. Поле заросло молодым березняком. Еще недавно здесь была пашня, а сейчас по осени тут ищут грибы. Стрекошет сорока, не очень ей по душе наш визит...

День идет за днем, течет жизнь человека. Но всегда что-то тревожит, будит смутные воспоминания.

Вот шкаф со скульптурами, сделанными Алексеем Никаноровичем. Марина Львовна рассказывает:

– Во время войны бабушка ходила на рынок продавать фигурки или меняла их на продукты...



Фото: Екатерина Софронова

– Кому нужны скульптуры на войне? – спрашиваю я.

– Детям нужны игрушки, – невозмутимо отвечает Марина Львовна.

А в шкафу – звериное царство: медведь, глухарь, лиса, заяц, филин, рысь... Работы художника, все делавшего для того, чтобы люди любили свое земное пристанище – мир и всех земных его обитателей: зверей, птиц, насекомых, рыб.

Мы идем к мастерской Комарова. Марина Львовна спрашивает:

– Обратили внимание на стекла? Пристально смотрим: о чем речь? И тут вдруг видим! Следы от бумажных лент – крест-накрест... Боже ты мой!

– С войны остались, – говорит внучка художника.

Странная вещь память: кажется, все уже в прошлом, но вдруг чувствуешь, как сжимается сердце... и прошлое начинает оживать.

ОДИНОКИЙ «ЮНКЕРС»

Мы продолжаем публикацию повести Валерия ПОВОЛЯЕВА

Карусель из «Яков» и «Месеров» закрутилась вокруг «Юнкерса» быстрее, – казалось, что из опасной гущи этой не выбраться, она проглотит одинокий «Ю-88», постарается сжечь его прямо в воздухе, сварить вместе с людьми, опрокинуть на землю, превратить экипаж Серебрякова и старого генерала в дым, в рассыпанные по пространству молекулы, в ничто... Оставалось одно: надеяться на Бога и удачу, молиться и еще раз молиться. Вдруг повезет?

Несмотря на грохот, разламывающий небо, на огонь и дымные хвосты, «Юнкерс» не отвернул от курса ни на градус, ни на полградуса, как шел по проложенному маршруту к Москве, так и продолжал идти.

Есть Бог на земле, есть, в этом Косяков убедился в очередной раз – воздушная схватка претерпела сбой, весь этот крутящийся, воющий, гроыхающий клубок самолетов неожиданно отвалил в сторону... Сквозь грохот стрельбы, внезапно угасший, на поверхность всплыл совершенно мирный звук двух работающих самолетных моторов, и слышно теперь было только это. Ни стрельбы, ни визгливого рева поврежденных двигателей, ни скрежета металла, ни тупых ударов пуль, пробивавших фюзеляжи самолетов – ничего этого не стало. Хотя перед глазами еще долго стояли картины воздушной сечи, подбитые машины сопротивлялись, хотели жить, отказывались умирать, и это было очень хорошо понятно Косякову... Ведь всякий самолет – это живое существо.

Вздыхнул старший лейтенант, взгляделся в карту – скоро подплывет поворотная точка, за ней через пятнадцать минут полета – вторая,

а там, если повезет, они по прямой пойдут на свой аэродром.

Косяков скосил взгляд на пленного генерала. Тот, похоже, расклеился совсем, бесформенно растекся по креслу, обе руки свесились к полу, застеленному ковром.

Интерна, присев на краешек свободного кресла – позади генеральского, – держала все движения сановного пленника под прицелом своего «вальтера». Хотя генерал внешне и дохлый вроде бы был, почти не подавал признаков жизни, но война есть война, пленник мог притвориться, а в следующий миг выкинуть какой-нибудь опасный фортель, чего никак нельзя было допустить. Потому Интерна и держала наготове пистолет.

Впрочем, со стороны могло показаться, что девушка отдыхает, глаза ее прикрыты и она ничего не видит. Но она видела все, находилась в напряжении – действительно, мало ли что мог выкрутить в самолете этот фриц. Вон и Голубенко был начеку, держал автомат на боевом взводе.

Интерна, которая, конечно, владела несколькими боевыми приемами, тоже могла при необходимости быстро скрутить его.

Пространство за иллюминаторами «Юнкерса» тем временем посерело, солнце завернулось в туманное одеяло, лучи его уже не пробивали плотную ткань, с востока на самолет надвигались неряшливо взбитые, полные мелкой снежной начинки облака, – колючая крупка эта вызывала на зубах свербение и холодную сыпь под мышками: этой крупной облака были набиты богато, как барская перина куриным пером. Косяков привстал на ремennem сиденье, глянул в иллюминатор – что там, внизу?

Земля пока была видна, хотя и плохо уже – вот под фюзеляж «Юнкерса» подползла неряшливая белесая копна, быстро размазалась по пространству, и земля исчезла. Вполне возможно, что в Москве сейчас идет снег, такой же плотный, как и утром, когда они взлетали... Экипаж «Юнкерса» еще не знал, что на Красной площади сегодня состоялся парад, который принимал сам Сталин, прошли танки и плотные ряды засыпанных снегом солдат... Солдаты прямо с площади направлялись на Ленинградское шоссе. Именно там фронт приблизился к Москве так опасно, что до него можно было дотянуться рукой.

Вот неряшливая облачная скирда немного сдвинулась в сторону, в результате образовался проем, в который можно было рассмотреть замутненную землю; среди ее расплывающихся очертаний были видны дома с заснеженными крышами, поля, ровная, похожая на темный шнурок полоска шоссе. Раз виден снег, раз по земле проложено асфальтовое шоссе – значит, скоро Москва. Снег валил только в Москве, да на подступах к ней, природа словно бы специально прикрывала город от подступавших со всех сторон немцев.

Мутная, длинная, как река прореха скоро кончилась, земля пропала, на нее надвинулась очередная гряда облаков, быстро сгустилась и вот уже ничего, кроме плотной серой наволочи, не было видно.

Вслепую нащупать реперные точки маршрута, сориентироваться по ним и привести самолет на свой аэродром очень сложно, а привести надо обязательно, и именно на тот аэродром, с которого они взлетели, и никуда больше.

Придется действовать по приборам «ленивой» навигационной системы, так называемой инерционной – магнитному компасу, который, к сожалению, часто врет, по радионавигации, по собственному чутью – а оно у штурмана должно быть острее собачьего, извините за сравнение. Впрочем, чего перед самим собою извиняться? Вообще-то Косяков очень хотел бы, чтоб в штурманских делах чутье у него было собачьим, – учитывая доказанный научным народом факт, что чутье у собаки в четыреста раз сильнее, чем у человека. Косяков усмехнулся невольно: «А можно ли говорить “чутье человека”? Не обидит ли это иного двуногого зверя?»

Одно было хорошо в серой полупрозрачной пелене – «мессеры» больше не появятся, в облаках да в тумане они не летают. В отличие от наших летчиков, которые иногда специально уходят в облачный слой, где сломать себе голову можно легко, зато так же легко можно обвести вокруг пальца немецкие истребители, и этот факт – важный.

От полетов, даже самых трудных, русские летчики никогда не отказываются, ведь это их обязанность, их воинский долг – летать; за орденами они не гоняются, ни на что не претендуют... Кроме наркомовской пайки после полетов. Косяков тоже принадлежал к этой профессиональной породе, для него старая команда «От винта!» звучала, как бальзам, способный вылечить всякую хворь, какой бы неприятной она ни была.

Он глянул на пленника, расплывшегося по креслу, словно перезревшее тесто. Лицо у генерала было бледным, глаза наполовину закрыты, рот плотно сжат. В сознании он находился или без сознания, непонятно, Косяков даже хотел сказать Интерне, чтобы та подошла к генералу, проверила, жив он или нет, но не успел – услышал жесткий, отчетливый голос Серебрякова, перебивший звук моторов:

– Штурман, что с курсом?

Поспешно приподнявшись, Косяков глянул вниз, через плечо второго пилота, – каждый раз, когда он это делал, ему хотелось попросить извинения у Малых, вот что значит московское происхождение, не дает забыть об условностях, – увидел, что они идут над очередной межоблачной плешинкой, внизу, в мелкой мути неясно просматривается земля...

В следующую минуту Косяков засек, что дрожащую муть эту перечеркивает извилистая темная полоса – это была река, несмотря на морозы, еще не замерзшая.

В сером, неподвижном, словно бы неживом пространстве просматривались стоявшие вразброс дома – это была Таруса. Косяков посмотрел на свои наручные часы, потом на часы, вмонтированные перед командиром в панель.

– Летим над Окой, товарищ капитан, – сообщил он, – внизу окраина Тарусы, впереди – Очаковские горы, точка поворота.

– Добро, – успокоенно произнес Серебряков. Косяков поставил на карте точку – обозначил Очаковские горы, за которыми следовало изменить курс на двадцать градусов. А там уж и родной аэродром недалеко, и вообще, это была уже своя земля. И коммуникации другие и поддержка снизу есть. Косяков отметил, что ему вроде бы стало немного теплее.

Через пять с половиной минут «Юнкерс» совершил поворот, с левой, командирской стороны, внутрь пролился дрожащий снежный свет, а через три минуты сорок секунд пространство за обшивкой начали шустро перечеркивать крупные белые мухи – они опять вошли в зону падающего снега.

Впрочем, снегопад, встретившийся в воздухе, был для них явлением привычным, на прошлой неделе он сопровождал их каждый день; каждый день Серебряков летал вслепую и научился видеть землю сквозь снег.

Хотя как такое возможно, не было ведомо никому, ни одному человеку на свете.

Мутная плешина, возникшая на пути, в которой Косяков разглядывал темную незамерзшую ленту Оки, прочно впаявшуюся в заснеженные берега, сменилась плотным, словно бы отвердевшим сугробом, невесть как очутившемся на этой высоте.

Наступал самый тяжелый этап работы, в одинаковой степени тяжелый и для Серебрякова, и для Косякова, – промахиваться было никак нельзя. Тем более с желанным для нашей разведки подарком на борту – пленным генералом и его портфелем.

Неужели генерал так и не оживет, не вскинется, не заблажит, не бросится на кого-нибудь из экипажа с кулаками? На этот счет самой бдительной была Интерна, не спускала с фрица глаз. Точное лицо ее будто бы окаменело, «вальтер» она теперь убрала под крохотный передник, лишь наполовину прикрывавший узкий немецкий мундир. В случае опасности ей хватило бы одного мгновения, даже, наверное, половины мгновения, чтобы выхватить пистолет из-под передника и выстрелить.

Вообще-то, заметно было, что Интерна прошла специальную школу и в любой драке могла одолеть и дюжего кузнеца, в гневе полезшего на нее с молотом, и инструктора по вольной борьбе, представляющего на армейских соревнованиях свой стрелковый полк.

«Молодец, Интерна, – отметил про себя Косяков и, вспомнив свою юность на Волхонке-ЗИС, разговоры той поры, добавил, чуть не произнеся это бодряческое слово вслух: – Молоток!»

Жаль, что радиокompас – штука ненадежная, жаль, что вряд ли им помогут другие навигационные приборы, в том числе и электротехнические, но Косяков был спокоен,

более того – уверен в том, что полет закончится благополучно, и только так. А пока они идут по маршруту без отклонений, – точно идут.

У хороших летчиков развито чувство, которое никак не называется, о нем ничего нет в учебниках, но это чувство существует... «Чувство земли», вот как коротко можно определить его, и именно так называют его знающие люди.

Серебряков тоже относился к такой категории пилотов, иначе его вряд ли бы посадили за штурвал незнакомого «Юнкерса». Косяков, конечно, не был таким мастером, как капитан Серебряков, но землю ощущал тоже и вслепую, ничего не видя и ничего не слыша, мог точно определить, что находится внизу, земля или вода, широкая лесная дубрава или горные кряжи с ледяными макушками... Кстати, в своем полку он однажды выиграл на спор две наркомовские пайки – победил в состязании по слепой ориентации.

«Юнкерс» тем временем сильно потрянуло – ну словно бы он наткнулся брюхом на голую землю, какой-нибудь песчаный остров, – скользил, скользил по гладкой поверхности, ни за что не цеплялся, и вдруг налетел на широкую твердую полосу. Единственное что – каменный скрежет только не прозвучал.

Косяков покосился на командира экипажа. Тот спокойно, словно каменная глыба, сидел в своем кресле, управлял самолетом. Тряску он, можно сказать, не заметил – мало ли чего в воздухе случается. Раз Серебряков спокоен, то и экипаж может быть спокоен, все идет по плану.

Глянув вниз, старший лейтенант озабоченно потер виски – под брюхом «Юнкерса» снова что-то возникло, даже скорость у самолета, кажется, упала, пространство за бортом залепило крупным тяжелым снегом. Ничего не стало видно, только снег, снег, снег...

Посмотрев в одну сторону, за плечо командира, потом в другую – в слепое пространство, обозначившееся за скорбно сторбленной фигурой Малых, Косяков оглянулся – пленного генерала, как и обстановку за бортом самолета, завязанную на погодные фортели, нельзя было выпускать из вида.

Генерал, похоже, продолжал пребывать в отключке, в своем вареном состоянии, находился все в той же позе, стиснутый своим мундиром, с крестом на шее – заслуженный был человек, отмеченный лично фюрером.

Непонятное беспокойство заставило Косякова приподняться, – он встревожено глянул на Интерну и повел подбородком в сторону пленного: как он?

– С ним все в порядке, – усмехнувшись, проговорила Интерна.

– А чего это он в себя никак не может прийти? Будто бы мертвый? А? – тут в голову Косякову пришла неожиданная мысль и он, спотыкаясь в словах, почти теряя контроль над собственной речью, пробормотал осипшим, внезапно севшим голосом: – Вдруг он... того?

В следующий миг Косяков подумал: если бы генерал не удержался и сделал бы «того», то вонь в самолете сейчас стояла бы такая, что пришлось бы выпрыгивать отсюда с парашютами. Но таких предпосылок вроде бы не было, генерал еще не дозрел до таких высот «общественного поведения», скажем так.

Время, кажется, растянулось, как грешник на дыбе, аэродром, который они уже считали своим, родным, – обжили же его! – потерялся в снежном мраке, утонув в нем с головой и осветительными огнями, подсобными строениями и полосатыми колбасами, указывающими направление ветра; пространство захлебнулось в падающем вале, в сумраке тяжелого ноябрьского дня...

Казалось, что и сама жизнь вот-вот кончится, но она не кончалась – и слава Богу, – ведь им еще предстояло одолеть фашистов, выпить водки на главной площади Берлина и вернуться домой... А после этого уже и умирать можно было.

На аэродром вышли с трудом – ну будто бы действительно увязли в несметы падающего снега, оставились в нем – ни туда, ни сюда, хотя моторы «Юнкерса» работали с полной нагрузкой и самолет с трудом, но все-таки приближался к точке приземления.

Уже позже Косяков вспоминал, что иногда снег словно бы обрезало, пространство немного раздвигалось, приобретало спасительную глубину, в которой можно было хотя бы малость сориентироваться... Может, это и спасло их, а может – другое, спокойствие и профессионализм Серебрякова, Косякова, Малых, может, еще что-то – Господь, звезды, светившие над головой каждого из них, или одна общая звезда, единственная на всех, либо что-то еще, очень важное и в жизни и в природе.

Когда до аэродрома оставалось километров двадцать пять, не больше, Косяков предупредил командира громко, будто заменил собою СПУ – самолетное переговорное устройство радиотрансляцией, включив ее на полную мощь:

– Мы на подлете.

– Понял вас, – спокойным, чуть замедленным тоном проговорил Серебряков, убавил немного газ, через несколько минут снова убавил.

«Юнкерс» просел, охалка густого снега прилипла к переднему стеклу и тут же сползла вниз – стекло обогревалось максимально, а встречный воздух, плотный, холодный, мог соскрести с самолета что угодно, даже пролитый, мертво прилипающий к любой поверхности клей. Соскребет и следа не оставит, такой была сила бьющего в лоб «Юнкерса» потока.

Погода для полетов оставалась неблагоприятной, сегодня она лютовала с самого утра, куражилась, вываливала на землю огромные заряды, грохотала, будто баба, не сумевшая на кухне справиться с кастрюлями, злилась, плевалась пьяно, рычала... В общем, давно не устанавливалась такая гадкая погода... И все-таки они одолели эту ведьму, слетали на задание в Смоленск, – слетали, как разумел Косяков, успешно. Осталось только успешно завершить полет. Желательно без поломок.

Но даже если посадка будет аварийной, если они развалятся, стукнувшись о землю и погибнут, то все равно вещи, находящиеся в «Юнкерсе», в том числе и драгоценный портфель генерала, останутся целы... Может быть, немного обгорят, закопятся и только. Бумаги, находящиеся в портфеле, уцелеют. Если это будет так, то задание можно считать выполненным.

Теперь вот, в эти непростые минуты Косяков понимал, насколько серьезной, опасной и одновременно остроумной была проведенная операция. Все могло споткнуться на какой-нибудь мелочи, срезаться, сгореть, но не споткнулись же, не срезались, не сгорели, экипаж «Юнкерса» успешно провел ее.

Серебряков тем временем связался с землей, передал связь Косякову, посадку нужно было совершить с предельным умением, тщательно, для этого предстояло напрячься не только командиру и штурману, но и всем, кто сейчас находился в «Юнкерсе».

Что ж – напрячься, так напрячься, Серебряков решил сделать над аэродромом прикидочный круг, проверить габариты взлетно-посадочной полосы, и все вслепую, а потом уж садиться.

Был Серебряков спокоен как никогда, он даже улыбался. И самолет опустил в шевелящееся снеговое молоко спокойно, ни один мускул не дрогнул на его лице.

Видимость обозначилась уже над самой землей, метров двадцать пять всего оставалось, изменить что-либо было нельзя, и Серебряков решительно толкнул штурвал от себя – надо было как можно быстрее коснуться колесами земли. И он это сделал.

«Юнкерс» взбил за своим хвостом длинный серый шлейф высокой морской волной, валом, в котором не хватало, наверное, только пены и морской гальки, – покатился к границе аэродрома, разрубая снег колесами, но Серебряков довольно быстро окоротил его, у проволочного забора развернул самолет и неспешно погнал его не к ангару, где «Юнкерс» обычно ночевал, а к кирпичному управленческому дому.

Все советские аэродромы были построены по одной схеме: смоленский аэродром, например, как две капли воды похож на этот, подмоховый. Конструктор у этих аэродромов был, наверное, один на все стройки, общий.

У административной двухэтажки стояло несколько машин, среди них выделялся начищенный новенький ЗИС, на крыле которого, наверное, не было ни одной прилипшей снежинки, словно бы автомобиль обрабатывали специальным составом – как самолет, отбывающий в заморозенную Арктику, к металлу тогда ни одна ледышка, ни одна снежинка не прилипнет.

Когда подлетели ближе, то обнаружили, что ЗИСов, оказывается, было два, вторая машина имела вид не столь щеголеватый, как первая. А может, на ней просто было меньше лака и блестящих хромированных деталей, из замутненного пространства, да еще из «косого сверху», это было трудно разобрать.

Серебряков заглушил оба мотора разом, сделалось тихо, так тихо, что Косяков, кажется, услышал биение собственного сердца.

ЗИСы будто команду свыше получили, тут же тронулись, вначале

тот, который был начищен до блеска, торжественный, как на параде, за ним второй; резво врубаясь колесами в снег, машины подкатили к «Юнкерсу».

Из первого ЗИСа молодецково, не ощущая собственных годов, выбрался седой полковник. Быкасов распахнул примерзшую в полете к корпусу дверь и выставил наружу алюминиевый трап. Полковник понимающе кивнул и через несколько секунд очутился в самолете.

– Поздравляю с возвращением домой, – провозгласил он громко, пожал руку Серебрякову, затем Косякову, Малых и пошел дальше по кругу. – Молодцы вы, большие молодцы, – произносил он благодарно, – справились с архитрудным заданием на пять!

Другой полковник ограничился бы строгими официальными словами, на которые надо было бы отвечать так же строго, желательно громко, преданно поедая начальство глазами, вытянувшись во весь рост – так, чтобы голова воткнулась макушкой в потолок салона: «Служу пролетарской Отчизне!» Или прорывкать что-нибудь в этом роде, но этот полковник предпочел обойтись словами, лишенными железной окраски.

Около плененного генерала он остановился. Немец все-таки ожил, пришел в себя, немного подобрался, подтянул ноги под кресло. Интерна передала полковнику мягкий, изрядно потрепанный портфель с желтой пластинкой, дорого поблескивающей. Полковник улыбнулся понимающе и сунул портфель себе под мышку, победно похлопал по добыче ладонью.

– Ай, да молодцы! – вскрикнул он громко, громче, чем прежде, затем выглянул в дверь и позвал помощников, прикативших с ним на втором ЗИСе:

– Давайте-ка сюда, громодяне!

Двое помощников мигом одолели лесенку трапа и влетели в салон

самолета. Генерал, поняв, что пора покинуть негостеприимный воздушный коллектив, поднялся из кресла, пошатнулся, – нервы не выдержали обстоятельств, в которые он попал, вот ноги и стали отказывать, тело держали с трудом. Плохо было немцу.

Из самолета он не вышел, а выплыл на руках помощников полковника. По воздуху. И тут же был определен в первый нарядный ЗИС. Один из помощников уселся рядом с ним на пухлом кожаном сиденье: мало ли чего взбредет в мозги сановитому пленнику!

Полковник уже начал спускаться по трапу на снег, когда с запоздалым вопросом к нему обратился Серебряков:

– Товарищ полковник, когда нам можно будет отбыть назад, в расположение своих частей?

Полковник завис на трапе и отрицательно помотал головой:

– Э-э-э, не торопитесь... Подождите еще немного, капитан. Завтра, в десять ноль-ноль, будьте готовы – поедem в Кремль. Всем составом. А что дальше будет – скажут.

Серебряков взял под козырек:

– Есть быть готовым к десяти ноль-ноль!

Проводив глазами полковника и его транспорт, – оба ЗИСа на хорошей скорости устремились к выезду с аэродромной территории, – капитан прошел к командирскому креслу и неловко, косо, опустился в него. У кресла от тяжести тела командира даже кожа захрустела скрипуче, вызвала на зубах боль... А может, это и не кресло скрипело вовсе, а тевтонская летная куртка из рыбьей кожи – форменная одежда пилотов Геринга, не выдержавшая нагрузки на морозе, этого капитан не знал. Да и не надо было ему это знать.

Руки у Серебрякова сами упали вниз, словно бы ему сделалось невмоготу держать их – то ли болью

были наполнены, то ли усталостью, как-никак, он столько времени просидел за штурвалом, второй пилот ни разу не перехватил руль, командир все время держал его в своих пальцах.

– Охо-хо! – загнанно, со стоном вздохнул он, запрокинул голову назад.

Несколько минут он сидел неподвижно, словно бы у него перестало биться сердце и вообще капитан онемел, его не трогали ни второй пилот, ни Косяков, даже Интерна не посмела приблизиться, хотя и намеревалась – ведь в ее хозяйстве было много чего интересного для экипажа: и горячий кофе, и бутерброды, не успевшие заскорузнуть, поскольку находились в холодильной камере, и галеты, и две вкусные бутылки – генералу на выбор... Одна бутылка была французская, со знаменитым коньяком, вторая – немецкая, со шнапсом.

Но Интерна не осмелилась предложить командиру ни кофе, ни коньяк, ни бутерброды, хотя надо было бы: все-таки он был главным, и в том, что важное, очень трудное задание было выполнено, была прежде всего его заслуга.

Все остальные должны выстроиться длинным рядом, друг другу в затылок – по степени участия в сегодняшнем полете, по значимости, гуськом, как принято говорить в таких случаях.

Малых обхватил Серебрякова за плечи, сжал со вздохом – понял, что происходит с командиром, что у того внутри, насколько уязвим он сейчас, – расслабился командир, убрал жесткий сцеп, в котором находился последнее время, поэтому и чувствует себя, мягко говоря, не очень хорошо. А если быть более точным – чувствует себя плохо. Малых знает это состояние, бывало такое и с ним – война есть война, в ней много боли, поэтому каждый, кто находится на фронте, получает свою долю.

Сполна получает, а иногда и с довеском. Впрочем, что об этом говорить – не иногда получает, небольшими порциями, а всегда, каждый день, постоянно, по полному блюду.

– Все, капитан, – сказал Серебрякову второй пилот, – пошли! Здесь холодно, – Малых пошевелил плечами, поскрипел курткой.

Очень противный, скрип этот химический, даже челюстям щекотно.

– Пошли! – повторил Малых.

Серебряков вроде бы слышал его, ожил, шевельнулся, но потом со вздохом осел опять; второй пилот призывно похлопал его по плечу. Командир кивнул, давая понять, что он все слышит. Нагрузка на его долю выпала огромная – половина всей нагрузки, общей, что досталась экипажу... Одна половина нагрузки – шестерым членам экипажа, вторая половина – Серебрякову... Распределение неравномерное.

Прийти в себя после перенесенного было непросто, Серебряков словно бы онемевший, сейчас одолевал собственное онемение. Такое может случиться со всяким человеком, взглянувшем туда, где живет смерть.

– Пошли, пошли, – снова потянул командира за собой Малых и капитан послушно наклонил голову, он слышал своего помощника. Оперся обеими руками о мягкую кожаную плоть сиденья, рывком приподнял свое тело.

По отношению к нему земное притяжение срабатывало словно бы с удвоенной силой. На других членов экипажа эта физическая особенность такого влияния не оказывала... А может, Косякову это только казалось.

Снег, который навалился на округу, когда «Юнкерс» уже приземлился, быстро начал выдыхаться и скоро совсем угас; сквозь снежины, которые подобно бабочкам, застряли в воздухе и лишились возможности опуститься – слишком невесомы они были, – неожиданно протиснулись тонкие, почти бесцветные, хотя

к вечеру должны были окраситься в красноватый колер, лучи солнца и волшебным образом раздвинули пространство.

Светило солнце недолго, быстро угасло, и на землю начала наползать холодная вечерняя темнота. В гостинице Косяков долго стоял у окна, смотрел на недалекий лес и пухлые, словно бы взошедшие на дрожжах сугробы; стремительно стали мутнеть и исчезать дали, – смотрел и ощущал некую внутреннюю неловкость: надо бы собраться на общий ужин, посмотреть на экипаж, который сумел сколотиться за очень короткое время в единое целое, а теперь вот ему предстоит рассыпаться... Он приговорен, увы. И этот следующий ход их общей судьбы, жизни их, рождает глубокую грусть.

На общий ужин они все-таки собрались, пришли все, кроме Интерны, за которой пришла «Эмка» и увезла в штаб, к начальству, – но был этот ужин очень тихим, даже невзрачным и длился не более часа.

Причина, конечно же, была в одном – полет в Смоленск и обратно выжал всех до последней капли, все, что было в этих людях, свел на нет, люди устали настолько, что осознание того, что тяжелое задание они выполнили с честью, не бодрило их; даже Серебряков не был в форме. Других причин, как показалось Косякову, не существовало.

Впрочем, стоп! Возможно, что причина эта все же есть: полковник не распустил их, задержал, велел находиться в состоянии готовности, поскольку впереди был новый день, который также может быть трудным, и прожить этот день надо достойно, не струсить и не опуститься до чего-нибудь низкого. Это было тоже очень важно.

С мыслью о важности завтрашнего дня – вдруг снова заставят лететь в Смоленск или в занятый немцами Львов и везти в Москву очередного пленника, либо того хуже – лететь на восток, в Монголию, в Китай,

и это будет еще тяжелее, чем было, – Косяков вернулся в свою гостиничную комнатку, не переставшую удивлять его своей безоглядной унылостью, разделся, накрылся с головой одеялом и стремительно провалился в сон.

Ну будто бы в яму какую ухнул... Очнувшись оттого, что в дверь кто-то стучал. Шатаясь, словно бы изрядно выпил, он подобрел к двери, открыл ее. На пороге стоял Серебряков.

– Пора вставать, старлей, – сказал он.

– Что, снова на ужин, чтобы на сон грядущий выпить чаю и заесть его булочкой, товарищ капитан?

– Ночь уже кончилась, старлей, вставай! Форму приведи в порядок. Сегодня велено быть на высоте – наутюженными и начищенными, гладко выбритыми и наодеколоненными. Понял, Иван свет Андреевич?

Надо же – уже утро. Ночь прошла, будто ее и не было, – как одна минута. Вот что значит усталость... Да не устал он, а выжал себя до последней капли.

Собственно, ночь еще не прошла, за окном было темно, на расстоянии вытянутой руки ничего не видно; снег, несмотря на то что месячная норма его выполнена на сто с лишним процентов, продолжал валить из заоблачных высей с удвоенной силой.

Косяков, босиком стоявший перед командиром на крашеном холодном полу, не выдержал, поджал вначале по-гусиному одну ногу, потом другую – холодный пол обжигал подошвы, и Серебряков, сам еще толком не проснувшийся, отпустил его.

– Через сорок минут спускайся вниз, – на всякий случай сказал он, – на торжественный завтрак.

За завтраком собрались все. Все семеро. Свежее всех выглядела Интерна – совсем юное создание, это было видно по ее лицу, коже на лбу и щеках, не имевшей ни одной морщины. Но создание это обладало

выдержкой очень опытного бойца, с достоинством прошедшего фронтовые огни вместе с водами, с окопной хлябью и медными трубами. У Косякова Интерна вызывала восхищение. Когда старший лейтенант смотрел на нее, то удивлялся по-ребячьи: а ведь Интерна – настоящий ангел. Вместе со снегом спустившийся с неба.

Наверное, так оно и было. Впрочем, ангел этот, юная девчонка, знала взрослые борцовские приемы и могла легко сбить с ног битюга-эсэсовца, а если понадобится, то и перекусить ему глотку.

Торжественный завтрак, обещанный Серебряковым, состоял из манной каши, кружки кофе с цикорием и двух куриных яиц, сваренных всмятку. Хлеба можно было есть сколько угодно.

– Командир, что нам сегодня еще предстоит? – спросил Малых, ловко обрабатывая чайной ложечкой «куриный фрукт» и извлекая из него полусваренный желток. – Еще один полет или чего-то еще?

– Полагаю – чего-то еще, – хмуро проговорил Серебряков. – Иначе зачем заставлять нас с самого утра марафетить сапоги?

– А из чего состоит это «чего-то еще», не знаешь?

– Не знаю. Но полагаю, кто-нибудь из начальства пожмет нам руки и скажет: «Спасибо, ребята!» Так что тренируйся, тебе придется без запинки произнести три волшебных слова...

– Какие?

– Служу Советскому Союзу!

– Какие-нибудь полеты состоятся сегодня?

– Нет, не состоятся. Мне об этом никто ничего не говорил.

В половине десятого к гостинице подъехали три «Эмки». Из передней вышел знакомый полковник, неторопливо огляделся, поскрипел подошвами сапог по отвердевшему за ночь снегу, поджидая кого-нибудь из экипажа «Юнкерса».

Через минуту около него оказался Серебряков. Был он в гимнастерке, перетянутой ремнем и портупеей – слишком легко одет, хотя на улице подмораживало. От капитана пахло «Красной Москвой» – хорошим одеколоном. Лицо чисто выбрито – командир приготовился к встрече с начальством основательно.

Серебряков хотел доложить начальству по всей форме, но тот остановил его быстрым движением руки:

– Не надо, капитан! Нам пора ехать!

– Йе-есть!

– И вообще – дорога плохая, может быть замечена снегом. Так что поторопитесь, товарищ капитан!

Прошло совсем немного времени и экипаж «Юнкерса» полностью сидел в машинах.

– Молодцы! – похвалил полковник, уселся в головную «Эмку» рядом с водителем. Скомандовал негромко: – Вперед!

Был он благодушен, с лица не сходила улыбка: похоже, начальство уже похвалило его великодушным словом «Спасибо» и какой-нибудь генерал с усталым взглядом пожал ему руку: ведь в успехе экипажа «Юнкерса» есть и его доля.

Хотя что было в портфеле плененного генерала – неизвестно. Вполне возможно, содержания бумаг не знает и полковник. Если, конечно, это не по его части...

Рассвет наступил час с небольшим назад, но ночная муть до конца еще не растаяла, сгустки темноты виднелись всюду – в лесных чащах, подступавших к дороге, в завалах снега, похожих на крупные морские дюны и кое-где засыпавших деревья до средних веток. Нижние ветки уже спали крепким сном в спекшихся замороженных завалах, способных, как ни странно, хранить тепло, а середины деревьев и замерзшие макушки еще маялись, бодрствовали.

Таковы медвежьи законы русских лесов.

Ехали молча. И не потому, что не о чем было говорить, поскольку не все имели отношение к авиации – и полковник, сидевший в передней машине, был далек от науки, требовавшей от «пахарей неба», чтобы количество посадок обязательно было равно количеству взлетов, и водители «Эмок» тоже были далеки от этого, и лейтенанты, сопровождавшие экипаж «Юнкерса», хоть и по другой причине: устали. Это раз. И два – неизвестно, зачем их выдергивают наверх. Можно, конечно, догадываться, строить предположения, но и не более того – концы могут не сходиться с концами.

В передней машине вместе с полковником ехали Серебряков и Косяков. Полковник по дороге дважды бросил незначительные реплики, Серебряков ответил однозначно, и полковник умолк. Да и в разных весовых категориях они находились – полковник и капитан, – чтобы вести душевные разговоры... А Косяков, тот вообще молчал, думал о своем, о барачной Волхонке и умолкнувшей Полине. Что с ней происходит? Этот вопрос тревожил Косякова и чем дальше – тем больше.

В последней «Эмке» следовали бортовые стрелки Быкасов и Юзлов, еще – в последнюю минуту подсевший в машину молчаливый лейтенант с папкой, которую держал обеими руками, словно бы боялся ее потерять...

Кавалькада из трех автомобилей мчалась к Москве.

Неожиданно шофер головной «Эмки» резко приподнялся на сиденье, – вскинулся и чуть не врезался головой в потолок; могла, конечно, стрястись контузия, но череп у шофера был крепче полкового казана, он ничего не заметил и заговорил, возбужденно давясь воздухом:

– Гляньте, гляньте, товарищ полковник – заяц!

Впереди по дороге, никуда не думая сворачивать, бежал заяц. Полковник, в котором мигом пробудился охотничий азарт, также поднялся на сиденье.

Заяц был крупный, матерый и, наверное, не глупый, но малость растерялся косою, раз не желал пропустить кавалькаду из трех больших черных слонов, противно воняющих бензином.

– Может, радиатором его приголубить, а, товарищ полковник? А можно и автомат достать? – водитель с надеждой скосил глаза на полковника.

– Отставить радиатор, отставить автомат, – резко произнес полковник. – Заяц от войны домой прибежал, а вы хотите его на сковородку или в кастрюлю запихнуть. Ну и гуманист! – Он осуждающе покачал головой.

Шофер, как и заяц, неожиданно растерялся.

– Так что же делать, товарищ полковник?

– Да ничего. Отстаньте от зайца, и все дела.

– Есть отстать от зайца, – огорченно проговорил шофер, притормозил со скрипом, заяц бойко унесся вперед, водитель послал ему вдогонку длинный звучный сигнал, и заяц, услышав его, совершил чемпионский прыжок в сторону, длиной, наверное, метров десять, не меньше.

– Ого! – удивленно произнес полковник.

Только сейчас, когда люди увидели заячий бок, стало ясно, что пришел косою с юга, и следовал он издали, бежал от немцев, шкура у него была коричневатой-серой, под цвет земли. Такого колера, к слову, была земля на полковом аэродроме у штурмовиков, где служил Косяков. И зайцы там были такого же цвета – земляного.

– Молодца! – похвалил полковник, определенно ни к кому не обращаясь, это была похвала, скажем так, в пространство. Но шофер был

малым храбрым, либо просто хорошо знал своего шефа.

– Это вы к кому, товарищ полковник? – поинтересовался он. – К кому конкретно?

– Ко всем сразу. И к тебе, и к себе, и к зайцу, и к тем, кто сидит во всех наших машинах, – миролюбиво проговорил полковник. Мужиком он был, судя по всему, неплохим.

Шофер качнул головой – такой материалистический интернационализм ему нравился.

Дальше ехали молча, на окраине Москвы, у гряды противотанковых ежей, остановились. К головной «Эмке» подскочил командир в ушанке с офицерским верхом, в теплой барашковой шубе – издали засек полковника; следом за ним подошли два автоматчика, также в шубах и засупоненных шапках-ушанках.

Въезд в Москву был перекрыт частыми патрулями.

Из последней «Эмки» легко и ловко выметнулся лейтенант с папкой, выдернул из-под первой обложечной страницы лист бумаги, украшенный ровно тиснутой печатью, передал начальнику патруля. Тот развернул лист, чтобы лучше видеть, глянул на удостоверение полковника и, не поворачиваясь, не проверяя другие машины, разрешающе повел головой в сторону:

– Проезжайте!

Через полтора квартала кортеж «Эмок» остановили снова.

– Документы!

Опять из последней машины пришлось высказывать молчаливому энкаведешному командиру; он подскочил к начальнику патруля, по обе стороны которого высились автоматчики, уже не двое, а трое. Гренадеры с развернутыми плечами и пристальными, все засекающими глазами, хорошо вооруженные, на поясах у них висели даже гранаты.

– Товарищ полковник, пусть лейтенант с папкой сядет на мое место в головную «Эмку», а я перейду в хвостовую, так будет удобнее, – предложил Косяков.

– Это только в авиации подчиненные лезут поперед батьки-командира в пекло, в остальных родах войск этого нет.

– Извините, товарищ полковник, я хотел как лучше...

– А получилось, что заяц догнал охотника и отнял у него ружье... Сидите пока, старлей, где сидите, а дальше – решим.

Пока добирались до центра Москвы, прошли еще четыре проверки у патрулей. Москва была жива, спокойна и готова к сопротивлению. «Если немцы сюда войдут, то застрянут здесь в уличных боях года на полтора, это точно», – такая мысль возникла в голове у Косякова, но он ее поспешно прогнал прочь: упаси Господь фрицев допустить в столицу! Пусть они бесятся сколько угодно по поводу того, что на Красной площади не состоялся их парад... Он, к слову, и не должен был состояться – по законам истории, правды, справедливости... По законам вращения матушки-земли, если хотите. Никогда немцам не бывать в Москве, ни им самим, ни их танкам.

Это Наполеон побывал в Москве без приглашения, да и то только потому, что Кутузов так решил. Начесть же Гитлера такого решения не было – ни у одного полководца, ни у другого. Ни у Кутузова, ни у Сталина.

Хоть и знал Косяков Москву, а момент, как они вывернули к кремлевской стене, не засек. А еще летчик со штурманскими наклонностями, которому положено засекать все и вся. Всякую мелочь, в общем.

Машины остановились перед внушительными воротами, цена которых была не меньше цены большого города. Сколько ни бывал Косяков на Красной площади ранее, а всегда

душа его сжималась тревожно – здесь работает товарищ Сталин.

Правда, сейчас этой тревоги внутри не было – видать, повзрослел, годы взяли свое. Да и война наложила на него отпечаток. Переживания, нервные истерики и прочие «технологические срывы» на войне недопустимы. Будешь дергаться – вообще потеряешь самообладание и погибнешь не за понюшку табака.

Стены кремлевские были занесены снегом, белая налип набилась в углубления между зубцами, ощущалось, что зима будет серьезной и долгой.

Проезд сквозь кремлевскую стену, сам тоннель, был глубоким, по ту сторону тоннеля также стоял пост. У постовых были суровые лица. А какими они, собственно, должны быть у солдат, охраняющих первое лицо в государстве? Мимо такой охраны и мышь не проскочит, и муха не пролетит.

Второй пост также проверял документы. Это была предпоследняя проверка, за ней – последняя, уже в здании, около которого остановился кортеж «Эмок». Здесь группу, приведенную полковником, ожидал сухой, с аккуратной бородкой человек в пенсне, очень похожий на старившегося Чехова. Все портреты Чехова, которые знал Косяков, были молодыми (да и умер Антон Павлович молодым, болезнь не дала ему состариться), а здесь их встретил старенький Чехов, немного даже сутуловатый, с расточенными ревматизмом ногами. Но главная чеховская примета – пенсне, прикрывающее внимательный взгляд, – в облике сотрудника присутствовала.

Перекинувшись несколькими словами с полковником, он повел группу по мраморной лестнице на второй этаж, в небольшую, обтянутую блестящей шелковой тканью гостиную, усадил гостей в кресла.

Продолжение следует

ВЫСТАВКА «ГАЛИНА УЛАНОВА: “ДУША ДВИЖЕНИЯ – ДВИЖЕНИЕ ДУШИ”»

Выставка Бахрушинского театрального музея, посвященная великой прима, народной артистке, дважды Герою труда, самой титулованной балерине в истории отечественного балета и гениальному педагогу Галине Улановой (1910–1998), открылась в Алексинском художественно-краеведческом музее. Ранее экспозиция была представлена в Париже и Софии, а в 2023 году вошла в программу мероприятий Европейских дней культурного наследия Министерства культуры Франции.

Экспозиция составлена из уникальных фотографий легендарной балерины и ценных предметов, бережно хранимых специалистами Бахрушинского музея.

Всемирная слава Галины Улановой – результат ее таланта, уникального актерско-



Галина Уланова в роли Золушки в балете С. Прокофьева «Золушка». 1946

и элементов хореографии. Прокофьев называл приму «гением русского балета», а Эйзенштейн считал, что Уланова «принадлежала другому измерению».

Галиной Улановой восхищалась публика Англии, Германии, Франции, Италии, Америки... В каждом городе, в любой стране, где планировались гастроли советского

балета, с нетерпением ждали именно Уланову.

«В каждом танце мы видели разную Уланову, но всегда до предела выразительную, почти говорящую. Никогда еще ничего подобного, столь поэтического и человеческого, не появлялось в наших театрах» («Unita», Италия, 1951 год). «Слава Улановой опередила ее приезд – имя балерины уже давно было окружено легендой. Увидеть легенду во плоти и не разочароваться в ней – большое счастье» («Нью-Йорк таймс», США, 1959 год).

Именем Галины Улановой названы алмаз, сорт тюльпанов, сорт сирени и даже астероид. Она стала первой (и остается единственной) балериной, при жизни удостоившейся двух памятников: в родном Санкт-Петербурге и в Стокгольме.

И на выставке в Алексине Галина Уланова показана не только как танцовщица и преподаватель, но и как прославленная икона стиля – обладательница гардероба, равного которому не было у соотечественниц-современниц. Гости смогут познакомиться с коллекционными украшениями и дизайнерскими аксессуарами

в которых Галина Сергеевна исполняла свои знаменитые партии. На выставке зрители увидят корону – деталь костюма для партии Одиллии («Лебединое озеро»); бусы от костюма для «Русского танца»; венок ее легендарной Золушки; кольцо, серьги, веер из коллекции мемориальных предметов музея-квартиры Улановой в Москве, а также шляпные булавки, шпильки для волос и другие предметы быта и сценических образов примы балета. К новой выставке специалисты Бахрушинского театрального музея разработали и создали даже специальные бархатные подставки, не похожие на стандартные демонстрационные конструкции.

В разделе фотоматериалов Галина Уланова запечатлена в детстве, в юности и в служении искусству: в самых знаменитых партиях из балетов «Ромео и Джульетта», «Жизель», «Шопениана», «Лебединое озеро», «Бахчисарайский фонтан». В особом фоторазделе зрителей ждет встреча с Улановой-педагогом во время репетиций с ее прославленными учениками: Владимиром Васильевым, Людмилой Семенюкой, Надеждой Грачевой, Николаем Цискаридзе.

Пройдя по выставочному маршруту, проследовав за «движением души», посетители смогут проникнуться вдохновением Улановой, ее необычайной работоспособностью, высочайшими требованиями к артисту в профессии – и в первую очередь к самой себе. Прочувствовать суть личности Галины Сергеевны на протяжении всего ее жизненного пути. Современники называли ее «обыкновенной богиней» и гением русского балета, но даже и эти слова не говорят всего о легенде мирового балетного искусства.

Выставка «Галина Уланова: “Душа движения – движение души”» продлится до 14 января 2025 года.

